

АЛЕКСАНДР
СНЕГИРЁВ

Нефтяная Венера

НОВАЯ
РЕДАКЦИЯ РОМАНА

ПОСЛЕСЛОВИЕ
А. ТОПОРОВОЙ

ОТКРОВЕННОЕ ИНТЕРВЬЮ
С АВТОРОМ В КОНЦЕ КНИГИ

ФИНАЛИСТ ПРЕМИИ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР»,
ЛОНГ-ЛИСТЫ ПРЕМИЙ «РУССКИЙ БУКЕР», «БОЛЬШАЯ КНИГА»

АЛЕКСАНДР
СНЕГИРЁВ

Нефтяная Венера

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С53

Новая редакция романа

Художественное оформление серии *П. Петрова*

В оформлении переплета использована репродукция картины *А. В. Тыфанова «Крестьянский мальчик, пускающий мыльные пузыри»*

Снегирёв, Александр.

С53 Нефтяная Венера / Александр Снегирёв. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 320 с. – (Александр Снегирёв: Проза о любви и боли).

ISBN 978-5-699-91233-9

«Юноша и девушка, едва перешагнув пубертатный возраст, полюбили друг друга. На девушке это соответствующим образом сказалось – она понесла и родила ребенка-дауна. Влюбленные в ужасе – психическая травма, истерика, раздор. От ребенка они отказываются – никто не согласен жертвовать своей молодой, ничем не примечательной, но все-таки единственной жизнью ради безнадежно больного отпрыска. В результате родители юноши берут внука-дауна на воспитание. ...Главное же, что происходит и захватывает читателя в книге, – процесс очеловечивания главного героя через общение с капризным, обидчивым, неполноценным и, в общем-то, нечеловеческим (но при этом все-таки родным) существом Ваней. И Ваня при этом тоже очеловечивается. Очеловечивается, не меняясь, – метаморфозу претерпевает не персонаж, а отношение к нему читателя, в чьем сознании автор производит явственный сдвиг. ...Роман сильный. Очень сильный».

П. Крусанов

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91233-9

© Топорова А., послесловие, 2016
© Снегирёв А., текст, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Моей семье

Римме Казаковой

*Спасибо Ольге Столповской
за помощь в работе*

— Ха-мам под ключ, — читает по слогам Ваня, глядя в окно. Мы проезжаем мимо ангаров, увешанных рекламой. Чтобы успеть за вывеской поймать улетающие буквы, Ване приходится расплющить физиономию о боковое стекло.

— Что такое ха-мам?

— Баня турецкая.

— Ха-мам, ха-мам, хамам! — Ваня приноравливается к новому слову, твердит его без остановки.

— А что значит «под ключ»?

— Они целиком построят хамам и выдадут ключ. А тебе надо будет только там париться. В этом хамаме.

— В хамаме, — повторяет Ваня. — Хамама!

Слово его смешит, он пробует его, произносит на все лады. Тонким голосом, басом, растягивая звуки или, наоборот, скороговоркой:

— Хамама, ха-а-а-м-а-а-м-м-м-а-а-а, хмама!

Шофер «Газели» делает радио погромче. Ваня принимает вызов:

— Хамам, хамам, хамам!!! — орет он, перегибаясь через меня к шоферу.

— Хамам, — пискляво кривляюсь я в ответ, оттянув пальцами уголки глаз. Типа я китаец.

— Хамам! — зловеще трубит Ваня мне в лицо, сделав большие глаза.

— Слышь, потише! — рывкает наконец шофер, собираясь сплюнуть, но не сплевывает.

Корчу гримасу, будто ужасно испугался, Ваня хохочет. Оставшийся путь преодолеваем без приключений. Вот уже и старый забор нашей дачи.

— Остановите здесь, — говорю шоферу. — Земля не промерзла, застрянем.

— Открывай ворота, — раздраженно буркает шофер.

Мы вполне можем донести вещи от «Газели» до дома, не заезжая на влажную лужайку. Хоть и начало декабря, но погода апрельская.

— Застрянем!

— Сам разберусь! — Мы в глазах шофера два ни на что не годных идиота. Куда нам знать, проедет он или нет.

— Не надо ехать, колефа будут буксовать, — вмешивается Ваня, тербя ухо и глядя вниз и в сторону. Он всегда шепелявит, когда волнуется.

Шофер издает глухое рычание. Яжимаю плечами.

— Ладно, Вань, дяде виднее...

Ваня находит ручку, тянет ее на себя, дверца открывается. Пыхтя, он вываливается из кабины.

— Мокро!

— Вот тебе ключ, отпирай дом.

Эти шоферы грузовиков люди особые, никто им не указ. Помню, я был ребенком и родители заказали грузовик — перевезти старую мебель. Водила не послушал моего отца, пришлось вызывать трактор, чтобы его вытащить. Лет пять назад, когда ремонтировали фундамент, «КамАЗ» с песком приехал прямо во время дождя, вопреки предупреждениям, и застрял до вечера. Пришлось откапывать все четыре колеса, следы колеи видны до сих пор.

Снимаю холодный замок с ворот. «Газель» катит поперек участка к дому. У самой веранды забуксовывает. Шофер газует. Колеса прокручиваются.

«Еще один умник», — я не спеша прохожу мимо.

Шофер выскакивает из кабины, оглядывает колеса, увязшие на треть в сырой земле.

— Сначала разгрузимся, потом будем тебя вытаскивать, — пришло мое время командовать. Я оплачиваю доставку и разгрузку.

Совершив долгожданный плевок, шофер откидывает тент. Кое-какая мебель из бабушкиной квартиры. Две старые разобранные темно-коричневые кровати, большое мутное трюмо со сколом, табуретка, торшер и румынский полированный комод с выдвигающимися ящиками. Взяв спинку кровати, поднимаюсь по ступеням, пересекаю веранду. Ваня все еще возится с входной дверью.

— Пап, замок сломался!

— Дай-ка мне, — поставив спинку кровати на пол, наваливаюсь на дверь плечом, поворачиваю ключ. — Прижать надо чуть-чуть.

С этой дверью и раньше возникали проблемы. Помню, как приехал сюда с подружкой. Предполагался романтический уик-энд. Однако наши планы чуть не рухнули, пол на веранде перекосило, широкая доска выперла выше уровня порога, и дверь перестала открываться. Пришлось два дня лазать через окно. Впрочем, мы спальню особенно и не покидали. Теперь такое не случится, родители отремонтировали фундамент, пол больше

не перекашивает. Просто дверь старая, свое-
нравная.

Заходим в прохладную темную комнату.
Резкий яблочный запах. В сентябре мы с
Ваней разложили урожай на полу, теперь
возим понемногу в город.

— Открывай ставни, — руковожу я.

Протискивается шофер, обхвативший ру-
ками румынский комод.

— Куда ставить?

— Сюда, — киваю на место у стены, под
выцветшей репродукцией Ренуара.

Голая «пышка» сидит на разбросанной
постели вполоборота к зрителю. Все цве-
та, кроме синего, выгорели еще до моего
рождения. Синяя краска в советских типо-
графиях была самой стойкой. Странно, что
не красная. Не могли производство стойкой
краски идеологически правильного цвета на-
ладить. Из-за таких мелочей Союз и рухнул.
Лицом и прической «пышка» напоминает
мать, ребенком я считал, что это ее портрет.
Накатывают воспоминания, но я их быстро
блокирую в воображаемом бетонном мешке,
как радиоактивные отходы, и бросаю в вооб-
ражаемую же пропасть.

Минут за десять мы с шофером перета-
щили весь груз в дом. Я расплатился, и он

вернулся к «Газели» решать, как выбраться из раскисшей земли.

Сам виноват... Только лужайку разворотил.

Вани нигде не видно. Одна из голубых ставень приоткрыта, остальные — нетронуты. Сбежал, пока мы разгружались. Опять торчит у дороги, подбирает всякую всячину. Обочина как берег моря — всегда есть шанс что-нибудь найти. Осколки фар, колпаки от колес, а если повезет — даже целехонькое боковое зеркало. У Вани уже собралась внушительная коллекция. Он настаивает, чтобы переправить ее в городскую квартиру, а я делаю все, чтобы находки оставались здесь, в дачном сарае.

Я щелкаю шпингалетами окон, дергаю на себя слипшиеся рамы, отпираю замки на ставнях, толкаю створки. Земля заштрихована сухими травами. Сороки сверкают темно-синими шелковыми перьями и белыми манишками. У соседского забора торчат несколько засохших дудочников ростом с человека. У каждого дудочника один большой венчик-голова и венчики-руки по бокам. Дудочники напоминают старых дружков, кинувшихся навстречу друг другу с распростертыми объятиями. Стволы сосен и осин ды-

шат бархатной влагой. Они будто вырезаны из ворсистой бумаги и наклеены на пейзаж. Летом деревья высохнут на солнце, порыжеют, обнаружат морщины и трещины, станут похожи на людей, расставшихся с юностью. Но пока они, перепутав зиму с весной, еще нежны и ранимы.

В другом окне покосившийся сарай с приставленной к стенке лестницей. Овраг, за которым расположен любимый Ваней поворот дороги, зарос ивами. Ветви сливаются в дымку. Прямо перед домом — «Газель», зарывшаяся носом в грунт.

Ставлю чайник, принимаюсь растапливать печку. В доме паровое отопление, но без огня дача не дача. Любуясь на разгорающееся пламя, вижу на одном из поленьев мечущегося паучка. Бедолага, затаился в щели, а теперь пытается выбраться. Хочу выдернуть полено с паучком из топки, но он вдруг ныряет в самое пекло.

Спускаются ранние зимние сумерки. Буксы «Газели» звучат отчаянно. Насытившись мстительным удовлетворением, выхожу по мочь.

— Не идет?

— Скользит, падла! Резина летняя. Как по соплям.

— Кирпичи надо подкладывать...

— Деревяшки лучше, — шофер принимает-
ся запихивать под колеса чурки из полени-
цы. Заводит мотор. Я знаю, без кирпичей не
выберешься. Колеса прокручиваются, чурки
такие же скользкие, как земля.

— Домкрат в землю уходит... — жалуется
шофер.

— Доску подложи...

С этими упертыми водилами волей-нево-
лей станешь спецом по вытаскиванию гру-
зовиков из грязи. Особого ума не надо, про-
сто дело не терпит спешки. Если бы шофер
поднял сразу все четыре колеса, а не только
задние, и подсунул бы под них кирпичи, а не
скользкие березовые поленья, то уже катил
бы домой.

Впервые за весь день он слушает моего со-
вета, заползает с домкратом под брюхо еще
глубже погрузившейся в землю «Газели». Я
подтаскиваю несколько кирпичей, сложен-
ных аккуратно в стороне. Много лет назад
их привезли с развалин церкви. Кирпичи
крупные, с налетом трехсотлетней извест-
ки, точно итальянские хлебы, обсыпанные
мукой.

Мимо проскочил Ваня с какой-то рамкой.
Размером в полтора обыкновенных листа

для принтера. Вряд ли это очередное сокровище, выброшенное волнами автомобильного движения. Небось на помойке в овраге нашел.

— Чаю попей! — крикнул я вдогонку.

Колесо поднялось над грязной, прокрученной ямкой. Пальцы замерзли, будто в них вонзили множество тупых игл. Куртку я снял, проще работать. Ветер задувает под свитер. Смотрю на небо. Уже много дней оно затянуто серой пеленой, и вот вдруг пелена рассосалась. В просвете над лесом плавится розовое закатное озеро с золотой каймой.

— Рука! — крикнул шофер.

Я едва успел отдернуть руку. Домкрат сорвался. Колесо разломило пополам кирпич.

Сверху доносится нарастающий гул. Пузо самолета, то появляющегося, то исчезающего, словно рыбина, в низких рваных облаках, окрашено золотистыми лучами. Раньше я часто летал на самолетах, смотрел на малюсенькие домики внизу. Теперь я сам внизу, копаюсь обледенелыми пальцами под чужим грузовичком, а там, в салоне, пассажиры усердно сглатывают, чтобы не заложило уши, ждут, когда подадут ужин, предвкушают отпуск, переговоры, покупки, измены, встречи с любимыми.

— Опускай!

Шофер расслабил домкрат, «газель» грузно опустилась на кирпичи. Некоторые треснули.

Темные небесные льды сомкнулись над полыхающим озером. Со стороны дороги донесся звук сирены.

— Готово! — зачем-то прокричал шофер с заискивающей радостью.

— Заводи!

Упираюсь руками в забрызганный бампер.

— Раз, два, взяли, — команду сам себе. Мотор взревел, грузовичок качнулся, рванул и выкатил за ворота.

— Ну, пока! — Я махнул на прощание опустевшей улице и тотчас смутился своей сентиментальности. Огляделся, не видел ли кто, как я прощался с шофером, а он мне даже не погудел. Никого. Я запер ворота и, отряхивая ладони, вернулся в дом.

Ваня возился с чем-то у стены. Полоска света пробивалась из приоткрытой двери в туалет.

— Иван, чего в темноте сидишь?

— На картину смотрю.

— На какую картину? — гадая, что за фантазия пришла ему в голову на этот раз, встаю за его спиной, положив руку на плечо.

К белому пузатому холодильнику прислонена рамка, притащенная с улицы. В рамке изображение.

Я щелкнул выключателем. Три стакана-абажура вспыхнули теплом.

Обнаженная блондинка, страстно изогнувшись, изобразив на запрокинутом лице наслаждение, поливает себя из красной канистры черной жидкостью. Видимо, нефтью. Нефть бежит по ее полураскрытым губам, пышной груди, пупку, капает с лобка, струится по длинным ногам в красных туфлях на шпильке. За спиной блондинки несколько березок и нефтедобывающих вышек. Над головой этой Венеры парит нимб из золотой колючей проволоки. Глаза заведены к небу.

Еще недавно картина была обернута полиэтиленовой пленкой. Ваня прорвал в пленке большую дыру, но до конца не снял. В местах надрыва оберегавшие картину прозрачные «мышцы» скукожились и дрябло свисают. Я оттянул пленку в правом нижнем углу. Витиеватая подпись латинскими буквами — George Sazonoff.

— Живопись! — гордится Ваня. — Смотри, какое стеклышко я нашел!

Декабрьский подмосковный вечер, я стою посреди гостиной нашего дачного дома и

рассматриваю картину, писанную модным художником, которую приволок невесть откуда мой пятнадцатилетний сын-даун.

Тем июньским утром мама вызвала меня, чтобы я срочно отвез ее в город на УЗИ. Все мамины дела имели статус срочных. А тут еще и маятник подсказал. Маятник, обручальное кольцо на нитке, отвечал на любой вопрос. С маятником мама советовалась всегда. Если кольцо крутилось по часовой стрелке — значит, «да», против часовой — «нет». В тот раз маятник «сказал» — срочно делать УЗИ. Срочно! Типа у нее опухоль.

Машина катилась по вьющемуся через деревни шоссе, я думал о скором отъезде. Сяду в широкое кресло бизнес-класса, вытяну ноги и полечу. Мне достался отличный заказ — оформление виллы русских богачей в Майами. Влажный субтропический климат, огромный дом с причалом, цветущие заросли, густой газон. До вылета оставалось пять дней. В паспорте двухгодичная штатовская виза, распечатка билета в бардачке.

Размышляя о ближайшем будущем, я не заметил, как доехал и уже скоро катил по нашему поселку среди старых дач и новых

дворцов. А вот и родной забор из штакетника. Слои краски пузырятся и лезут друг из-под друга. Забор похож на пьяную компанию: один столб кренился вправо, другой влево, а третий выперло в какую-то давнюю зиму, и он вовсе лезет ввысь.

К воротам подбежал радостный Ваня. Точно медвежонок в вольере, которому сотрудник зоопарка принес еду.

— Привет! Привет! Привет!

— Здравствуй, сможешь открыть?

Ваня попытался распахнуть створку ворот, но она просела и цеплялась о землю.

— Следует приподнять, — объяснил Ваня самому себе и, кряхтя, стал дергать створку вверх.

Сообща мы открыли путь моему «Фольксвагену».

— Можно с тобой? — спросил Ваня, весь горя желанием прокатиться.

— Садись.

Устроившись на соседнем сиденье, он принялся копать под ним в поиске рычажка. Сиденье было отодвинуто слишком далеко, у Оли длинные ноги. Я тронулся.

— Стой, я не пристегнулся! — завопил Ваня.

— Тут ехать два метра.

— Непрестегнутых штрафуют!

Пришлось затормозить, помочь Ване найти гнездо для ременной застёжки, придвинуть сиденье, чтобы ему было комфортно.

Только собрался сняться с ручника, как он потребовал музыку. Не двинулись с места, пока не нашли песню про любовь девчонки к тореро. Громкость Ваня выкрутил до упора.

— Как дела на работе? — проорал он, перекрикивая певицу.

Чтобы не сорвать голос, я показал большой палец. Не люблю семейные расспросы о работе. А у Вани еще манера интересоваться всем, как у матери. Интересоваться и давать советы. Вот и она.

Отстегнул Ванин ремень, выбрался на траву.

— Привет, мам, — поцелуй в прохладную щеку. Мать состарилась. Морщины, осанка.

— Привет. — Она простужена и явно не в настроении, лицо напряженное, недовольное. Нос заложен.

Со ступеней веранды спустился отец. Крепкий мужик с седым «ежи́ком». Давным-давно друг подарил ему свои штаны цвета хаки из Афгана. На даче отец из этих штанов не вылезал, отчего походил на бравого отставника.

— Привет, пап, — папина щека уколола щетиной. Как в детстве, когда он целовал меня перед сном. Только вместо нежной детской щечки я ответил ему своей колючей.

— Как здоровье? — спросила мама.

— Нормально.

— Горло открыто, простудишься! — мать запахла расстегнутый ворот моей рубашки.

Оттолкнул ее руку. С детства испытываю омерзение от беспокойных пальцев у моего горла.

— Страницу двести читаешь?

Недавно она снабдила меня необычным молитвенником из какого-то древнего храма. В современном издании, конечно. На странице двести содержится особо важная, по ее мнению, молитва. «Я не заставляю плакать других, не отнимаю молока у ребенка, слушаюсь родителей во всем». В книге вместо «родителей» было напечатано другое слово, мама его тщательно зачеркнула. Я долго смотрел на просвет и определил: «Слушаюсь Бога во всем».

— Читаю.

— Правда читаешь или только мне так говоришь? — наседала мать.

Под родителями она подразумевала себя.

— Галь, ну не начинай опять... — отец тронул ее за локоть.

— А ты не лезь!

Чтобы ухаживать за Ваней, мама бросила работу, увлеклась религиями, гаданиями и разговорами с Высшими Космическими Силами. Ответы этих самых сил передавал маятник. До недавних пор она переводила деньги целителю Семенкову за то, что тот «дистанционно лечил» Ваню. Свела знакомство с ясновидящей Ириной, бывшим бухгалтером. Историю жизни этой самой ясновидящей мама часто пересказывала с благоговением: «У Иры мать — ведьма. Когда Ира отказалась тоже стать ведьмой, мать навела на нее черномагические программы и чуть не убила. Ира перенесла клиническую смерть, но выжила. Там, — мать показывала пальцем в неопределенном направлении, — Ира разговаривала с Иисусом Христом. Он сказал, что ей рано умирать, у нее есть миссия на Земле...»

— О, какие у вас качели! — с преувеличенным восторгом воскликнул я, чтобы сменить тему. Ваня тут же плюхнулся на них, принялся раскачиваться, демонстрируя достоинства качелей.

— Мне маятник сказал, что на тебя навели порчу, — сообщила мать под визгливый ак-

компанемент качельных болтов. — Я тоже в молодости ни во что не верила. Только Бог может помочь. Молись Богу. У тебя грехов много. Я уже сняла с тебя четыреста грехов из прошлых жизней, чищу твою карму, но ты сам тоже должен молиться.

— Мам, я молюсь.

— Весь в отца! Ни во что не веришь! У тебя здоровье из-за этого плохое, все лицо в прыщах!

— В каких прыщах?.. — Я машинально ощупал щеки.

— Ну не сейчас, так раньше, — буркнула она и отвернулась. — Я определила твои грехи из прошлых жизней: прелюбодеяние, предательство... И все потому, что ты в Бога не веришь!

— Да откуда ты знаешь, верю я или не верю?!

Ваня спрятался на веранде, закрыв уши ладонями.

— Молиться надо! Уважаемый Иисус Христос, помогите мне, пожалуйста... и так далее! Ты молишься?!

— Да пошла ты!

— Федь, не груби матери! — Лицо отца потемнело. Отсутствие поддержки мне досталось от него.

Замахав руками, я пошел в сад. Мимо старой теплицы, превращенной в беседку. Мимо грядок моркови, парника с помидорами. Мимо корявых яблонь, кора на них шелушится так же, как краска на заборе и на голубых ставнях дома. За яблонями сосны и осины. Шершавые, морщинистые стволы. Точно кожа на лицах хозяев.

Пиная первое, что попадается. Игрушечный железный грузовичок. Он влетает в стекло теплицы. Звон. Палец на ноге ушиб... Злость мигом прошла. Потираю ногу, сажусь на корточки, беру грузовичок на руки, как ребенка. Он заржавел и грустно поскрипывает. Извини, старина.

Скоро я отсюда свалю. Минимум несколько месяцев все это будет от меня за тысячи километров.

Я вернулся к дому. Отец с Ваней сидели на ступеньках веранды. Матери нет.

— Ты полегче с ней, человек нервный, понимать надо... — начал отец, морщась так, как морщатся, говоря о чем-то пустяковом.

Я устроился рядом. Три мужчины, три поколения семьи сидели на пороге дома, построенного их предком, моим дедом, папиным отцом, Ваниным прадедом. Он был

героем войны, генералом, получил этот участок в конце сороковых, поставил дом. Большую часть первого этажа занимает просторная гостиная. Рядом бывшая моя, а теперь мамина комната, в которой спит и Ваня, за стенкой кухня и душ с туалетом. На втором этаже две спальни: отцовская и пустующая, захламленная. Большая летняя веранда застеклена ромбами. В середине веранды круглый стол, накрытый выцветшей клеенкой в арбузах и грушах. Вокруг стола продавленные плетеные кресла.

— Когда она соберется? — спросил я отца.

— Сейчас. Ей касторки надо выпить перед УЗИ. Чайку не хочешь?

— Зачем касторки?

— Слабительное. Меня срочно в аптеку гоняла.

Я фыркнул, демонстрируя презрение к материнским заскокам.

— Она всех нас переживет!

Отец встал, кряхтя, схватившись за спину, подошел к столу, налил мне чаю, предложил сырники.

— Только испек. Попробуй.

Как всегда, вкусно.

— Мы вот с Ваней скоро дворниками устроимся. — Он обнял Ваню, тот улыбнул-

ся. Так улыбаются снеговики, у которых рот длинным полукругом.

— Дворниками — куда?

— В «Медитеранэ».

«Медитеранэ» — французский ресторан в боковом крыле дома, где у родителей квартира.

— Я люблю чистоту, — подтвердил свои намерения Ваня.

— Билеты уже купил? — спросил отец.

— Через пять дней вылетаю.

На веранду вышла мама, обратилась к отцу:

— Не видел, куда я масло поставила?

— Я же тебе его дал.

— Забыла с вами, куда дела.

— Это не оно, случайно? — Я показал на пузырек, притаившийся за банкой с вареньем.

— Дай сюда.

Протянул ей пузырек. Она, не глядя, принялась скручивать крышечку.

— Ты, конечно, опять будешь меня ругать, но я узнала, почему все ТАК случилось.

«Сейчас пойдет речь о причине Ваниной болезни», — безразлично подумал я.

— На его семье проклятье! — произнесла мама, указывая на отца. — У них в роду были колдуны.

— Ну, началось... — протяжно вздохнул отец и хлопнул меня по колену.

— А еще у Лены был какой-то Андрей, который навел порчу.

— Какой Андрей? Зачем ему наводить порчу?

— Федь, ну хоть ты можешь не реагировать?!

— Не знаю, какой Андрей! Мне маятник сказал. Он из ревности.

— Пятнадцать лет прошло! Пятнадцать... А чем это воняет?..

Мама посмотрела на меня укоризненно и опрокинула пузырек в рот.

В первую секунду не произошло ничего странного, только лицо ее скривилось. Но это ведь нормально, касторка не лакомство. Но сразу за этим она вся как-то посерела, и странный запах усилился.

— Что случилось? По спине похлопать?

Вместо ответа мама надрывно вдохнула. Даже не вдохнула, а издала звук горлом.

— Мам, что с тобой?! — Мы вскочили.

— Плохо вижу...

— Что плохо видишь?!

Пузырек упал, покатился по полу веранды, пересчитывая коричневые доски. Мама

стала оседать. Я едва успел ее подхватить, упал на колени под весом тела.

— Да что с тобой?! — Я был уверен, что это очередная ее выходка. Смотрите, мол, как я из-за вас страдаю.

— Я ничего... не вижу... «Скорую» вызовите... — от нее резко пахло аптекой и больницей.

— «Скорую»... — твердил я, нажимая дрожащими пальцами на кнопки телефона. — Где же номер спасательной службы! Что ты выпила?!

Поднял пузырек, прочел этикетку.

— Почему тут написано «камфорное масло»? Ты же пила касторовое!!!

— Ты мне дал... — прохныкала мама.

Я схватил чайник, в котором отстаивалась питьевая вода... Поднес к ее рту... Ваня грыз пальцы в углу.

По телефону сказали, что врачи приедут не раньше чем через час. Мы решили сами везти ее в больницу, потащили к машине, папа еще лейку ногой отпихнул... Тут мама вдруг изогнулась, и жизнь в ее глазах высохла, будто вода в песок ушла.

После вскрытия сказали — резкое обезвоживание организма.

Зовут меня Федор Овчинников. Возраст — тридцать один год. Образование — архитектурный институт. Мне было семнадцать, Лене на год больше. Познакомились на первом курсе, в студенческой столовой. Целовались у фонтана. Первая любовь. Аборт решили не делать. Почему Ваня родился больным, никто толком ответить не смог. У молодых такое редко случается. Лысый очкарик доктор сказал:

— Вам выпал черный шар.

Мама активно участвовала в подготовке родов. Всех задвинула, даже Ленкиных родичей. Категорически запретила пугать ребенка ультразвуком, мы послушались, сделали УЗИ всего раз, в клинике, которую она порекомендовала. Врачиха сказала: «Будет мальчик». Придумали имя, Иван.

Роды случились на месяц раньше срока. Прошли легко, без осложнений.

Мы были на даче, Ленка разбудила меня ночью. Я побежал к соседям, у которых был телефон, вызвал врачей. Лена кричала каждые полчаса, потом каждые пятнадцать минут, потом каждые пять. До нас наконец дошло, что это схватки, а врачи все не еха-

ли. Короче говоря, Ваня сам родился, без врачей. Я вместо врачей был.

Укутывая скользкого малыша в одеяло, я весь дрожал от счастья. У меня сын!

Тут прикатила бригада СМП.

Осмотрев новорожденного, доктор отозвал меня в сторону и тихо сказал, что есть кое-какие сомнения. Пока только сомнения, ничего больше... надо проверить. Ушки низко посажены, шейка полная, глазки раскосые...

Нас отвезли в инфекционную резервацию для тех, кто родил не в роддоме, как положено законопослушным гражданкам. Я слышал про это место и просил отвезти Лену с сыном в обычный роддом. Совал деньги, какие при себе были. Доктор кивнул, деньги взял и все равно отвез «куда положено». Санитарка тут же отобрала у Лены одежду и нарядила ее в рваный застиранный халатик без пуговиц. Ваню унесли на уколы, до меня еще несколько минут доносился его крик. «Чего вы так переживаете? Он же даун», — успокаивала медсестра.

Анализ крови подтвердил диагноз, повторный анализ дал тот же результат.

Я много раз набирал номер врачихи, делавшей УЗИ, и сбрасывал звонок. Набирал и сбрасывал. Наконец все-таки решился.

Спросил, почему она так плохо справилась с работой?! Почему не заметила, что эмбрион дефективный?! Сделали бы аборт, не рожали бы инвалида.

— Я в Бога верю, — отфутболила меня врачиха. — Я увидела, что у вас дауноенок, но нельзя же невинное дитя убивать.

Тут инициативу взяла Ленкина семья:

— С семнадцати лет мучиться с инвалидом?.. Чтобы больше никогда здоровых детей не иметь? Самым лучшим вариантом для всех будет, если он умрет. Общество страдает от инвалидов. Да и сами инвалиды страдают. Помочь такому ребенку умереть — милосердие, а чтобы ускорить смерть, надо сдать новорожденного в интернат. Лена по совету своей матери грудью Ваню не кормила. Чтобы не привязываться.

Мои родители колебались. Я ненавидел сына за то, что он своим появлением перечеркнул мою, по сути, только начинающуюся жизнь.

Ленка сразу согласилась, я не долго думал. Разбил стул об пол, швырнул телефон в стену и решил отказаться от сына. В муниципалитете мы подписали официальный акт. Знакомым сказали, что роды прошли неудачно, ребенок умер.

Первые дни мы ходили к Ване в больницу. Сторож не хотел меня пускать даже в приемную. Не положено. Я принес сторожу бутылку и больше его не видел. Медсестра сказала: в палате сквозняки, Ване нужны теплые носочки. Купили носочки. Назавтра они исчезли. Кто-то украл. Мы купили новые.

Спустя неделю моя мама забрала Ваню из больницы. Отец сомневался, но спорить не стал.

Меня мучил запах. Лена пахла так же, как брошенный нами сын. Запах не давал мне покоя. Лена считала себя неполноценной, неспособной родить нормального первенца. Не могла видеть меня, считала, что сделала меня несчастным. Скоро она ушла. Я остался один в бабушкиной квартире в Черемушках.

Содрав остатки полиэтилена и рассмотрев Ванину находку внимательно, я понял, что эта небольшая работа подлинный «холст-масло», что художественная ценность картины весьма сомнительна, но автор моден и неплохо продается. Некоторые мои клиенты заказывали Сазонову свои портреты в нарядах наполеоновских маршалов, изображения детей, жен и любовниц в образах

древнегреческих божеств, а иногда и корпоративные полотна с целыми коллективами в духе «Ночного дозора».

Нам досталась фигуристая особа, напоминающая тех, что украшают дверцы дальнотбойных фур.

Ваню картина зачаровала. Он смотрел на белое в черных каплях тело и глаз не мог отвести.

— Ваня, где ты взял это... эту картину?

— Не скажу, не скажу! — Он с разбегу бухнулся на диван с высокой спинкой и двумя истершимися бархатными валиками по бокам.

— Хватит ломаться! — потребовал я.

Тут он взял и заревел. Умеет делать это неожиданно.

— Не кричи-и-ии на меня-я-я-я-я! А-а-аааа! — моментально превратился в крупного пупса, брызжущего слезами и размазывающего соплю по физиономии.

— Я не кричу! Прекрати рев, ты уже взрослый!

— А-а-а-ааааааа, — пускает пузыри носом и ртом.

— Ну ладно, извини... Извини, я же так... как бы... Извини... — воспитатель из меня нукудышный. Я обнял Ваню, похлопал по

спине. — Не плачь, я ведь не просто так спрашиваю... странно все-таки... я машину выталкиваю, а ты вдруг притаскиваешь домой картину... а может, за ней охотятся гангстеры?..

— Она красивая... — всхлипнул Ваня. Плакать он прекращает, как ребенок — так же быстро, как начал. Он вообще отходчивый, мой Ваня. Мне бы так.

— Ну скажи, где ты ее взял?

— Не скажу!

— На помойке нашел?!

— Не скажу, не скажу!

— Пойдем, покажешь! — Я взял его за руку, помог надеть куртку и ботинки, оделся сам, и мы вышли за дверь.

С самого начала Ваня во всем отличался от нормальных детей. Даже телом, силуэтом. Обыкновенные дети похожи на хорошеньких кукол. Пропорциональная головка, ручки, ножки. Ваня же походил на игрушечного плюшевого медведя. Ручки и ножки тонкие, а голова и пузо — большие.

Врачи предрекали скорый конец. Порок сердца, не совместимый с жизнью, общая слабость организма, низкий иммунитет. Хо-

дить Ваня начал только в три с половиной года. Но жил.

Наличие слабоумного сына не укладывалось в моей голове. Другьям по двору, знакомым с детства, соврал, что из-за смерти нашего малыша мои родители усыновили чужого ребенка-инвалида. Для меня было невысказано признаться, что я отец дауна. Сам я у родителей появился поздно; матери было сорок, отцу на пять лет больше. Подслушав в детстве разговор мамы с врачом, узнал, что ей делали реанимацию плода. То есть меня. Оживили специальным уколом. Я родился мертвым, практически мертвым. В детстве много болел. Рахитичная, большая голова, раздутый живот. Меня вечно таскали по врачам. Из-за сколиоза запретили поднимать тяжести, и мама не придумала ничего лучше, чем рвать школьные учебники для того, чтобы я носил в портфеле только те страницы, которые требовались для урока. «Как тебе не стыдно! Это же КНИГА!» — ежедневно порицали меня непогрешимые училки, а одноклассники и, что самое ужасное, одноклассницы издевательски смеялись. Бабушка водила меня в школу и встречала после уроков, когда ровесники уже ходили самостоятельно. Вдобавок я кар-

тавил. Путем скандалов, истерик и угроз удалось выколотить отмену бабушкиного эскорта, но взамен мне на шею навесили связку ключей от дома. Боялись, что иначе потеряю. Звенящая связка была настоящим камнем, тянувшим ко дну.

Подростком я начал тайно заниматься спортом. Тайно, потому что мама запрещала перенапрягаться из-за слабого сердца. По утрам выходил из дома раньше положенного и тщетно болтался на дворовом турнике. Однажды меня застучал отец. Он не заложил меня маме, а вместо этого завел график подтягиваний на клетчатом тетрадном листе. Через два месяца я мог подтянуться пять с половиной раз, перестал передавать в школу медицинские справки, освобождающие от физкультуры, и сдал все нормативы. Физрук даже отправил меня на районные соревнования по кроссу, где я пришел вторым. А еще отец записал меня к логопеду.

За одно лето я окреп и научился выговаривать «р». У меня обнаружилось чувство юмора, девочки глядели на меня благосклонно. Сделавшись душой компании, я приобрел крепкую неприязнь к инвалидам, калекам и хлюпикам. Жизнь завертелась веселым колесом. И тут на тебе. Сын-дурачок.

С чего я так зарубился на этой картине? Зачем мне знать, где Ваня ее раздобыл? Чего мы выперлись на вечерний промозглый двор? Метаться в поисках хозяина картины смешно. Вдоль улицы горели редкие фонари. Метрах в двадцати возле своей калитки топтался сосед Тимофеич.

— Добрый вечер, Виктор Тимофеевич!

— Здорово, Иван. У нас тут авария, слышали?

— Да... — пискнул Ваня.

Я сильно сжал его ладонь, догадавшись, что авария и картина связаны, а сам спросил Тимофеича:

— Что за авария?

— «Тойота» в поворот не вписалась. Хорошо, на встрече никого не было. Мужика только что «реанимация» увезла. Пьяный, я с ментами разговаривал. И кто им права продает, расстрелял бы! — Тимофеич закурил. — Вот скажи мне, Федь, что за народ? Ведь знак стоит всю жизнь — «крутой поворот». Так нет, несутся как угорелые и опрокидываются. Пьяные, трезвые, один хрен!

— Может, они в знак не верят? — предположил Ваня.

— Может, не верят... — Тимофеич тяжело вздохнул. — Вот так катаешься-катаешься, а потом бах — и нету. Сходите, посмотрите, машина небось там еще. Вся морда раскурочена!

Когда мы отошли в сторону, я тихо спросил Ваню про аварию. Он отвернулся и принялся тереть, будто умывая, левую руку правой.

Спустились в овраг. Отодвигая от лица ивовые ветки, я обратил внимание, что почки стали набухать. Спотыкаясь о пакеты с мусором, мы поднялись к дороге, к синим всполохам «мигалки». У обочины стояла милицейская «девятка» и застывшая перед накренившимся столбом «Тойота» со скомканным, словно лист бумаги, передом. На асфальте было разбросано конфетти осколков, блестели черные пятна разлившегося масла.

— Картина из машины? — спросил я тихо.

— Да...

Мы стояли на обочине, точно два туземца, вышедшие поглазеть на разбившийся о рифы танкер. Выходило, что мой умственно отсталый сынишка обокрал умирающего.

Первые месяцы после появления Вани на свет я не находил себе места. Даже молился однажды в церкви, прося о смерти сына.

— Забери Ванечку к себе, Господи.

Ваня жил.

— Что я такого натворил?! За что мне это?! Я же сам только недавно стал нормальным!

Чтобы не казаться Богу эгоистом, я просил его за родителей:

— Чем они виноваты?! Мама всю жизнь работала с утра до вечера, очень хотела внука. Папа приличный нормальный мужик. За что? Ну, хорошо, Господи, а сам Ваня при чем?! Ведь когда он вырастет, то поймет, что отличается от других, соображает плохо, физиономия так себе, прохожие брезгливо отворачиваются.

Мама бросила работу и посвятила себя Ване. Она верила в то, что его можно вылечить.

— Я спрашивала у ангела, он сказал: Ваня вырастет и станет генералом, но для этого надо постоянно молиться! — Мама в себе не сомневалась, даже квартиру освятила, пользуясь каким-то лично ею выдуманным обрядом.

Я спорил. Присутствовавший при этом отец требовал, чтобы я не грубил. Маленький Ваня, боявшийся громких голосов, ревел. Так проходили наши редкие встречи.

Годы шли, Ваня оставался дауном. Я довольно успешно работал дизайнером, оформлял интерьеры частных домов. Даже нашел

плюсы в ситуации: будь у меня здоровый ребенок, пришлось бы нянчиться, на карьеру и развлечения не хватало бы времени. От целителя Семенкова мама, как постоянный клиент получила подарок — машинку для сбривания катышков с шерстяных изделий. Все свободное время она искала причины, почему Ваня родился таким. Когда-то она была секретарем парткома, поиск виноватых для нее — рефлекс. Она то упрекала меня, что Лена простыла на первом месяце беременности, то обнаруживала на моем астральном теле порчу. Я не переносил ее нотаций, но и без нее обходиться тоже не мог. Мы были как пара влюбленных, постоянно выясняющих отношения. В начале каждого разговора мы ладили, в середине чуть не бросались друг на друга с кулаками, в конце или нежно целовали друг друга на прощанье, или мама стояла с трагическим лицом, опустив руки, а я уходил, хлопнув дверью.

Отец принимал жизнь такой, какая она есть. Он души в Ване не чаял. Качал его на руках, играл в кубики, читал вслух книги, сочинял смешные песни. Я все хотел записать эти песни на диктофон, но постоянно забывал. А потом уже и записывать было некого.

После маминой смерти милиция явилась

разбираться, умышленное ли было отравление или нет. Мне даже закралась мысль, не подсунул ли отец это масло специально. Мама ведь его пилила бесконечно. Вышло бы идеальное убийство, ну вроде продавщица в аптеке перепутала. А выпила сама, никто не заставлял. Я свидетель. Расспросить папу на этот счет мне не удалось. Он умер от инфаркта на следующий день после допроса у следователя. Откуда вместо касторового масла появилось камфорное, никто разбираться не стал. Дело закрыли, списав все на трагическую случайность.

Мы сидим за круглым столом, молча рассматривая картину.

— Я гулял, и тут трах — автомобильная авария! Я подошел, дяденька не двигается. Не пристегнулся. Всегда надо пристегиваться...

— Про картину давай.

— Она рядом с ним лежала. Я дверцу открыл и взял.

— А тебя никто не видел?

— Не знаю, — задумался Ваня и погрузился в размышления.

И как ему удалось незаметно дотащить картину до дома?.. Может, еще объявится

свидетель... А картина-то ерундовая, не хочется из-за нее погореть.

— Папа, а это искусство?

— Что?.. Искусство?.. Трудно сказать... Наверное, не совсем искусство.

— Почему?

— Ну, чтобы картина считалась искусством, надо, чтобы она была... чтобы была... — Я запнулся. Оказывается, не так просто разъяснить то, что кажется очевидным. — Картина должна быть красивой. Вот!

— А разве она не красивая? — удивился Ваня. — Она очень красивая!

Я смотрю на нефтяную Венеру. Сказать, что некрасивая, нельзя... но ведь такие вещи не принято называть красивыми...

— Может, и красивая, не знаю...

— А зачем нужно искусство? — продолжил расспросы Ваня.

— Зачем... Ну... чтобы показать людям то, что ты считаешь красивым. Вот художник увидел красивую женщину, нарисовал ее, и оказалось, ты тоже считаешь ее красивой.

Ваня широко раскрыл глаза и закрыл рот руками. Так в мультфильмах изображают сильное удивление.

— Я понял...

— Что ты понял?

— Художник ее специально для меня нарисовал!

— Нет, Вань. Я в другом смысле сказал... — но он больше не слушал.

— Я понял это! Я понял! Он для меня нарисовал!!!

Перестав слушать его возгласы, принимаюсь думать, кому бы Венера могла принадлежать. Разбогатевший простака заказал изображение возлюбленной... Овдовевшая леди за сорок захотела заполучить свой портрет кисти модного живописца... Или Сазонов решил создать новый образ России — фигуристая блондинка, нефть, березки...

После смерти родителей все в их квартире казалось новым и чужим. Здесь я когда-то впервые поцеловал Лену, вот рояль, под которым я ее обнимал. Лампочка-индикатор на телевизоре заклеена изолентой. Мама определила с помощью маятника, что через эту лампочку телевизор высасывает из человека энергию. На паркете — карандашная разметка, обозначающая энергетические разломы. Я ходил по гостиной, мрачно глядя под но-

ги, а из-за большой стеклянной двери на меня настороженно смотрел сын-дурачок, одетый в мою ношеную футболку.

Я оказался заложником родительской добродетели. Инвалид — тюрьма для близких, колодка на ногах. Никуда не пойдешь, не уедешь. Только и знай, что сиди при нем да горшки выноси. Родители взяли Ваню на воспитание, а теперь вот умерли в одночасье! При чем здесь я?! Да, сын — мой, но я от него уже отказался пятнадцать лет назад! У него нет отца! У него даже в свидетельстве о рождении в графе «отец» стоит прочерк! Чего он липнет ко мне, как банный лист! Жизнь моя поехала под откос. Вспомнил мать:

— Сука! Какая же ты сука! Хотела внука?! Получила! Мало! Даже после смерти хочешь, чтобы я жил по твоим правилам! Не выйдет! — шипел я. — Я родился мертвым не для того, чтобы в тридцать лет похоронить себя заживо!..

А может, я и не рождался вовсе? Может, акушеры меня так и не оживили? Тогда я мертв, я воплотился в каком-то другом, неправильном, искаженном мире...

Сбагрив тела родителей в крематорий, я решил по-быстрому сдать сына в интер-

нат, надеясь еще успеть на рейс за океан. Посадил Ваню в машину и поехал договариваться.

Проезжая по узкой улице, мы увидели крупное существо в старой нейлоновой куртке и надвинутой на лоб шапке, несмотря на жару. Существо вяло плелось по тротуару, а вокруг скакали мальчишки с игрушечными ружьями и обстреливали его пластмассовыми пульками.

— Пошел отсюда! Пошел! Огонь! — кричал бойкий мальчик-вожак.

Оказавшись близко, я разглядел лицо существа. Слабоумный бродяга, загоняемый детьми, как древний мамонт. Он отвечал на стрельбу и крики невнятным мычанием и, неловко прикрываясь рукой, шел дальше. Я подумал было шугануть мальчишек, но тут хлопнула дверца, раздался визг тормозов, рядом бешено засигналили. Ваня выскочил из машины, едва не угодив под автобус.

— Заклинаю вас, уйдите! — тяжело дыша, крикнул он мальчишкам.

Мальчишки замерли, рассматривая новоявленного заступника.

— Не влезай, колобок, а то и тебя продырявим! — нашелся мальчик-вожак, и вся свора заулюлюкала.

Включив аварийку, я выскочил на тротуар и кинулся на мальчишек. Они отбежали недалеко и собрались дразнить нас, но я схватил пивную бутылку, валявшуюся рядом с урной, и швырнул в их сторону. Ваня вытащил из урны еще одну бутылку, метнул косо и попал в ногу слабоумному, за которого сам же заступился. Тот замычал и полез через кусты, подальше от всех. Извиняясь, Ваня кинулся вдогонку, но я его поймал за край футболки. Мальчишки остановились вдалеке.

Мы сели обратно в машину, колени и руки у меня тряслись, сердце скакало в груди, зуб на зуб не попадал. Кое-как завел мотор, развернулся. Судьба плотно навалилась на меня, как бывает в час пик в метро. Незнакомые люди, стоящие на расстоянии, вдруг оказываются прижатыми лицом к лицу, телом к телу. Невольно, даже если не хочешь, увидишь все прыщики, поры, волоски на щеке соседки, только что казавшейся безупречной. Моя судьба оказалась прямо перед носом. Задышала в лицо. Я почувствовал ее запах. Долго отворачивался, но в конце концов вынужден был ее рассмотреть. Вопреки ожиданиям и страхам, резкое укрупнение не отвратило меня. Боишься чего-нибудь, а ког-

да доходит до дела — оказывается, не так уж и страшно. Я вдруг понял: хватит бегать от судьбы. От ее предложений.

Мы прожили на даче неделю, как и планировали. Доктор рекомендует Ване свежий воздух. Время прошло спокойно, картиной никто не интересовался.

Стоим на остановке. По-прежнему тепло. Из-под колес проезжающих машин летят брызги. Я то и дело оттаскиваю Ваню от края дороги, куда он лезет, высматривая автобус. Наконец подходит наш: расплатившись с шофером, протискиваемся в салон.

У меня появилась привычка копировать некоторые Ванины черты. Например, гримасничать, нарочито морщить лоб, высовывать язык, как бы от усердия. Хожу вразвалку, важно глядя по сторонам... Почему? Наверное, подсознательное проявление солидарности. Такое бывает, когда поднимаешься по лестнице вслед за каким-нибудь искривленным увечным на костылях и не можешь его обогнать. Сначала злишься из-за того, что твоя скорость резко замедлилась, потом вспоминаешь нормы общественной морали и коришь себя за черствость, а ког-

да лестница наконец заканчивается и можно припустить и скакать, ты вдруг никуда не спешишь. Плетешься по-прежнему рядом с калекой. Неловко демонстрировать возможности своих ног перед тем, у кого их нет или плохо работают. Все равно что хватать деньгами перед нищим. Конечно, это чувство быстро улетучивается, когда проходишь несколько метров, инвалид остается позади, а ты идешь вперед, ускоряя шаг, и с каждым метром стыд и сострадание выветриваются из головы.

Но в тот момент, когда уже не торопишься обогнать, вдруг проникаешься неспешностью движения, ощущаешь прелесть корявой пластики и понимаешь, что это тоже жизнь. Просто другая, в ином ракурсе. Становится интересно пожить так, стать вторым после инвалида. Стать его другом, учеником, апостолом. Будучи от рождения здоровым, добровольно выбрать долю калеки.

Я хотел «обогнать» Ваню, убежать стремглав прочь. Но не смог. Теперь вот прикидываюсь больным. Смотрите все! Я веду себя так же, как и умственно отсталый! Все думают, быть дауном — ужасно, так пускай посмотрят на меня! Я, симпатичный парень, корчу рожи по собственной воле.

Пассажиры автобуса делятся на тех, кто нас как бы не замечает, и тех, кто смотрит во все глаза. Принято делать вид, что инвалидов нет, но тянет рассматривать их, как зверей в зоопарке, как собственное дерьмо. Я привык. Всегда, когда бы я ни окинул взглядом окружающее пространство, несколько человек отводят глаза. Некоторые, совсем обнаглевшие, пялятся пристально и шепчутся. В первый месяц я встречал каждый такой взгляд как вызов. С тех пор стал терпимее. Пусть себе таращатся, мне не жалко. Пожилые женщины молча соболезнуют, мужчины пугливо уступают дорогу, девчонки разглядывают нашу парочку с интересом, смешанным с неприязнью: небритый парень в кофте с капюшоном и подросток-даун с белобрысой шевелюрой и рюкзачком за спиной.

От усердного проталкивания к окошку у Вани потекла слюна. Я указал ему на это, он достал платок и утерся. Устроившись у окна, смотрим на мелькающие вдоль шоссе дома, перелески и автозаправки.

— Супер-мар-кет, сход-раз-вал... двор-цовая ме-бель... — последняя вывеска, состоящая из больших пластмассовых букв, украшает фасад двухэтажного обшарпанного дома.

Рядом другая, красная. Ваня декламирует на весь автобус:

— Ин-тим! Что такое «ин-тим»?!

— Это... это... там... там разные вещи продаются для жизни.

— Почему мы там не были? Пойдем туда!

Стоящим рядом пассажирам смешно, но они, бедняги, сдерживаются. Не принято ржать над дурачком.

— Сходим как-нибудь... — усмехаюсь я.

— Почему ты смеешься? — Ваня весь подобрался. Чего он не любит, так это когда над ним смеются.

— Я смеюсь, потому что я тебя люблю.

Готов поспорить, многие пассажиры размышляют, как бы сами поступили, свяжи их жизнь с таким. Ухаживали бы или сдали в приют? Наш вид настраивает людей на мысли о вечном, они жалеют нас. Вряд ли кто-нибудь догадывается, как часто я корю родителей за их милосердие, сделавшее и меня милосердным поневоле. Они не знают, что я скрываю Ваню от друзей, что завидую притягательному блеску их благополучия. Пассажиры не знают, что маленький рулон в моей руке — это снятая с подрамника, скрученная Венера.

Отпираю дверь квартиры, и проносится

мысль: «А не поджидают ли нас дома хозяева картины? Вычислили, прокрались, устроили засаду...» Мешкаю секунду — и резко распахиваю дверь.

В окне гостиной горит огнями город. Башня министерства, статуи на жилом доме с противоположной стороны реки, неоновая реклама кубиков куриного бульона. Окно выглядит картиной. И разбившийся пьяный художник, и «дворцовая мебель» с «интимом», и знак крутого поворота, на который никто не обращает внимания. Все там, в этом мире, на этом «холсте». Может быть, Бог, создавший этот вид за окном, этого Ваню, сам стукнутый на всю голову? Тоже любитель покорчить рожи, вроде меня?

В квартире беспорядок. Повсюду разбросаны одежда, диски, книги. Посуду стараемся мыть не реже двух раз в неделю, но удается это не всегда.

Ваня уже раскатал картину на полу.

— Спрячу пока.

Что, если мои мысли о ничтожной ценности «Венеры» лишь самоуспокоение и я подсознательно внушаю себе, будто история, в которую мы вляпались, не опасна?..

Ваня потащил картину к своему тайнику, индийскому лоскутному ковру. В свое время я привез его родителям в подарок. Купил в Бомбее у тамошней цыганки. Мама с помощью молитв сняла с ковра отрицательные программы и наговоры, после чего повесила в Ванину комнату. Яркие пятна полезны для развития, а ковер сплошь состоит из разноцветных обрывков старых сари. Грязно-розовые, сине-зеленые, золотые, шафрановые. Мир фантастических растений, солнц и звезд, колосьев, корон и турецких «огурцов». Есть узоры, похожие на меловую обводку на полу вокруг трупа с кроличьими ушами. Мне нравятся квадратики, перекрещенные из угла в угол, наподобие флага военно-морского флота. Только здесь вместо белого поля и голубого креста поле красное, расшитое солнцами с кудрявыми лучами, а крест из салатовой ткани в блестках.

В швах между лоскутами ковра прячутся молнии, застегивающие потайные кармашки. Мама их сделала специально для Вани. Однажды, воспользовавшись тем, что Ваню осматривает врач, я не удержался и торопливо изучил его сокровища. В одном кармане — коллекция конфетных фантиков и

бутылочных этикеток, в другом — темная винтовочная гильза и человечки из шоколадных яиц с сюрпризом, в третьем — собрание колесиков от игрушечных машинок (сами машинки Ваню почему-то не интересуют). Отдельно лежит полароидная фотография, мои родители с Ваней. На обратной стороне надпись печатными большими буквами «госпади зделай так штобы мама с папой были в раю зарание спасибо».

За счет содержимого ковер весит килограммов пять. Ваня просит меня не подглядывать, но я-то знаю, что он попытается засунуть картину в самый большой карман.

— Не получается! — раздастся вскоре его жалоба.

— Помочь? — Я тактично не поворачиваюсь.

— Помоги!

Он уже успел бесцеремонно сложить холст пополам. Место сгиба тщательно разгладил толстым англо-русским словарем. Так что теперь, если картину развернуть, будет видна складка, как на простыне, высохшей на веревке. Помогаю впихнуть краденый шедевр в цветастое тканевое лоно.

— Сделал дело, гуляй смело! — Ваня удовлетворенно потирает ладошки.

Болезнь у всех проявляется по-разному. Ванин случай, если можно так выразиться, не самый тяжелый. Ваня не безнадежно туп, и можно даже сказать, что он симпатяга. Не будь у него одной лишней хромосомы, от поклонниц не было бы отбоя. Пухловатый зеленоглазый блондин с надменным, по неизвестной причине, лицом. Цветом волос в свою мать — у Лены была шикарная грива. Он смотрит по сторонам, будто король, даунский Зигфрид. Однако это выражение легко меняется на озорную улыбку человечка, сожравшего втихаря праздничный торт. В его облике немаловажную роль играет язык, который он так и не научился держать исключительно во рту.

Ваню нельзя оставить одного, его надо укладывать спать. Его нельзя отправить в магазин. Он не может даже кашу сварить. Если мы уходим из дома больше чем на час, на всякий случай надеваем подгузник. А еще он удивительно похож на Лену.

Не в том смысле, что у нее черты дауна, но кажется, будто он — ее копия, сделанная пьяным скульптором. Кстати, с ней мы с тех пор даже не созванивались. Я набрал однажды номер, но, прослушав пару гудков, положил трубку.

Мозг у Вани набит знаниями двух видов. Первые относятся к материнским теориям о Боге, ведьмах, молитвах, ясновидящих и карме. Вся эта катавасия из верований мирно уживается с отцовскими походами в музеи, чтением вслух стихов и романов. Оценивая окружающий мир, Ваня берет то одно, то другое познание и уверенно прикладывает к любой ситуации. А еще время от времени он получает советы от ангела.

Он боится террористов, чеченцев и женщин-шахидок. Общественная истерия по поводу враждебных брюнетов в черных балахонах получила в его мозгу своеобразное преломление. Темные силы вроде ведьм слились с шахидками, превратившись в нечто единое, смертельно опасное.

Ваня научился узнавать меня только к восьми годам, до этого боялся, как и прочих чужих. Папа с мамой хранили тайну, не говорили Ване, что я его отец. Но переубедить его удалось легко.

— Как у меня может быть два папы? — недоумевал он поначалу.

— Может, Иван. В жизни и не такое бывает. Один папа теперь у Бога, а другой вот он, — убеждал я, тыча себя в грудь.

— А что скажет тот папа? — Ваня указал пальцем вверх.

— Мне ангел сказал: он не против...

Услышав про ангела, Ваня посмотрел на меня с уважением и больше вопросов не задавал.

Оля, для длинных ног которой я еще недавно отодвигал пассажирское сиденье, один раз увидела Ваню и больше не появлялась. Дала понять, что такая жизнь ей не подходит. Да и отмена Майами сильно ее обломала.

Люди, которые возятся с больными, часто становятся высокомерными. Мы, дескать, отдаем всех себя, жертвуем мирскими радостями ради немощных. По мне так сестра милосердия, гордящаяся тем, что стирает гнойные бинты, ничем не лучше расфуфыренной дурехи, хвастающей бриллиантами. Я уж точно не святой, просто деваться некуда. Высокомерие страдания меня не вдохновляет, не люблю выделяться, возвышаться над другими. А небось трогательно смотрится: молодой мужчина, посвятивший себя инвалиду. Но мне чужое уважение и сострадание не нужно, поэтому я решил сына новым знакомым не показывать. Тут-то я и понял: инвалид — не просто тюрьма. Это тюрьма, которую себе строят те, кто за инвалидом ухаживает. Стены, которые они сами возводят между собой и миром.

Узнав о моем выборе, часть знакомых решились, что я псих, другие намекнули, что я чуть ли не святой. И те, и другие перестали звонить. Я их понимаю: в клуб с Ваней не пойдешь, в ресторане сидеть за одним столом с ним не каждый захочет. Он то засмеется громко, то скажет что-нибудь, демонстрируя во рту непрожеванное блюдо. Не хотят дружить — и не надо, я бы тоже не стал.

Мы с Ваней идем по мокрой асфальтовой дорожке кладбища. Под ногами — неубранные, размолотые подметками листья. Цвета сухофруктов: дыня, папайя, курага. Там, где листьев слишком много, кеды скользят. Небо хмурое, температура по-прежнему плюс десять. Что-то с климатом происходит, уже месяц неправдоподобно тепло, и холодов не предвидится. Солнце не показывается. Ваню это расстраивает, он без солнца тоскует.

— Вань, следи за номерами, а то заблудимся. — Я тут с детства не был, а Ваня с родителями несколько раз приходил.

— Я слежу за номерами. Нам нужен номер сорок девять «Б»! — Ваня размахивает руками, на одной варежка, на другой нет.

— Где варежка, Иван? — Ваня разглядывает свою руку, будто впервые в жизни ее видит, и делает вывод:

— Потерял...

Я вздыхаю. Хоть и тепло, но мы боимся простуды. Отдаю свою перчатку.

Несу тяжелый пакет. Две урны. Папа и мама. Мы пришли на кладбище, чтобы закопать их. Почему только теперь, спустя полгода после смерти? Дело в том, что мама уже давно подробно разъяснила мне, как их с отцом следует похоронить. Отцу ритуал был не важен, верховодила мама. Процесс ее собственного захоронения менялся в зависимости от очередного религиозного увлечения. То ей хотелось быть похороненной в свадебном платье, то быть отпетой в церкви в закрытом гробу. Я отмахивался от ее пожеланий, говоря, что не надо думать о смерти, однако невольно все запоминал. Последним наказом было: тело, обряженное в ночную рубашку, подаренную ясновидящей Ириной, сжечь, а прах захоронить спустя шесть месяцев. Срок мама высчитала с помощью маятника. Маятник, то есть обручальное кольцо, следовало закопать вместе с ней. Папино тело проходило по тем же канонам. Только без ночной рубашки и маятника. Точность

соблюдения обряда гарантировала какие-то бонусы в загробном мире.

Я все выполнил, как она просила. Про маятник-кольцо, правда, забыл, а когда вспомнил, стало жалко его закапывать. Все-таки память, да и золото. Надеюсь, это мое вмешательство в ритуал не обречет маму на вечные муки. Урны все эти месяцы пролежали на балконе.

— Сорок девять! Вон, смотри! — орет Ваня.

— Нужно сорок девять «Б».

— Ой, извини, извини, я невнимательный, извини!

— Забей, Вань, это херня, — успокаиваю я его.

— Папа, это плохое слово. Плохие слова портят карму, — говорит точь-в-точь как мать.

— Слушай, не указывай мне, ладно?!

Его лицо корчится. Вот-вот заплачет.

— Вань, извини, не буду ругаться. Только не надо кукситься!

Возле столбика с табличкой «49 Б» поворачиваем направо. Тропинка идет под уклон. Колодец, мусорный бак, чугунная, поросшая мхом ограда вокруг памятника летчику-герою. Протискиваемся к семейной

могиле. Ваня цепляется курткой за штырь летчиковой решетки. Штырь вырывает кусок белого синтепона. Вижу, Ваня снова готов зареветь.

— Куртка — это хер... ерунда... пустяк. Зашьем, не парься, — глажу Ваню по спине. Соблюдая аккуратность, пробираемся дальше. Пришли.

Оглядываюсь по сторонам... Может, место перепутал?.. Вроде все правильно... Вот огромный трухлявый пенёк, вот летчик-герой. А могила где?.. Нет могилы!

В смысле, могила есть, но памятника деду с бабушкой нет, а есть свежий холмик, обложенный еловыми ветками и временная мраморная доска на черных железных ножках.

— Папа... а кто это? — спрашивает Ваня.

— Это точно наше место? — спрашиваю я. Ваня осматривается.

— Наше... А где дедушка с бабушкой? — настаивает он.

— Дедушка с бабушкой... А хер его знает!..

— Папа, кто это?

— Кто это...

На доске надпись золотом.

Сазонов Георгий Викторович 1953—2008.

...А снизу кисточка с палитрой выгравирована.

На днях, набив в поисковике «Джордж Сазонов», я узнал кое-что новенькое. Кроме того, что Сазонов художник известный, что ему удалось внушить многим состоятельным неофитам, что его произведения имеют статус *must have*, сообщалось, что «г-н Сазонов неделю назад скончался в реанимации, куда угодил в результате ДТП». Об исчезновении картины не было ни слова.

— Бабушку с дедушкой украли шахидки? — спросил Ваня после некоторого молчания.

— Какие шахидки!!! Похоже на какой-то розыгрыш! — Я снова выругался.

— Папа, нельзя так говорить. Бог этого не любит. Это создает плохую энергию, которая отрицательно влияет на здоровье и... — на слове «здоровье» Ваня икнул и получилось «здоарровье».

— Опять Бог! Что за семья такая! — Я выдернул из песка новенький памятный знак и увидел мраморную плиту с фотографиями прародителей, лежащую на боку позади холмика.

— Вы сюда давно последний раз приходили?

— Не помню.

Я пнул холмик.

— Не надо, там бабушка с дедушкой, — попросил Ваня.

— Надеюсь, они все еще там! А сверху, похоже, твой любимый художник пристроился! Что же это такое... — Я готов заплакать от отчаяния и бессилия.

Позади раздался крик:

— Папочка здесь! Вот он!

Оборачиваемся.

В нашу сторону протискиваются две неизвестные девицы. Одна холеная, слегка растрепанная шатенка со страстными глазами. За ней, на цыпочках, выбирая менее грязные места, скачет длинноногая блондинка, в пальто и туфлях. Шатенка останавливается, меряет нас взглядом.

— Поставьте доску на место, молодой человек.

Тут я заметил, что так и держу в руках мрамор с именем художника.

— А вы отойдите, не стойте на могиле, — обратилась она к Ване.

Он испуганно отступил.

Раздражение взорвалось во мне настоящим вулканом. Давно хотел на кого-нибудь наорать, а повод не подворачивался. Швырнув доску на землю и наступив на нее, я двинулся на шатенку.

— Это наша могила, здесь лежат мои дедушка и бабушка! — Меня сразу смутило это детское «дедушка и бабушка», но исправляться было поздно.

— Не повышайте голос, молодой человек!

— Зачем вы вынули доску?! — встряла блондинка.

— Вы захватили нашу могилу! Это уголовное... Я... Мы... — Я, как всегда случилось со мной в нервном разговоре, начал сбиваться, захлебываться словами. Давно хотел на курсы дикции пойти, но все как-то не складывалось.

— Я не собираюсь здесь с вами препираться, — отрезала шатенка. — Мы честно купили этот участок, а что здесь до этого лежало, нас не интересует.

— Что!!!.. Купили?! Что здесь до этого лежало?! — задыхаюсь я.

Лицо Вани начало расплываться в плаче.

— Молодой человек, нервничать вредно, а то второго дурачка родите, — триумфально забила последний гвоздь шатенка.

Блондинка за ее спиной опустила глаза.

— Второго... дурачка... — просипел я.

От бешенства голос у меня совсем пропал. Не могу вымолвить ни слова. Даже закашлялся. Пока справлялся с предательством

голоса, правая рука сама собою вспомнила уроки бокса.

Удар вышел неловкий, как во сне, кулак скользнул по губам... Но шатенке хватило. Она зашаталась и села в запылившийся венок из пластмассовых роз с лентой «любимому папочке».

На меня бросилась блондинка и закричала с едва уловимым акцентом:

— Как вы смеете!

— Ах ты, сука, у меня встреча через час! — прошипела шатенка, утирая алую капельку со стремительно раздувающейся губы. Цепляясь за огромный трухлявый пенёк, она попыталась подняться. Гнилая древесина, похожая на пружинистое суфле, не выдержала, и шатенка снова села. Юбка задралась, сверкнул уголок розовых трусов. Только с помощью блондинки она наконец встала на разъезжающиеся в месиве мокрых листьев каблуки.

— Соня, ты в порядке? — квохтала блондинка.

— Этот пидарас мне губу разбил!

— Успокойся, — блондинка отряхнула ее. — Успокойся, мы все очень импульсивны.

Шатенка подошла ко мне.

— Ладно, козел. Я бы тебя засадила, но уroda твоего жалко! — Я увидел близко перед

собой ее ровные зубы, дразнящие безупречной белизной из-за разбитой губы. Импланты. Один выбьешь — пятьсот евро.

— Че ты сказала?!

Я согнулся от сильного удара ее колена по моим яйцам. Шатенка же, лоя руками воздух, снова рухнула.

— В администрации кладбища будем разбираться!

Девушки отступили, лавируя между оградками. Шатенкина задница вся была облеплена листьями и древесными ошметками. Блондинка что-то вспомнила и вернулась. Обошла нас осторожно и положила на могилу две белые розы.

Мы с Ваней сели на скамейку возле летчиковой ограды.

— Что-то я не сдержался... — Я достал платок, вытер Ване физиономию. Хлюпя носом, он сказал:

— Не хочу быть дураком! Не хочу быть уродом! Не хочу, чтобы на меня обращали внимание! Я хочу быть умным, красивым, прямым...

— Ты не урод, Вань. Эта сука сама уродина.

— Она кра... кра-сивая... — всхлипнул Ваня.

— Что?!

— Красивая... И вторая тоже.

Я посмотрел на Ваню другими глазами. За все время нашей совместной жизни я ни разу не слышал от него размышлений о женской красоте, а тут как из пулемета: сначала восторги по поводу одной нарисованной бабы, а теперь по поводу двоих сразу, вполне настоящих.

Немного успокоившись, мы с Ваней решили все-таки закопать урны. Вырыли совком две ямки в свежем песке, присыпали сверху. Как будто не человека хоронишь, а термос. Никакого ощущения важности события. Копая и присыпая, я думал, что в нашу могилу, без сомнений, угодил ограбленный Ваней художник; год рождения Сазонова по сообщениям новостей совпадал с годом на мраморной доске, «наш» Сазонов, как и «известный художник Сазонов», был явно захоронен на днях, кисточка опять же выгравированная...

Покончив с урнами, мы отправились в кладбищенскую контору, разбираться со случившимся. Не люблю разговоры с чиновниками. Я даже подумал, не оставить ли все как есть, но понял, что это безответственно. Могила — это история. Да и деньги. Случись что, где меня хоронить? Хотя это будет уже не важно. А если Ваню?..

Нас встретил хмурый охранник, очередь и незапланированный перерыв. Привычное триединство российского государственного учреждения. Мы терпеливо преодолели все эти неурядицы, но к главному все равно не попали. Принял один из замов.

Этот чрезвычайно полный, краснолицый мужчина начал с того, что поставил под сомнение подлинность наших прав на могилу. Потребовал принести соответствующие документы. Стараясь на этот раз не нервничать, я ровным голосом намекнул краснолицему, что документы имеются, а еще имеются обширные связи с влиятельными людьми. Проработав больше десяти лет в архитектурном бизнесе, я могу сослаться на несколько весомых фамилий. Помощи от них не дождешься, но для блефа сойдет.

Краснолицый позвал главного. Появился начальник кладбища, еще более хмурый, полный и краснолицый. Главный применил другую тактику, принялся упрекать нас с Ваней в халатности и плохом уходе за могилой. Мол, если бы мы регулярно посещали кладбище, подобного не случилось бы, никого бы не подхоронили.

С трудом сохраняя спокойствие, я напомнил краснолицым, что прав на могилу

не лишают из-за нескольких лет отсутствия наследников. Нарушены интересы несовершеннолетнего инвалида. Дело пахнет статьей. Расстались на том, что я принесу документы и жалоба будет рассмотрена.

После соскока заказа в Майами стали отпадать и другие. Не могу же я ездить на объекты с Ваней, так всех клиентов распугаешь. А доверить его сиделке тоже нельзя. В самом начале попробовал, но через несколько дней он стал каким-то вялым и сонным. Однажды я вернулся пораньше и застал сиделку с мужиком в моей кровати. Ваня спал как убитый. Дамочка поила его транквилизаторами, а сама развлекалась с хахалем.

Сомневаюсь в своем выборе каждый день, особенно когда вижу фотографии новых построек и интерьеров. Это одни сделали, это другие. Всех знаю, сам еще недавно с ними работал, а теперь... Иногда по старой памяти мне что-нибудь подкидывают на дом, но масштаб мельчает. Работа архитектора требует присутствия, а я прикован к Ване. Скоро буду сарай для садового инвентаря декорировать...

Бывает даже жаль, что некому прочитать мне мораль или дать совет. Раньше хоть мать звонила, а теперь никого. Чтобы не сдуреть в этом замкнутом, полном призраков пространстве, хожу с Ваней на выставки и в музеи. У Вани льготы. Время от времени случаются эксцессы. На вернисаже шоколадных изделий при старой кондитерской фабрике стоило мне отвлечься, как Ваня сожрал один из экспонатов. На глазах у вытарацившей глаза смотрительницы откусил сразу половину толстого бока шоколадной свиньи. Когда я подбежал, Ваня, весь перемазанный шоколадом, уже подбирался к хвостику. Несмотря на то что редкие его зубы рвали тело свинки на части, она улыбалась порочными губками и подмигивала синим глазурным глазком. Пришлось спешно ретироваться. С тех пор посещаем только несъедобные экспозиции.

Жизнь наша становится все скромнее. Вскоре после смерти родителей я угодил в сильную аварию. Отделался ушибами, но машину пришлось продать на запчасти. Быстро истратились родительские сбережения. За долгие годы мама с папой умудрились отложить из пенсий полторы тысячи долларов. Меняли, по старой привычке, рубли на доллары и складывали в конвертики. Я же, прилич-

но зарабатывая, не скопил ни копейки. Все спускал на рестораны, путешествия, шмотки. Ваня получает пособие по инвалидности. О том, что будет дальше, стараюсь не думать.

Позвонил режиссер самодеятельного театра для подростков с умственными отклонениями. Ваню к ним пристроила мама. Последние два года он играл Меркуцио в «Ромео и Джульетте». Режиссер сообщил, что Ванину роль передают другому мальчику.

— А в чем причина?

— Ваня стал реже ходить на репетиции... пугает реплики...

— Он не пропускает репетиций, я сам его привожу! Пропустил только раз, когда мы делали ЭКГ!

— Дело не только в этом... — режиссер принялась расплывчато разъяснить мне про деловую даму, сын которой, Кирюша, мечтает исполнять роль Меркуцио, а дама эта обещает подарить театру набор мебели для декорации.

— Мы возим наше кресло на каждый спектакль! Моя мама шила костюмы, а теперь вдруг какая-то бойкая тетка со своей мебелью... — перебил я.

— Вас неоднократно просили оставить кресло в театре!

— Кресло — одна из любимых Ваниных вещей в доме! Я же не могу его вот так отдать!

— А вот Кирюшина мама может!

Отстоять Меркуцио не удалось. Ване предложили прочесть эпилог плюс в качестве компенсации за моральный ущерб я выторговал для него роль пажа. Такого персонажа у Шекспира нет, я его придумал на ходу. Паж будет встречать гостей перед спектаклем и объявлять перерыв.

Ване я сказал, что актеру полезно исполнять разные роли. Мастерство только оттачивается. Но он все равно расстроился.

— Чума на оба ваших дома!.. — Ваня встал в патетическую позу.

До сих пор я ни разу не был на этом спектакле. Сложновато смотреть на подростководаунов, разыгрывающих самую известную историю любви. Теперь обязательно пойду, тем более близится очередной показ.

— Все дело во мне... — сказал Ваня неожиданно трагически.

— Уверен, ты нормально играешь Меркуцио.

— Я украл картину, это кара божья...

Ваня принимает театральные позы в зависимости от смысла фразы. Теперь сидит обхватив голову руками.

— Ты же сам на даче говорил, что художник нарисовал картину для тебя.

Ваня не обратил внимания на мое замечание и произнес серьезно:

— Надо идти к тете Ире...

— Ясновидящая эта, что ли? — иронично уточнил я.

— Она у Иисуса Христа была на приеме, — строго произнес Ваня, и я снова услышал знакомые поучительные интонации.

Шутки шутками, а выбор у нас невелик. Все равно делать нечего, развлечений никаких, можно и к ясновидящей смотреть. Тем более я эту особу никогда не видел.

Нашли в маминой записной книжке телефон. Я набрал номер.

— Слушаю вас, — раздался низкий женский голос в трубке.

Через несколько месяцев после рождения Вани я начал испытывать сильнейшую черную зависть к тем, у кого здоровые дети. Я смотрел на беременных и надеялся, что у них тоже родится инвалид. Даун, кретин или

хотя бы олигофрен. Я не хотел оставаться один со своей долей. У всех, как назло, дела шли прекрасно. Детки рождались отборные. Они розовели и подрастали. Друзья только и делали, что показывали фотографии, хвастали, что их малыш начал ходить, уже снимается в рекламе, учится в английской спецшколе и пиликает гаммы на скрипке...

Я долго не мог заснуть, за окном завывала собака, прошла компания пьяных, выкрикивающих невнятные слова дурными голосами. Процокали одинокие каблуки, стихнув в арке.

Сколько мы ни пытаемся выползти из-под влияния родителей, ничего не выходит. Вот и я лежу в родительской кровати, выполняю взятые ими по отношению к Ване обязательства и собираюсь идти к маминой ясновидящей.

По потолку в белых отсветах фар пробежали прямоугольные тени оконных рам и причудливая паутина ветвей деревьев. Во двор заехала машина с гулко бьющей внутри электронной музыкой. Что за идиот, все же спят! Наверняка «Лада» с темными стеклами, синими неоновыми огоньками и поднятым на гоночный манер задом. Музыка становится заметно громче — открыли дверцу. Закуты-

ваю голову одеялом, не помогает. Вскакиваю, бросаюсь к окну, дергаю створки. Угадал, «Лада»! Стоит у подъезда с включенными фарами. Ну, я тебе сейчас... «Эй, ты! Сделай потише! — крик уже рвется из глотки. А не прибавить ли «козел»? — Эй, козел, сделай потише!»! Пальцы дергают шпингалеты...

Из подъезда вышла девушка, села в «Ладу», хлопнула дверцей, музыка стала удаляться.

— Козлы! Гады! — ору, надрываясь, в пустоту двора.

Даже обматерить себя не дали...

Приехал мусороуборочный «КамАЗ». Железные баки с бутылочным грохотом опорожняются в оранжевый кузов. Прозвякал цепью-заземлителем тока, волочащейся по асфальту, первый троллейбус. Уже утро...

А Бог? Теперь, когда ответственность за сына целиком легла на меня, когда пришлось оставить карьеру, личную жизнь, я перестал предъявлять претензии Богу. Просто я больше на него не надеюсь. Бог для меня стал чем-то вроде персонажа историй о секретных обществах, магических книгах и тайных знаниях. Все эти мифы существуют только потому, что людям слишком страшно принять правду. Факт, что ничего после смерти нет. НИЧЕГО. Я засыпаю.

Проснулся с ощущением весны. На улице чирикают воробьи, царит особенный мартовский гам. Прошлепал босыми ногами к окну. Погода продолжает удивлять. Под мостом маются без дела снегоуборочные машины. На площадке детского сада щебечут малыши, выведенные воспитательницами на прогулку. Цветные комбинезоны-карапузы скачут по лесенкам, съезжают с горок, застревают между прутьями забора, колошматят друг друга игрушечными лопатками. Один в комбинезончике леопардовой расцветки поднял урну величиной с себя, слясь надеть ее на голову. Воспитательницы, две молоденькие девицы, курят на скамейке, не мешая детям играть.

В ванной слышен плеск. По средам, а сегодня среда, Ваня купается.

— Привет! — заглядываю в приоткрытую дверь.

— Доброе утро! — радостно кричит Ваня, сидящий в бирюзовой воде.

Кто-то однажды сказал маме, что медный купорос в небольших дозах убивает микробов не только на растениях, но и на человеке. Мама микробов ненавидела. Однажды после Нового года она, пожалев оставшийся

в рюмках и бокалах алкоголь, вылила его в цветы. Водка и вино содержат углеводы, они питательны, а значит, полезны растениям, рассудила мама. Но главное, алкоголь убивает микробов.

Цветы завяли еще до Рождества. Мама свою вину не признала, сославшись на плохую энергетику гостей и какие-то ошибки в пропорциях, допущенные из-за того, что папа говорил под руку. Рискованные эксперименты ставились регулярно, в основном не на цветах, а на нас с отцом, а потом и на Ване. Впрочем, мы от этого не умирали, а становились только крепче. Купорос был, пожалуй, самой безобидной из маминых выдумок. Больное горло она лечила керосином, мигрень — пассами рук.

Когда я был ребенком, мама сажала меня в ванну, высыпав в воду горсть кристаллов медного купороса. Гранулы шли на дно, оставляя ярко-синие следы. Казалось, в воде курятся магические благовония, выпускающие бирюзовый дым. Я обожал этот бассейновый цвет юга и долгое время полагал, что ярко-синие ванны — норма жизни каждого ребенка.

Время шло, список маминых методов борьбы за здоровье обновлялся, но кое-какие

истины оказались незыблемы. В том числе и меднокупоросные ванны. Кроме уничтожения микробов этот полезный элемент еще и восполнял недостаток меди в организме. Я вырос, мама взялась за Ваню. Запасы купороса оказались весьма обширными.

Мама нуждалась в последователях. Отец всегда отлынивал от ее диет, обрядов, явил по поводу ясновидящей. Я тоже не шел с ней в ногу. В итоге идеальным учеником оказался Ваня. Мама получила, что хотела. Ваня доверял ей во всем: читал те молитвы, которые она указывала, делал специальную зарядку, развивающую связь с космосом. Теперь его белое тельце торчит из синей воды, он играет с обкусанным пластмассовым утенком. Синяя вода — второе после индийского ковра яркое пятно в окружающем мире.

— Когда новый медный купорос будет? — задал Ваня неожиданный вопрос. Я поднял некогда тяжелый пакет, осмотрел его и понял: грядет купоросный кризис. Запасы, казавшиеся неиссякаемыми, конечны, как и их хозяйка.

— Когда... скоро. Я знаю, где его взять, — на самом деле ничего я не знаю. Мать добывала купорос, пользуясь статусом сотруд-

ницы химинститута. — Будет тебе медный купорос, достанем.

Под низким небом город выглядит серым и безрадостным.

— Папа, когда будет солнце?

— Сегодня у ясновидящей спросишь.

В одном вагоне с нами ехали глухонемые школьники. Целый класс. Они активно общались друг с другом языком жестов. Человек двадцать болтали наперебой, не произнося ни звука. Только легкий шорох пальцев носился в воздухе. Странное ощущение: люди перед тобой шутят, рассказывают о первых поцелуях, хвастают новыми мобильниками, и все это без единого слова.

— А почему они так делают? — спросил Ваня.

— Они так разговаривают, — раздраженным шепотом ответил я. Мне показалось, что Ваня слишком громко говорит и чересчур откровенно таращится на глухонемых.

— Они не умеют говорить, как нормальные люди? — Ваня прибавил громкости голосу, решив, что я его плохо слышу.

Женщина с копной крашенных завитков на голове окинула нас строгим взглядом.

— Тише, Вань! Неприлично обсуждать других в их присутствии.

— Они не умеют говорить! Ха-ха-ха! — разошелся Ваня.

Некоторые глухонемые оказались только немыми, но вовсе не глухими. Они обернулись. На нас стали коситься и другие, «нормальные» пассажиры.

— Выходим... — вытолкал Ваню из вагона на ближайшей станции. — Как не стыдно смеяться над больными! Это тупо и отвратительно!

— Мне можно, я тупой, у меня синдром Дауна!

— Нашел оправдание! Надо уважать других! У всех есть недостатки! Ты не только себя позоришь, но и меня!

— Я больше не буду. Прости меня... — Ваня надулся, вот-вот заревет.

— Синдром Дауна у него, видите ли! Благодарен мне должен быть, что я с тобой цацкаюсь, а он характер показывает. Научись вести себя как нормальный человек!

— Я нормальный! Я нормальный! — взвизнул Ваня, слезы и сопли хлынули из него рекой.

Найдя платок, я принялся утирать ему физиономию. Грубо, причиняя боль. Почти

бью его рукой с платком. Чего он все время ревет! Очень быстро мне становится жаль его и стыдно за себя. На нас оглядываются все идущие мимо без исключения. Плевать! Пусть хоть кресла поставят и усядутся в ряд.

— Извини, Вань, слышишь? Извини, ты здоровый, это я так сказал, по глупости... — оправдываюсь я. — Ты мой хороший, я тебя люблю...

На гранитном полу конечной станции валялась зеленая крышечка от газировки. Ваня ударил по ней ногой, крышечка отлетела ко мне. Я сделал обманное движение, настоящий Зидан перед бразильскими воротами, и пробил Ване. Он пропустил, урча и смеясь от удовольствия, побежал за крышечкой. Она покатилась навстречу милиционеру с усами. Тот строго посмотрел на нас и сделал точный пас Ване.

Много людей на лестнице. Спины в простеньких тканях. Тяжелые сумки в руках. Плачущие дети. Деревенские жители. Южане. Огромная страна двинулась в путь.

Углубляемся во дворы серых панельных домов. От мусорных баков в подвал юркнула крыса.

— Смотри! Крыса! — радостно вскинув руку, веду пальцем следом за зверьком.

— Где, где?!

— Вон!.. убежала...

— Я не увидел, — сокрушается Ваня, словно явление крысы было Вторым Пришествием.

— Не парься, еще увидишь!

— А где крысы живут?

— В подвале. Стены такие тонкие, как вафли. Крысы прогрызают и селятся.

Стены пятиэтажек на самом деле напоминают старые, замызганные вафли. Бетонные панели облицованы кафелем. Швы между панелями выделяются темной замазкой, похожей на заплесневевшую вафельную начинку. Малюсенькие балконы крелятся под весом хлама. Старые автопокрышки, лыжи, вышедшие из строя холодильники. Снаружи к балконным ограждениям приторочены тазы и санки. На одном на бельевой веревке висит шкура зебры. Уж не водятся ли поблизости кроме крыс еще и зебры?

Некоторые балконы украшены попытками хозяев их застеклить. Кособокие разошедшиеся рамы, не подходящие по размеру друг к другу, высотой в половину окна, часто без стекол. За окнами кухонь свисают авоськи с

продуктами. Вороны норовят стащить эти припасы, и тогда неопрятные толстухи или мужики в несвежих нижних майках распахивают окна и шугают птиц.

У подъезда спят несколько автомобилей. Один-два на ходу, остальные — вросшие колесами в грязь и накрытые, будто саваном, истлевшим брезентом.

— Пап, а правда, Москва самый красивый город на земле?

Я оглядываю мир вокруг себя.

— Ну... — вопрос меня огорошил. — Может быть, не самый, но один из самых точно...

Молча идем дальше. Ваня никогда не видел других городов. Я видел. Я понимаю, что окружающая грязь и нищета никак не вяжутся с красотой, но что-то во всем этом есть. Что-то противоречивое, парадоксально красивое, как нефтяная Венера. Только это не совсем красота, это любовь. Не к городу, не к стране. Просто любовь, любовь вообще.

Я иду с Ваней рядом, и внутри меня разливается это чувство. Любовь к брошенным «Жигулям», чей хозяин давно умер, к заплесневелым швам между вафельными панелями, к авоськам за окнами. Впервые на меня нахлынула любовь к миру. Без оговорок. Просто любовь.

Найдя нужный дом и подъезд, я поручил Ване нажать одновременно три замызганные кнопки кодового замка. Когда ему удалось с этим справиться и язычок щелкнул, я потянул коричневую железную дверь. В подъезде пахло протухшей водой, а может, мертвыми крысами, разлагающимися в подвале.

Поднимаюсь, перешагивая через ступеньки, Ваня повторяет мои движения. Вот и третий этаж, дверь, простеганная ромбами черного дерматина. Звонок музыкальный.

— Федор? — женский голос через дверь.

— Федор и Ваня! — крикнул я.

Замки повернулись, на пороге стояла полная брюнетка в расписном халате.

— Как добрались?

— Нормально.

— У нас тут разлом в энергетической коре проходит. Сильное поле по ногам бьет. Чай, кофе?

— Спасибо, перед выходом попили, — отказался я.

— Тогда пройдемте, — Ирина пригласила в комнату.

Жарко, запах вчерашнего супа. Окна заклеены, форточек нет. Ирина не проветривает. Темная «стенка» с телевизором, деся-

ток потрепанных женских романов на полке, ваза с павлиньим пером, раскрашенная фотография семейной четы с застывшими лицами, софа.

На софе лежал человек, накрытый тюлевой занавеской.

По спине пробежали мурашки. Не оборачиваясь, Ирина дала привычное пояснение:

— Муж... два года назад заснул. Смещение энергетического двойника плюс кармические грехи... кое-какие обязательства у него из прошлой жизни.

— А... — протянул я и посмотрел на Ваню. Мог бы предупредить, он же здесь бывал. У Вани серьезное лицо, будто на церковной службе.

— Итак, какие ко мне вопросы? — перешла к делу Ирина.

— У нас оказалась чужая вещь... случайно... мы бы хотели ее вернуть... и не знаем, что делать... у нас неприятности начались, думаем, из-за этого... — немного запинаясь, разъяснил я.

— Вещь с собой?

— Э... да... как вы просили... Вань, доставай. — Ваня извлек из пакета сложенный холст, гордо развернул и встряхнул, как

встряхивают скатерть, расстилая на столе. На лице Ирины ничего не отразилось.

— Сейчас я проведу сеанс. Прошу слушать меня беспрекословно и не задавать вопросов.

— Конечно... — Я кивнул несколько раз.

Ирина усадила нас на стулья, зажгла свечи, положила перед собой картину, взяла в руку пирамидку на веревочке, закрыла глаза и спросила:

— Маятник, можно к тебе обратиться? Если да, качайся по часовой стрелке.

Маятник закрутился, сначала медленно, потом быстрее. Рука Ирины не двигалась, сквозняка никакого, маятник крутился против часовой стрелки.

— Что такое? Не хочешь, устал? — ласково спросила Ирина маятник. — Ну, ничего, отдохни. — Она подержала пирамидку в кулаке, подула на нее.

— Придется по-другому. Сейчас я разделюсь, не пугайтесь, мне будут нужны ваши руки, — не успела она договорить, как халат оказался на полу. Ваня замычал неопределенно, видимо, таких номеров ясновидящая раньше не выкидывала. Я постарался сохранить выдержку, хотя это не просто, когда перед тобой стоит крупная, абсолютно голая тетя позднебальзаковского возраста.

— Руки, — скомандовала Ирина.

— Мою? Пожалуйста... Моей достаточно?
А то Ваня э... для него это... необычно.

— Мне нужна рука того, кто совершил кражу, — отрезала Ирина.

Не знаю, какая она ясновидящая, но в людях разбирается. Ваня не шевельнулся.

— Давай свою тоже. Он один боится.

Стыдясь холодной ладони, которая вдобавок вспотела, я покорился. Ваня последовал моему примеру. Ирина крепко прижала наши руки к своим грудям. Мы неловко вытянулись на стульях, оказавшись лицами неприятно близко к густо заросшему месту между толстых Ирининых ног. Я подумал, что при спящем не первый год муже для нее это неплохой официальный способ контактировать с мужчинами. Под пальцами ощущался мясистый сосок. Я скосил глаз на Ваню, дышит очень быстро. Как бы инфаркт не хватил, все-таки врожденный порок сердца. Впрочем, хоть бабу перед смертью полапает.

Сначала Ирина подвывала напевно, я даже чуть не задремал, а потом вдруг заговорила неразборчиво:

— ...Дорога... спешит... мужчина спешит... подарок... он везет подарок... опаздывает... поворот... — она стала всхлипывать, из-под

закрытых глаз потекли черные, пополам с тушью, слезы. — Смерть!.. Я вижу смерть! — воскликнув это, Ирина раскрыла глаза. В них колотился ужас.

— Во что вы меня впутываете?! — заорала она, отгалкивая нас. — Я со смертями не работаю!

Ваня совсем перестал дышать. Я весь трясся. Не знаю, что напугало больше; внезапный крик и черные слезы или то, что она достоверно описала ситуацию, в которой картина нам досталась.

— Мы... м-мы никого н-н-не уб-б-бивали, это был несчастный с-случай! — выговорил я, заикаясь. — Ваня случайно взял картину, просто она ему понравилась. Мы хотим ее вернуть.

— Он не хочет! — кивнула Ирина на Ваню, накидывая халат.

— Ему нравится картина, но он готов вернуть ее, помогите нам... у нас после этого неприятности начались... — взмолился я. — Мама столько хорошего о вас рассказывала!

— Хорошо, руки... — Она снова вошла в транс. — Дорога... подарок... вижу прошлое... у вас у всех общее прошлое... и... будущее... черное, липкое... брызжет в лицо... солнце... — Ирина сжала мою ладонь.

— А-а-а-аааааа!!! — это уже был Ваня. «Все, бля, инфаркт», — мелькнуло в голове. Я повернулся. Волосы встали дыбом.

Вместо корчащегося в сердечном припадке Вани я увидел, как на кровати медленно поднимается человек, накрытый тюлем. Муж. Не опираясь на руки, а просто так взял и сел. А тюль как был на нем, так и остался.

— Ай! Ой! Мама! — не своим голосом взвизгнул я, вскакивая и отдергивая руку. Ирина, увидев мужа, застыла. Муж, не снимая с головы тюля, спросил:

— Ира, у нас гости?

Мы с Ваней кинулись в прихожую, отталкивая друг друга в попытках протиснуться в дверь. Ничего ужасного не произошло, просто спавшему летаргическим сном мужу приспичило проснуться именно во время сеанса по выявлению хозяев нефтяной Венеры. Но мы бежали как от огня, мало ли что придет в голову человеку, проспавшему два года, а проснувшись, увидевшему, как двое парней тискают сисяры его жены.

Картину забыли...

Помешкав секунду, я кинулся обратно в комнату, схватил холст и зачем-то сказал Ирине «извините». Она же застыла, обернувшись к мужу.

Схватив с вешалки куртки, запихивая на ходу ноги в ботинки, мы толкали дверь. Не подается... засовы, защелки... Толкаю, не подается... Оборачиваюсь... вижу голову мужа под тюлевой фатой, повернутую в нашу сторону. Кричу:

— Деньги на зеркале!

Ответа не последовало. Зря я про деньги, муж подумает, Ирина проституцией занялась... Тут я едва не упал — Ваня наконец справился с дверью, дернув ее на себя. Ну конечно, не толкать надо, а дергать. Он дернул слишком сильно. Дверь распахнулась, и он повалился на меня. Хватаясь за одежду на вешалке, обрывая крючки, я чуть не упал с охапкой старых плащей. Отбросив их, я толкнул Ваню вперед, в открывшийся выход.

Позвонила риелторша. Вот уже два месяца безуспешно пытаюсь сдать бабушкину квартиру в Черемушках. Деньги нужны позарез. С клиентами не везет: одним не нравится старая сантехника, другие выглядят подозрительно и предлагают слишком мало. После расставания с Леной я в этой квартире долго не прожил. Только появились заработки, сразу снял жилье. Не хотел зависеть

от родителей. Они квартиру время от времени сдавали, но ремонт так и не сделали.

— Девушка хочет снять. Культурная, обеспеченная. Торгует живописью. Ищет однушку под склад.

Везет мне на живопись в последнее время, подумал я.

На следующий день, оставив Ваню на соседку-пенсионерку Клавдию Васильевну, я приехал в квартиру заранее. Открыл форточку проветрить, протер пыль. Полы и окна мы с Ваней помыли еще в сентябре.

Звонок. Открываю дверь. На пороге риелторша в кожаном плаще и... шатенка с кладбища.

— Здравствуйте, Федор, это Софья Георгиевна, — риелторша профессионально улыбнулась, пропуская шатенку вперед. Мне тут же захотелось захлопнуть дверь.

Не знаю, как складывалась жизнь этой Софьи Георгиевны до встречи со мной, но, увидев меня, она изменилась в лице. Видимо, такого количества странных совпадений за столь краткий срок ей, как и мне, переживать не приходилось. А ведь она еще про картину не знает. А значит, на мою долю выпало больше. Я ощутил мгновенное удовольствие от этого преимущества.

— А ты что здесь делаешь?! — вместо приветствия спросила шатенка. Губа у нее все еще распухшая. Припудренная.

— Это моя квартира.

— Вы знакомы? — заволновалась риелторша и даже забыла предложить Софье Георгиевне надеть на сапожки бахилы, чтобы не пачкать пол. Как часто люди задают вопросы, касающиеся очевидных, уже свершившихся событий. Ясно ведь, что мы знакомы.

— Заходите, — пригласил я. Мог бы выгнать их вон, но вспомнились слова Вани «она красивая». Да и деньги нужны.

Шатенка напряженно переступила порог, осматривается.

— Окна куда выходят?

— Во двор.

— Вижу, что не на Елисейские Поля. Сторона света какая?

— Восточная. Солнце по утрам.

— Что-то его не видно.

— Сейчас полпервого.

Шатенка явно не может сосредоточиться на достоинствах и недостатках квартиры. Взвешивает, стоит ли со мной связываться. Какую пользу она из этого извлечет. Аж слышно, как микросхемы в ее голове скрипят.

— Так и будете сдавать, без мебели? — на «вы» перешла.

— Да.

— Ремонт?

— Если хотите, можете сами делать.

Какая ей разница, солнечно здесь или нет? Зачем мебель? Она же под склад квартиры ищет. Не буду иметь с ней дела. Мы еще с правами на могилу не разобрались. Могила могилой, а деньги сейчас нужны. До этой такие рожи приходили, абсолютно неподходящие. Если ей подойдет — соглашусь.

— Ну, как вам, нравится? — волнуется риелторша.

— Надо подумать... — рассеянно ответила шатенка.

— Я вам позвоню, — бросила на прощанье риелторша.

Надоело ей со мной возиться. Выждав несколько минут, тоже выхожу за дверь.

Во дворе иду по бордюру тротуара. Всегда любил это. Кажется, что идешь по краю пропасти. Боишься упасть. Оступишься — и конец. А когда все-таки теряешь равновесие, оказывается, что нет никакой пропасти.

За спиной затормозила машина. У меня рефлекс, если рядом, чуть позади, останавливается тачка, значит, менты. Что именно

делает меня привлекательным для этой категории граждан, не ясно. Одет я как обыкновенный горожанин, на приезжего не похож. Может, им мое выражение лица не нравится? Я проверял эту теорию: если идешь быстрым шагом с лицом напряженным и озабоченным, тебя не трогают. А если вид у тебя праздный, ты тарачишься по сторонам, заглядываешь в урны, то могут проверить документы. Или я латентный террорист? А менты это чувствуют... Мысли прервал знакомый голос:

— Подвезти?

Оборачиваюсь. Из черного запыленного джипа высовывается шатенка.

В груди екнуло. Испугался, как школьник. Что ей надо? Решила наладить со мной отношения?.. Хитрюга. Хочет квартирку без агентства снять, чтобы комиссионные не платить... Мелочевка какая-то в голову лезет! Про могилу решила разведать. По-тихому, с глаза на глаз. Типа, какие у меня планы по выселению их папаши из нашей фамильной ямы. Если сяду к ней, придется как-то общаться, она меня раскусит, поймет, что я голозадый отец-одиночка, которого можно безнаказанно поиметь. Нельзя садиться, нельзя... А, черт с ним!.. Я уже на мягком сиденье, блокирующие кнопки на дверях защелкнулись.

— Куда ехать? И давай на «ты»... Я Соня...

— Я Федя...

Пожали руки, назвал адрес.

— Ой, какая холодная! — рассмеялась Соня.

Водит Соня нервно, постоянно перестраивается из ряда в ряд.

— Я думал, менты, — нарушаю молчание.

— Какие менты?

— Ну, когда ты подъехала... А я у ментов пользуюсь особым респектом. Они ради меня на все готовы, однажды даже троллейбус тормознули.

— Ух ты!

— Сижу себе, смотрю в окошко. А мимо шестерка ментовская едет. И так их много там набилось, как будто одна большая ментовская семья в город приехала погулять. Видят меня — и давай водителю троллейбуса в мегафон орать «стой, стой»!

— Просто так?! Тебя увидели и троллейбус остановили? — усомнилась Соня.

— Ну... не совсем просто так... я им язык показал. Очень они смешные были в этой шестерке. Вытащили меня из троллейбуса и такой шмон устроили!

Соня расхохоталась.

— А чем занимаешься?

— Архитектура-дизайн... — перед глазом маячит пятнышко. Двумя пальцами оттягиваю ресницы, что-то на них налипло.

— Красивые ресницы, — отметила Соня, войдя в опасный поворот, не снизив скорости. Пришлось схватиться за поручень, чтобы не завалиться на нее.

Черт, зря я про свою профессию брякнул. Надо было таинственность сохранять. Может, я из ФСБ. Может, у меня в руках рычаги всякие властные, могущественные друзья в черных масках.

Впереди плетется просевший от груза старый грязный «Москвич» с номером тридцать третьего региона. Водитель москвича, провинциальный бедолага, не знает, куда податься в адском автомобильном потоке. Соня пытается его обогнать, тыкается и так и сяк, мигает фарами, бесполезно. Наконец мы объезжаем «Москвич». За рулем сидит мужик с вытаращенными от столичного движения глазами. Соня опускает стекло, перегибается через меня, кричит:

— Регион номер тридцать три, Москва приветствует тебя!

Мужик ошалело посмотрел на нас. Соня гоготнула, я улыбнулся, на меня произвела

впечатление ее грудь, которой она прижалась ко мне.

— Тебя не оскорбляет мой шовинизм? — вот уж не ожидал, что ее интересует мое мнение по такому вопросу. — Все сейчас такие культурные стали.

— Твое дело, — лично я не замечаю, что все вокруг стали особо культурными.

— Политкорректность не по мне... Ну, а пацан слабоумный, он тебе кто?

— Слушай, не называй его слабоумным!

Я уже успел заразиться вирусом родителей умственно отсталых. Начинаю верить, что дауны не слабоумные, а дети Бога. В глубине души я считаю это бредом, но, когда речь заходит о Ване, превращаюсь в его рьяного защитника. Я, как все мои соотечественники, могу ругать родину дома, но за границей становлюсь ортодоксальным патриотом. Родители недоразвитых, и я в том числе, похожи на провинциалов, которые с пеной у рта доказывают жителям столиц, что воздух в деревне чище, шума меньше, а еда вкуснее. Столичные молча кивают, терпеливо улыбаются, но городов не покидают. Провинциалы же, вопреки собственным речам, зачастую мечтают перебраться поближе к цивилизации.

— Только учить меня не надо, — осаживает Соня.

Ее обучение не входит в мои планы.

— Знаешь... тормозни-ка здесь, приехали, — говорю я.

Визг колес, едва не влетаю в лобовое. Выхожу. Хватит с меня этих своенравных московских сук, привыкших помыкать подчиненными и домработницами. Иду прочь. Налетаю на кого-то, извиняюсь. У нас имущественные разногласия, а она со мной говорит, будто женаты десять лет. Все-таки не надо было в машину садиться...

— Эй, Фе-еда, извини! — кричит вдогонку Соня. Догоняет. Фары мигают аварийными огнями.

— Не напрягайся, я больше так говорить не буду. Только бить меня не надо! — с комичным испугом произносит она, заслоняясь от воображаемого удара. — Кто он тебе?

— Он...

Тут я, стоя посередине тротуара, рассказал ей свою жизнь. Про родителей, про Ваню. Так бывает, друзьям о себе не рассказываешь, а потом бац — и все вдруг выложишь случайно подвернувшемуся человеку. Соня выслушала, не перебивая, а в конце спросила:

— Познакомишь нас? Теперь уже интересно...

Наш подъезд считается красивым. Дамы, любящие цветы, оставили этажи кактусами, геранями и ползучими лианами. Любительницы прекрасного развесили позапрошлогодние календари с фотографиями березовых рощ и пушистых котят. А одна престарелая вдова, ставшая в последние годы набожной, обклеила стенки лестничных маршей бумажными иконами.

Я попробовал дозвониться Клавдии Васильевне, с которой оставил Ваню, но никто не поднял трубку. Не сболтнул бы он Соне про картину.

— Здравствуйте, я на ночь телефон отключаю, а включить забыла, — прошамкала соседка, когда я сказал, что у них никто к телефону не подходит. Я вручил ей сухой шоколадный тортик, который она любит больше других. На Соню соседка посмотрела выразительным взглядом. Мол, наконец сын Овчинниковых привел в родительский дом женщину.

— Что вам здесь надо?! — строго спросил Ваня у Сони, глядя при этом куда-то под ноги.

— Иван, познакомься, это Соня. Она хорошая. Соня, это Иван, — Соня пожала пухлую Ванину ручку с короткими пальчиками.

Отпираю дверь.

— Кудрявая хата, — Соня окинула острым взглядом запыленный тяжеловесный хрусталь в серванте, выцветшие зеленые обои, сохранившие изначальный цвет только за шкафом, и зимний закат кисти дедовского друга-генерала, увлекшегося на пенсии живописью. С этими словами она плюхнулась в продавленное кресло, обтянутое истершимся плюшем цвета ржавчины. То самое, из-за которого Ваню лишили роли.

— Дедушка, Герой Советского Союза.

— Так вы, что называется, «из семьи»? — иронично подмигнула нам Соня.

— Мама химичка, папа инженер. Только вот деда угораздило...

Соня погладила черный рояль, ощупывая трещину на крышке.

— Играете?

— Я учился, но без толку. Не могу двумя руками разные движения делать одновременно, да еще и на педали жать. Чаю хочешь?

Не успела Соня сесть на кухонную скамью, как Ваня согнал ее с места и вытащил из хозяйственного ящика под сиденьем с десятков банок варенья, которое родители заготавливали за последние годы. На банках указаны годы урожая. На некоторых наклейки «Почтительность. Послушание».

— Что это? — спросила Соня про наклейки.

— Сорт варенья, — соврал я.

На самом деле это остатки борьбы моей мамы со мной. На банках с самодельным вареньем и соком из дачных яблок, которыми меня снабжали каждую осень, неизменно были наклеены пластыри с надписью «почтительность, послушание». Таким образом, через потребление вовнутрь мне должно было привиться правильное отношение к родителям.

Стол, и без того забитый лишними вещами, в мгновение ока превратился в склад. Чтобы увидеть друг друга, пришлось вытягивать шеи. Соня хихикнула, я смутился.

— Спасибо, дорогой Ваня, — поблагодарила Соня и помыла блюдо. — Что-то у вас вода не проходит!

В раковине недвижно стоит грязная жижа.

— Опять засор! — оценил ситуацию Ваня тоном крепкого хозяина. — Папа, где вантуз?

Распускает хвост перед гостьей.

— Вантуз в туалете.

Ваня разыскал вантуз и принялся громко хлопать в раковине, проталкивая засор и параллельно рассказывая:

— Старые трубы... капитальный ремонт не делали... Лужков деньги выделил, но их украли...

— Кто украл?

— Прораб! Он себе «Хундай» купил, — уверенно ответил Ваня. — А мы были на даче!

— Дача тоже небось дедушкина?

Зря я ее сюда притащил... Глупость... Сейчас Ваня все выболтает... Турнут нас из нашей же могилы...

— Дедушкина. Очень хорошая, с печкой, батареями и туалетом, — загибает пальцы Ваня, раздуваясь от гордости. — Виктор Тимофеевич говорит, у нас дача крепкая.

— Круто! — восхищается Соня.

— Это наш сосед, — пояснил я. — А дача — ничего особенного по нынешним меркам. Дедушка генерал был, в академии преподавал. Его ученики сейчас большие люди, — я бросил на Соню выразительный взгляд.

Ваня предложил ей яблочное желе.

— Ой, смотрите, там мушки застряли!

Мы вглядываемся в дрожащий на ложке кусочек желе. В нем, как в янтаре, застыла пара мелких насекомых.

— Давай другую банку откроем, — предложил я.

— Ерунда. Сейчас я варенье в чае размешаю, они всплывут, и я их выловлю, — успокоила Соня.

Раздался звонок. Я вздрогнул. Соня достала из сумочки телефон.

— Привет... нормально... знаешь, у кого я в гостях?.. С кем у нас теперь братская могила... ну да... приезжай, расскажу... — Прикрыв трубку рукой, она обратилась к нам с Ваней: — Можно сестра приедет? Вы ее на кладбище видели...

Я кивнул.

Теперь еще и сестра.

— Приезжай... — Соня продиктовала адрес.

— А у меня скоро тоже будет телефон, — важно сообщил Ваня, вертясь на сиденье.

— Ух ты! Дашь мне свой номер? — попросила Соня.

— Да! — Ваня покраснел и зажал кулачки между коленок. — Папа мне купит самый лучший, который музыку из телевизора скачивает. Я скачаю музыку, и она будет играть, — объяснил Ваня и добавил ни с того ни с сего: — У меня скоро день рождения!

— День рождения?! Когда? А сколько исполнится?

— У меня день рождения сразу после папы, двадцать седьмого декабря. Мне исполнится шестнадцать лет, — старательно произнося эту тираду, Ваня посмотрел на меня, будто я учитель, а он читает заученный стишок.

— Сразу все семейные секреты выдал, — пошутил я.

— Так у вас обоих скоро день рождения! Позовете?

— Позовем, — начинаю уставать от ее настойчивости.

— Так и не всплыли, — допивая остатки чая, вспомнила про мушек Соня.

— Ты их проглотила?! — испугался Ваня.

Откинувшись на спинку скамьи, Соня оглядела кухню.

— Какой у вас ремонт художественный! Сами делали?

— Сами... — Несколько лет назад нас залили соседи сверху. Все трубы виноваты. Вода не проходила. Родители бы так и жили с остатками краски, свисающими лохмотьями с потолка, но я предложил сделать ремонт своими руками. Мне был интересен такой эксперимент. Ваня был уже достаточно большой, и мы вместе счищали старую краску и штукатурку. Содрали все, что плохо держалось. Затем я купил ведро краски, колеры, замешал в корытце пару оттенков, и мы принялись красить потолок. Тут, на стремянке, Ваню осенило. Весь потолок, по его мнению, напоминал карту фантастического мира. Ваня как раз изучал географию с папой

и знал, как выглядят карты. Серые участки, где штукатурка и старая краска счистились до самого бетона, стали «морями». Белые, где штукатурка не поддавалась шпателю и молотку, — материками и островами. Очертания суши и моря хорошо просматривались.

Мы тут же сочинили историю, что здесь, на потолке кухни, нам открылся таинственный мир. Со своими европами, азиями и америками. С высокими горами и глубокими ущельями. С вулканами, городами и реками. Я предположил, что именно в этом мире и находится таинственная Страна Чудес Молочных. Ваня тогда впервые увидел этот рекламный йогуртовый ролик и донимал всех вопросом, что это за страна такая.

— Вот она, — указал я на самый большой кусок штукатурки.

— А кто там живет? — спросил зачарованный Ваня.

— Там живут совсем другие люди. Не такие, как мы... — Я запутался, и вдруг с губ само собой сорвалось: — Там живут такие, как ты.

Ване было лет десять-одиннадцать, но он уже понимал, что отличается от других. Новость произвела эффект, на который я не рассчитывал. Ваня запретил дальнейшую покраску.

— Это моя страна! Страна Чудес Молочных! — напевал Ваня, невпопад вторя рекламе. — Я хочу на нее смотреть!

Несколько неудачных попыток уговорить его, ссылаясь на необходимость маскировки карты, чтоб туда не понаехали мигранты, потерпели поражение. Потолок так и остался некрашеным. Ваня и по сей день обожает его рассматривать. Сказочный мир обрастает все новыми историями, которые он сам придумывает. Теперь он в подробностях рассказал об этом Соне.

— А как туда попасть? — спросила она. — Я бы хотела посмотреть на эту страну, на доел Таиланд.

Ваня ответил не задумываясь:

— В эту страну можно попасть только после смерти. Но берут туда не всех. Только таких, как я. Но я смогу тебя пригласить в гости.

— Пригласи обязательно! Я приеду! А пока есть ужасно хочется. Пацаны, может, пиццу закажем?

— Не надо пиццу! — запротестовал Ваня и вытащил из холодильника кусок мяса, купленный вчера. Наш последний запас. — Папа, давай мясо запечем!

— Отличная идея! Хватит фастфудом набиваться! — обрадовалась Соня. Я не в восторге: и так жрать нечего, так Ваня еще последнее чужим скармливает. Но надо сохранять лицо:

— Тогда помой его и ищи рукав для запекания. Помнишь, мы купили.

— Рукав, ха-ха-ха! Рукав для запекания! — кривляется Ваня, перевозбужденный присутствием красивой девушки. Прямо я в детстве. Помню, едем в автобусе с родителями, а напротив две школьницы сидят. Мне они казались взрослыми тетями-красавицами. Я принялся какие-то рожи корчить, вертеться, егозить, всячески привлекая их внимание. А потом папа взял и сделал мне замечание — мол, веди себя прилично в общественном месте. Я уткнулся в материнский бок и заревел. Зачем отцу понадобилось меня унижать перед школьницами?

— А Маша чем занимается?

— Хуй пинает... — Ваня, запихивающий мясо в «рукав», встал столбом. Посмотрим, что он теперь скажет.

— Ругаться нехорошо... Это карму разрушает... — Молодец парень, никаких двойных стандартов!

— А откуда ты знаешь? — задала Соня каверзный вопрос.

— Мне ангел сказал.

Не на того напала.

— Ты с ангелами разговариваешь? — не скрывая удивления, спросила Соня.

— Меня мама научила, — гордо ответил Ваня.

— Моя мама такими вещами увлекалась. От скуки... — Не хватало еще, чтобы Соня решила, что мы сумасшедшие. Хотя... может, это ее напугает... Поймет, что нас лучше не обижать, а то прикончим, и нам ничего не будет, полежим в психушке и выйдем.

— Тогда не буду ругаться, раз ангел запретил. Короче, Маша ничего не делает. Иногда дает уроки французского... у нее ведь мать француженка. Искусствовед, приехала в Союз на какой-то семинар, а наш папочка тут как тут. Так что Маша на самом деле Мария-Летиция-Женевьева. Это по-нашему она Маша. Живет то здесь, то в Париже. Мать ей квартиру на Патриках снимает.

Ваня задвинул противень и попросил меня зажечь огонь.

В ожидании Маши мы продолжили болтать. Иногда бывает так, что в один день

сразу столько всего произойдет, чего и за полгода не происходит. Будто один распорядитель судьбы заканчивает смену и накануне передачи вахты другому щедро вытряхивает залежавшиеся события, не нашедшие применения раньше.

— Мы теперь почти как семья. Братья по могиле. Расскажи, чем занимаешься? — попросил я Соню.

— Мать переводчица, отец художник...

На слове «художник» Ваня так выразительно посмотрел на меня, что Соня удивилась. Я же беззаботно махнул рукой и ответил Ване похожим взглядом. Вроде как у нас обычай такой.

— Отец у меня с Машей общий. От нас с мамой он ушел, когда мне пять лет было, Машка уже родилась... — Соня затянулась сигаретой.

— А вы тоже художница? — перебил Ваня.

— Нет. Торгую чужими шедеврами. Продаю нашим, не рубящим в живописи соотечественникам, европейские картинки. У меня мальчик один толковый в Голландии есть, однокурсник. Он там на блошинных рынках старые пейзажики скупает, мне поездом отправляет, а я их здесь как малоизвестные западные шедевры толкаю.

— И хорошо идут дела?

— Жены средненьких бизнесменов легко платят по десять-двадцать косарей евро за вещи, которые я беру по пятьсот. С настоящими богачами я не связываюсь, у них эксперты. Мои клиенты — народ с одним-двумя лимонами и желанием приобщиться к аристократическому увлечению — коллекционированию живописи.

За десять лет работы я старался делать только красивые интерьеры, боролся за каждую мелочь, убеждал заказчиков и строителей, отказывался от участия в варварских реконструкциях старинных зданий. Потому и не разбогател. А это совсем другая семейка: папаша малевал вульгарную похабень, а циничная доченька впаривает идиотам второсортную живопись под видом эксклюзива. А если с другой стороны посмотреть, то Сазонов и Соня просто дают людям то, чего они достойны, чем не подавятся. Нельзя же годовалому ребенку скормить окорок.

Рядом хлопнуло.

— Ой! — подпрыгнул на месте Ваня и нервно облизнулся.

Я выронил из рук ложечку, и она подло звякнула о блюде.

— Мясо! — спохватилась Соня.

Ваня мигом схватился за ручку духовки и отскочил с воплем. Старая плита во время работы сильно разогревается. Я заметался в поисках хваталки. Ваня принялся дуть на пальцы. Соня спокойно взяла полотенце, открыла плиту и вытащила со скрежетом упирающийся противень.

Пополз густой дым. В глазах защипало. В воздухе запахло жженой резиной, как во время какого-нибудь африканского бунта, где восставшие жгут автомобильные покрышки.

— Фу!

Мясо, обляпанное плавящимися остатками «рукава» для запекания, полыхало.

— Рукав для запекания бракованный! — воскликнул Ваня. Я наполнил водой стакан, плеснул на горящий полиэтилен «термостойкого рукава». Кухня погрузилась в густой вонючий туман, мы стали кашлять и тереть слезящиеся глаза. В дверь позвонили.

На пороге стояла Мария-Летиция-Женева. Блондинка с прямыми волосами, чуть выше и худее Сони. Она напоминает деревянную куклу на шарнирах, тонкую, прямую, угловатую. Ярко-голубые глаза смотрят скучающе, точно со сна. В правом глазу выделяется

карий кусочек. Будто осколок пивной бутылки застрял. Маша производит впечатление девушки, только что вылезшей из постели. Правый уголок рта у Маши стерт ластиком. Сначала кажется, что показалось, а потом понимаешь, нет. Странный эффект, делающий правильное лицо немного асимметричным.

— Ты подожгла дом? — спросила Маша у Сони. — Внизу консьержка раздумывает, не вызвать ли пожарных.

— Рукав для запекания бракованный, — кокетливо разъяснил Ваня и тут же спрятался за мою спину, краснея от смущения.

— Где кухня? Здравствуйте. — Маша чмокнула нас дважды, по французскому обычаю. Прямота, пожалуй, единственное качество, которое сестер объединяет. Они не церемонятся с выражениями, грубят, но зато не смотрят на Ваню как на диковинное существо. И не делают лица, полные фальшивого сострадания.

Ваню поцелуи шокировали, никогда прежде девушки его не целовали. Простояв несколько секунд в столбняке, он церемонно поклонился. Но Маша, а за ней и Соня уже поспешили на кухню.

— О, я вижу, наши новые друзья большие кулинары, — изрекла Маша, ковыряя вилкой

застывшую корку горелого полиэтилена, облепляющую мясо. — Похоже на убитого инопланетянина. Дайте-ка коробку с этими вашими «рукавами».

Мы виновато порылись в ящике буфета и протянули ей коробку. Маша прочла вслух:

— ...Для запекания в микроволновых печах! Умники! До конца инструкции читать надо!

— А у нас нет микроволновой печи! — нашелся Ваня.

Вопреки опасениям, мясо оказалось пропеченным в самый раз. Не слишком сильно, но без крови. Редкие фрагменты расплавленного «рукава» ничуть его не испортили. Разрезав кусок на четыре равные части, я подал его на стол.

— А когда вы нам могилу вернете? — неожиданно спросил Ваня с набитым ртом.

Соня отложила вилку и нож. Маша вздохнула.

— Вань, давай об этом после еды поговорим, — начал было я.

— Можно и сейчас, давно пора... — вмешалась Соня. — Мы понимаем, вышло некрасиво...

— Соня, это ужасно, это только в России могло произойти! — затараторила Маша.

— Понимаете, отец просил его на этом кладбище захоронить. Там его любимый художник... как его... не важно. Мы спросили, есть ли места, нам сказали, можно организовать. Мы в подробности не вдавались. Не до того было...

— Мы пока не торопим. Нам могила не к спеху, правда, Вань? — Я подмигнул сыну. Он юмора не понял.

— Почему не к спеху?

— Вы не волнуйтесь, мы будем требовать новый участок, а тебе компенсацию, — подытожила Соня.

— Ты хочешь выкопать папу? — уточнила Маша.

— Папа лег на чужое место. Хотя он и при жизни это часто делал! — Соня хохотнула. Маша тонко улыбнулась. — Небольшое перемещение ему уже не повредит.

Интересно, предполагал ли мальчик Гоша Сазонов, выросший в художника Джорджа Сазонофф, что перед смертью его последнюю картину похитит даун, а самого его запихнут в могилу родственников похитителя, потомки которых потребуют перезахоронения.

— Приходите ко мне в театр! — пригласил всех Ваня.

— В театр?!

— Я играю в театре! — Мой толстячок весь извертелся от гордости. Даже стал какие-то танцевальные па демонстрировать. Сестры обратили ко мне вопросительные взоры.

— Ну... э-э... это не совсем театр, просто подвал с маленькой сценой... Ваня играет в спектакле... м-м-м... небольшую роль...

— Я играю Меркуцио!

Я решил не напоминать, что роль Меркуцио отобрали.

— Вау! — завопили сестры и бросились тискать и теревить Ваню. — Ты еще и актер!

Ваня с хохотом заверещал.

— А что за спектакль?! — спросила Соня.

— Не позорь семью, — фыркнула Маша.

— А что?!. А... ну да... «Гамлет»? Шучу! И ты играешь Меркуцио?!

— Да... — Ваня растерянно посмотрел на меня. Вспомнил.

— Ваня сейчас пробует другую роль... — пришел я на помощь.

— Какую?

— Он встречает гостей и читает финальный монолог.

— А почему не Меркуцио? — настырно любопытствовала Соня. Маша кашлянула, поняв, что дальнейшие расспросы неуместны.

— Там Кирюша... его мама мебель купила... ему Меркуцио отдали...

— У тебя забрали роль из-за мебели?!

— Э... не совсем так... — вмешался я. — Ну... в общем да...

Ваня понурился.

— Мы им кресло каждый раз возим, но нужны постоянные декорации, новые... Нашлась деловая тетка из родительского комитета, со своими условиями...

— Когда спектакль?

— Послезавтра в восемь. Первый показ в этом сезоне. Мы как раз кресло повезем.

— Премьера! — веско произнес Ваня.

— Обожаю премьеры! — всплеснула руками Маша.

— А как же вы эту бандуру допрете? Это ведь то кресло, которое в гостиной? — задала Соня практичный вопрос.

— Грузовое такси.

— Я вас отвезу.

Ваня убежал и вернулся с медным горном.

— Вот это да! — восхитилась Соня. — Можно дунуть?

— Можно, — разрешил Ваня, будто девственница из патриархальной семьи позволила жениху прикоснуться к своей руке. Соня подула, труба издала протяжный вой.

— Дай покажу!

Ваня вырвал у Сони горн, чтобы извлечь из него несколько звуков еще более отвратительных. Сестры захлопали в ладоши. Ваня и вовсе раздухарился и совершил то, чего я больше всего боялся.

— Хотите, покажу мой тайник?

— Ваня, я не думаю, что девушкам интересно!

— Почему же, очень интересно!

Ваня потащил гостей за собой, я поплелся следом, не зная, как предотвратить демонстрацию картины. Прихватив со стола чашку, я глотнул на ходу. И поперхнулся. Закашлялся, захрипел, хватая ртом воздух, замахал руками, выкатил глаза. Ваня подскочил и давай хлопать меня по спине. Я вытер слезы.

Бом! Бом! Забили часы в гостиной.

— А сколько сейчас? — все будто очнулись.

— Одиннадцать! — прохрипел я. Никогда не отвечал на этот вопрос с такой радостью.

— Ой, мы засиделись! У меня завтра встреча рано. Да и вам спать, наверное, пора. Спасибо за ужин!

После визита сестер я увидел квартиру их глазами. У нас не просто бардак, это какой-то неопиcуемый навал барахла. На всем слой

пыли, как после извержения вулкана. Я взялся за уборку. Начал со спальни.

Разобрал родительскую кровать. Из-под матраса, как разбегающиеся тараканы, посыпались портреты целителя Семенкова. Портреты вроде как обладают лечебной силой. Мама верила, что с помощью этих портретов сможет сделать Ваню таким же, как все. Семенков — лысоватый господин с длинными волосами, отросшими на висках и затылке. Его изображения, отпечатанные на глянцевой бумаге, требуется класть под матрас и носить на себе под одеждой. Мама буквально укутывала портретами себя и Ваню, чем больше портретов, тем сильнее оздоровительный эффект, а чтобы портреты не истирались, упаковывала их в полиэтиленовые «файлы». При малейшем движении они с Ваней шуршали, как покупки в супермаркете.

Я собрал портреты, выкинуть их рука не поднимается. Уберу на антресоли. Разложив обляпанную краской во время ремонта стремянку, я раскрыл дверцы антресолей. В лицо пахнуло запахом старых тканей, кожи и дерева. Груды пакетов, гремющая фигурами складная шахматная доска с покоробившимся лаком, рулон пожелтевших обоев в цветочек.

А вот и чемоданчик с дедовскими наградами: орден Ленина, орден Красной Звезды, звезда Героя. Больше остальных мне нравится Красная Звезда, эмалевая, пятиконечная, цвета вишневого компота, с серым солдатом в середине. Ордена крепятся к черной бархатной подушечке, которую положили деду на грудь во время похорон. Потом подушечку спрятали в чемоданчик, а деда закопали.

Вспомнился рассказ деда, как он Красную Звезду получил. Говорил он об этом лишь однажды, незадолго до смерти. Он воевал командиром инженерной части. В сорок третьем году, в крещенские морозы, ему поставили задачу в одну ночь навести мост для переправы. Немцы не прекращали обстрел, река превратилась в кашу из ледяной взбаламученной воды и колотого льда. Русский мохито. Деду говорят, если утром будет мост — представим к награде, не будет моста — расстрел. Дед подумал и попросил у штабных две вещи: пять бочек спирта и мешок орденов. Спирта дали бочку, а орденов не пожалели.

Дед поставил задачу саперам и наградил всех заранее. У каждого оказалось по три-четыре ордена плюс медали, другие за всю войну столько не получили. А потом они

вошли во взрывающуюся святую воду. К утру бочка опустела, а по новому мосту ринулись советские танки. Почти все саперы погибли. Дед потерял левую руку.

Недавно я сдал в антикварный трофейный бронзовый канделябр, на витрине лежало много боевых наград: Красные Звезды, ордена Ленина, Железные кресты с дубовыми листьями, значки за наступление на Кубани... Спустя каких-то шестьдесят лет красивые железки, утянувшие на тот свет стольких парней, смешались в лавке древностей. Награды, врученные смертельным врагам, мирно уживаются в сундучке коллекционера.

Вниз грохнулся пакет. Просыпались бумажки для записей. Из экономии мама использовала опустевшие картонные коробки. Папа расправлял их и резал на аккуратные квадратики. На них составлялись списки продуктов, которые следует купить, или указания для меня. Исписанные бумажки тоже зачем-то сохранялись. Я стал спускаться, чтобы собрать рассыпанный хлам. Следом свалился пакет с пластмассовыми баночками от сметаны. В них удобно складывать снедь. Живи мои родители в Европе, зеленые бы наградили их за вклад в рациональное использование ресурсов и сокращение выбро-

са мусора. Напоследок на голову грохнулся мешок с клубками старой шерсти. Несколько клубков покатались по коридору. Запахло нафталином и восьмидесятыми. Я помогал бабушке распускать кофту и сматывать один из этих клубков. Бабушка любила распускать вещи, до вязки дело никогда не доходило. Запихивая клубки обратно, я наткнулся рукой на сверток, перетянутый бечевкой. Вытащил. Развернул... Пухлая пачка сторублевых купюр старого образца и несколько облигаций государственного займа.

Бабушка в последние годы жизни путала наши имена и постоянно перепрыгивала деньги. То в книги положит, то под матрас. И так перепрыгивала до тех пор, пока сама не забудет, куда положила. Каждый раз дело заканчивалось семейным скандалом. Бабушка упрекала маму в краже своих сбережений и облигаций, папа вступался за маму, мама спорила с бабушкой, папа вступался за бабушку и так далее. Потом папа хлопал дверью и убегал во двор. Происходили подобные вещи раз в месяц, после получения пенсии. Последнее исчезновение сбережений случилось примерно за год до бабушкиной смерти. Деньги так и не нашли, родители тогда расстроились не на шутку, у бабушки

накопилось около трех тысяч советскими рублями. Подошла очередь на машину. Хотели старый «жигуль» продать, а новый купить. Как бабушка на антресоли забралась в свои годы...

Некоторые клубки размотались, сматываю. Из любого клубка может получиться шапка. Надоела шапка, распускаете и вяжете свитер. Свитер вышел из моды — шарф. Шарф потрепался — носки. Да что угодно. Суть не меняется, меняется только форма. Все наматывается клубком; мысли, знакомства, история, судьба. Все зарождается из маленькой закорючки, кончика нити, и все к этой закорючке возвращается.

Вот оно, мое наследство. Куча старого барахла и умственно отсталый подросток. Перед глазами мелькает жизнь. Я скандалю с родителями из-за нарезанных картонок для записей вместо опрятного блокнотика, подростком мечтаю, что было бы здорово, если бы родители погибли, а я бы навел в квартире порядок. Я стыдился их немодной одежды, возраста. Мне хотелось родителей помоложе, как у большинства дворовых мальчишек и девчонок. Чтобы мать была разодетой и накрашенной, а отец наглым и богатым, а не бывшим совслужаем со звеня-

щей в карманах мелочью. Чтобы квартира наша была обставлена современной мебелью, чтобы старые дубовые оконные рамы поменяли на пластиковые, чтобы покупали еду в валютных супермаркетах. Я тогда считал, что скоро начну вертеть большими делами. Уж я всем покажу! И вот я победитель, хозяин этой квартиры...

Я — копия отца, плохой карьерист. Мог бы уже иметь архитектурное бюро, как большинство однокурсников. На меня бы работали молодые ребята. Почему я не решился оставлять Ваню с нянечкой? Ну спал бы он, не смертельно же это! А я бы делал деньги, тусовался с женами заказчиков.

Я швырнул клубок, испещренные записями картонки, пластмассовые стаканчики, бабушкины банкноты. Купюры разлетаются по коридору колодой карт. Из своей-моей комнаты выглядывает перепуганный Ваня. Он крупье в казино судьбы, а деньги — карты, брошенные мной, в тщетной попытке судьбу обыграть.

Вечером следующего дня, собрав Ваню в театр, я в последний момент отправился в душ. Пришлось подождать несколько ми-

нут, пока потекла вода приемлемой теплоты. У нас, когда открываешь кран горячей воды, течет холодная и лишь спустя время теплеет и, если повезет, превращается в горячую.

Выйдя из ванной, обнаружил Соню в вечернем платье, сидящую на кухне.

— С легким паром!

Она заявила раньше, пришлось пройти мимо в одних трусах.

— Попить ничего нет? — задержала меня Соня.

— Попить... — задумался я, втягивая живот и стараясь принять более эффектную, но вместе с тем непринужденную позу.

— Гриб есть! — нашелся Ваня.

— Что?

— Гриб! Гриб! — Ваня уже лезет в сервант и достает трехлитровую банку с желтой жидкостью и плавающей на поверхности субстанцией, похожей на губку, мясо и шляпку гигантского гриба одновременно. Это и есть «гриб», странная бродильная культура, производящая кисло-сладкий газированный напиток.

— Господи, это что?!

— Это целебный гриб, он был... был известен еще... — начал было Ваня заученную

лекцию, но запутался. Забыл, где «гриб» был известен.

— В Древнем Китае. Может, просто водички? — закончил я его речь, пытаясь перевести внимание Сони на другую тему. Поздно.

— Гриб?! У матери такой же был! — цокает языком Соня. — Попить гриба!

— Пей на здоровье, — Ваня заботливо наполнил стакан. — Я его каждую неделю мою.

Советские хозяйки гриб любили. Его размножали, выдумывали новые присадки, им делились, его подкармливали сахаром, мыли и всячески лелеяли как старого, мудрого и почитаемого члена семьи.

Соня осторожно отхлебнула.

— Вот это да! Парни, как я рада, что мы познакомились! Гриб! Где бы я его встретила!

Соня в несколько глотков осушила и потребовала добавки. Ваня с радостью подлил.

— А моя мать его выкинула!

— Его все выкинули. Даже не знаю, как он у нас сохранился, — отвечаю я, будто осознав впервые, что у нас есть «гриб».

В девяностые «гриб» утратил свои позиции. Ветреные советские женщины тут же изменили ему с кока-колой и спрайтом, забыв о древности «гриба» и его целительной силе. Сначала за «грибами», жившими в

трехлитровых банках, перестали ухаживать, допивая жидкость из жалости, будто делали одолжение. А потом взяли да и повыкидывали грибы на помойку. Вчерашние баловни лежали в мусорных баках среди яичной скорлупы, куриных костей и мокрых газет, которыми в те времена устилали мусорные ведра. «Грибы» напоминали медуз, выброшенных на пляж.

Лишь немногие женщины сохранили верность «грибу», одной из таких была мама. «Гриб» пережил крушение Советского Союза, штурм «Белого дома», московский ураган и дефолт девяносто восьмого года, чеченские войны, гибель «Курска» и смерть своей покровительницы. Я немного стыжусь «гриба», но в глубине души верю, что он живой. Ваня за ним ухаживает и общается с ним как с домашним божеством.

Соня рассматривает мясисто-слоистую структуру.

— Он такой мягкий, склизкий, круглый. Будь я мужиком, я бы его обязательно трахнула. Вы не пробовали?

— Мы... мы нет, — ответил я, испугавшись одной мысли о сексе с «грибом». Ваня промолчал и страшно смутился, так что я даже на секунду засомневался. Но нет, вряд ли.

— Эх, как бы я его трахнула, иногда жалею, что у меня нет члена, — развивает Соня мысль, прихлебывая из стакана и бросая взгляд на меня.

Не хватало, чтобы Ваня набрался таких знаний от нашей новой подруги. Начнет еще время от времени тайно поебывать гриб. Тогда бедняга позавидует участи своих собратьев, засохших на помойках двадцать лет назад.

— Чего у тебя нет? — переспросил Ваня.

— Нам скоро выходить! Вань, ты собрался?

— Да.

Спешу к себе, чтобы наконец одеться. Соня следует по пятам со стаканом, развивая полемику вокруг перспективы присунуть «грибу».

— Да, он холодный, зато молчит, и от него ничего не подцепишь! Может вырасти получеловек-полугриб. А вдруг это сделали уже давно, просто держат в тайне! Я видела много людей, похожих на эту штуку, с такими же лицами!.. А что, если это внеземная цивилизация?! — Соня даже остановилась, отстав на несколько шагов. — Как мне раньше в голову не приходило! Это же очевидно, гриб — инопланетянин!

Пока она стояла в коридоре, пораженная

снизошедшим на нее озарением, я успел надеть джинсы.

— Неужели тебе никогда не хотелось трахнуть инопланетянина? — Она подошла ко мне вплотную и заглянула в глаза.

Мы стоим очень близко друг к другу. Слишком близко. А я полуголый.

— Как-то не думал об этом... Вань, ты готов?! — кричу через ее плечо, пожалуй, чересчур громко. В двери сразу показался Ваня, будто подслушивал.

— Готов. Ты уже спрашивал.

— Пора грузиться, а то опоздаем.

Кряхтя, цепляясь за дверные ручки и стукаясь о косяки, я вынес кресло к лифту и запер квартиру. Ване я не позволяю таскать тяжести. Сердце. Мы втиснули старый германский трофей в узкий российский лифт, для чего потребовалось немного прижать креслу плюшевые «уши», «растущие» от спинки.

— Купили бы давно другое кресло, похожее, и отдали бы в театр, — предложила Соня, видя, какие усилия я прилагаю.

— Другое нельзя. Меня это вдохновляет, — отверг предложение Ваня.

— Может, другое тебя еще больше будет вдохновлять.

— Другое не будет.

Кресло, к моей радости, поместилось в багажник. Мы забрались на заднее сиденье, и Соня вырулила на мост.

— Старинная? — Мой вопрос касался иконы, которую я нащупал рядом с собой под кучей журналов.

Соня вопросительно посмотрела в зеркало заднего вида.

— А я ее найти не могла... да нет, современная работа. Но хорошая. Сергей Радонежский. Иконы — самый надежный сегмент арт-рынка. Возраст иконы определить трудно. Умельцы покупают старые доски и пишут на них. Можно сильно запутать экспертов. Ты же рисовать умеешь?

— Вроде да...

— Вот у меня бывший член Союза художников работает. Раньше Лениных шаршил, теперь иконы. Идут очень прилично. Не хочешь голодать в старости — пиши сейчас иконы и лет через тридцать начинай продавать.

— Спасибо за наводку.

Мы с Ваней разглядываем лик русского святого, написанный спецом по вождю ми-

рового пролетариата. Мне нравится. Цвета простые, но богатые. На нас смотрит мудрый старик, который все знает. И будущее, и прошлое. Хотя прищур у него какой-то ильичевский, да и бородка тоже, кажется, клинышком.

По приезде в театральный подвал мы установили кресло в центр сцены, а Ваня переоделся и занял позицию в предбаннике, встречать зрителей. Костюм пажа составлен из нарядов, сшитых для него еще мамой. Длиннополый бархатный сюртук цвета арбузной мякоти, оранжевая манишка и черные брюки. Ваня галантно раскланивается, церемонно произносит: «Добрый вечер, добро пожаловать» и приглашает занять места. Появилась Маша. Родственники других актеров поглядывают на нашу компанию с любопытством и даже некоторой завистью. Сестры выглядят инородно, как жительницы другого, недоступного мира веселья и благополучия.

Мы заняли места на скамейке в третьем, последнем ряду. Первые два на этом спектакле травматичны. Можно схлопотать затрепину от чересчур усердно размахивающего

руками Ромео или попасть под душ слюней, брызнувших изо рта признающейся в любви Джульетты. Зрителями в основном являются матери и бабушки актеров-даунов, папаши из таких семей обычно бегут. Также присутствуют люди, связанные с умственно неполноценными профессией: психологи, воспитатели, работники благотворительных центров. В каморке рядом со сценой шушуканье и стук, последние приготовления.

Наконец свет гаснет, фонарь осветил пятно, в которое ступил чувственнолицый режиссер-постановщик. С запозданием заиграла музыка, пультом управляет бабушка Тибальда. Она еще не освоилась с техникой. Постановщик выразительно, бурно жестикулируя и делая таинственные глаза, поведал затаившимся зрителям имена участвующих персонажей и цепь предстоящих событий. Пьеса не следует безропотно Шекспиру. Постановщик объяснил это тем, что у текста имеется множество вариантов прочтения. В его варианте все вертится не вокруг несчастной любви двух молодых сердец, а вокруг мистического переселения душ. Для чего постановщик нарушил основы драматургии и раскрыл всю интригу в самом начале, стало ясно с первой репликой Ромео.

— Агапэвуа... — сказал он и сделал многозначительное и торжественное лицо. Представляю, какое впечатление это «агапэвуа» произвело на сестер. Они-то настраивались на спектакль. На странный, неожиданный, но все-таки спектакль с более или менее понятными репликами. Здесь же вместо реплик зазвучали невнятные слова-полуфабрикаты. Многие дауны плохо говорят, большой язык мешает им шлифовать звуки. Они сглаживают все детали, бугорки, углы и загогулины слов, отчего те получаются недоразвитыми болванками. Так бы звучали слова, если просто открывать рот, а языком и губами никаких действий не производить. Как нераскрашенные матрешки.

Одни актеры кричат там, где требуется шепот, другие забывают реплики. Произносит, к примеру, Няня свою реплику, громко выдыхая после каждого слова, будто тяжесть поднимает, а в это время и Джульетта, и граф Парис ей подсказывают. Не волнуйся, мол, вспоминай, говори с выражением. А Няня ответственно кивает — спасибо, мол, не подведу.

Очень неловко перед сестрами. Каждую неудачу на сцене принимаю на свой счет. Задерживаю дыхание, мысленно подбадривая

даунов. Когда я присутствую при чем-то, что меня смущает, хочется стать маленьким, исчезнуть. К счастью, передо мной сидит чья-то мама в огромном розовом берете. Берет надвинут на затылок и торчит блином перед моим носом. Другой бы переживал, что головной убор такого диаметра мешает видеть сцену, а я рад, что могу за ним скрыться. Рассматриваю щели в паркете, ботинки соседа.

Кирюша, играющий Меркуцио, капнул на руку воском со свечи, обжегся и чуть было не сорвал все действие. Постановщику удалось уговорить его не покидать сцену преждевременно, но играл Кирюша уже неохотно, постоянно дую на обожженное место. Из-за этого роковой поединок смазался, а фраза «чума на оба ваших дома» вышла скорее капризно и скандально, чем пророчески. Я злорадствовал. Будете знать, как роли отбирать. Моего Ваню мелким ожогом не спугнешь, а еще у него дикция лучше, и роль он знает.

На выкрик постановщика «появляется Джульетта» долгое время никто не выходил, и лишь после того, как постановщик лично нырнул в каморку при сцене проведать актрису, исполняющую роль Джульетты, обнаружилось, что та в сопровождении бабушки отправилась в туалет. Пока ждали, бабушка

Тибальда оставила пульт и успела скормить внуку пирожок.

Джульетта, зубастая девушка в очках, не подкачала, исполнила для Ромео песню Элвиса «I'll make you so lonely, baby, you could die». Любовное объяснение произошло как раз в нашем кресле. Джульетта присела на подлокотник, а Ромео развалился на сиденье.

— Айл мэик ю со лонли, бэйби! Ю куд да-а-й! — призывно пробасила Джульетта. Ромео, толстячок, смотрящий все время на свое левое плечо, раззадорился и выкрикнул:

— Йес, бэйби! Камон! — чем сорвал бурные аплодисменты.

Поняв, что поймал волну, Ромео принялся на все лады подстегивать Джульетту возгласами «Йес, бэйби!». Она же пела свою партию снова и снова, с каждым разом снабжая голос все более порочными интонациями и задирая ноги, забыв о короткой юбке. Сцена затянулась минут на пять, умиленные зрители аплодировали.

В самом конце бабушка Тибальда вырубила свет, и вся компания на сцене накрылась черной тканью. По замыслу постановщика спрятавшиеся под тканью актеры должны как бы погрузиться во тьму и в таком виде уйти со сцены, но не тут-то было. Они тут же

позабыли про свои обязанности и принялись играть в палатку. Шушуканье и толкотня образовали паузу и заставили постановщика вновь выскочить на сцену и направить своих подопечных в сторону двери. Тут произошла вторая заминка — идущий впереди Ромео не сразу отыскал сначала саму дверь, а затем ручку, за которую следует дернуть. Это привело к тому, что идущие позади врезались в передних, образовав миниатюрную давку и небольшой конфликт. Бдительный постановщик все же взял ситуацию под контроль, распахнул дверь и ласково, но напористо вытолкнул компанию со сцены.

В луч света вышел Ваня, отставил ножку и старательно и с выражением выговорил:

— Нет повести печальнее...

Тут у меня зазвонил телефон. Я был уверен, что телефон остался в куртке в гардеробе. Звонок повторился.

— Нет повести печальнее на свете...

Звонок с каждым новым разом делается длиннее и громче. Я истерично потрошу боковые карманы джинсов, олимпийки, задние карманы... Упали несколько монеток, покатались... в гробовой тишине этот звук как приговор... Сыплются монетки, скомканные купюры, бумажки с записями... Тре-е-ень.

Тре-е-е-е-еень! Вокруг меня расширяется пустота. Все обернулись, сверлят испепеляющими взглядами. Тре-е-е-ень!!! Где же чертов телефон?!..

— Это моя единственная реплика!.. — От неожиданности я вскинул голову. Ваня стоит прямо передо мной, перегнувшись через кресла. Зрители первых двух рядов раздвинулись.

— Да... извини... вот... — Наконец я изловил телефон, не глядя нажал сразу на все кнопки, отключил. — Извини меня...

На сцену выбежал постановщик и сам произнес эпилог.

Во время общего поклона Ваня не вышел. Мы побежали в каморку при сцене, Маша с букетом сиреневых тюльпанов, которые она прятала в бумажном свертке. Другим актерам цветов, надо сказать, не принесли. Ваня что-то бубнил под нос и тербил пальцы.

— Ваня, прости, пожалуйста, — заглядываю в его глаза. — Я думал, телефон в куртке. Я забыл.

Ваня понурился, как упирающийся бычок.

— Это риелторша была... Может, клиент появился... Сдадим квартиру, заживем! — Я осекся. Рядом Соня, она ведь тоже, типа, клиент.

— Это тебе, — Маша протянула букет. — Ты так хорошо играл!

В дверь заглянул постановщик. Соня с ходу заявила:

— Ваша театральная община поражает своим мастерством и слаженностью игры!

— Постановка великолепна, а более... как это по-русски... необычного режиссерского разбора мне не приходилось видеть даже в Париже, — произнесла Маша с восторгом и нарочитым акцентом. — Атмосфера справедливости и творчества достойна восхищения!

Постановщик не выдержал натиска, узнав, что сестры — «Ванины кухни», он пообещал «разрешить недоразумение с ролью Меркуцио». Тут появился Кирюша и с ходу надел на Соню.

— Вы кто? Вы прекрасны!

— Спасибо, вы тоже, — ответила Соня.

— Кирюша, это наши гости, — сказал режиссер с интонацией женщины, которая пьет чай с неожиданно приехавшими из провинции родственниками, когда вдруг вваливается муж, буян и алкоголик.

— Я видел вас во сне, — продолжил Кирюша.

Вот бы ему на сцене так выступать.

— Можно я подержу вас за руку?

Не успела Соня ответить, как он схватил ее за талию. Соня взвизгнула и принялась гнать от себя влюбчивого Кириюшу. Тот начал ее лапать с неожиданным напором, а режиссер вместо помощи принялся извиняться. Ах, извините, ох, извините! Недоразумение разрешилось так же внезапно, как началось. Ворвалась Кирюшина бабушка и выволокла упирающегося внука за шиворот.

— Я снова буду играть Меркуцио? — спросил Ваня.

— М-м-м... возможно, возможно... — промычал режиссер.

— А давайте отпразднуем! — предложила Маша, садясь в машину.

— Давайте! — подхватил Ваня.

— Поехали к вам на дачу! У вас же дача близко? — спросила Соня.

— Поехали, папа!

Надо как-то искупить телефонный звонок во время спектакля.

— Ладно... поехали...

Интересно, как скоро мы наскучим нашим новым подругам. Когда их достанет роль продвинутых сочувствующих и они со-

льются? Ваня станет по ним скучать, вымогает мне всю душу, заболит.

— Тогда в магазин за вином, едой и зубными щетками! — скомандовала Соня.

За зубными щетками? Они что, собрались у нас ночевать?

Погрузив кресло в автомобиль, мы заехали в супермаркет, купили съестное. Специально для Вани взяли связку сосисок. Он вдруг заявил, что мяса отныне не ест, потому что животных жалко. Сосиски с животными у него не ассоциируются. Кроме того, ему понравилось, что они висят гирляндами. Сидя на заднем сиденье, он намотал сосиски мне на шею, как шарф.

Мы шутим, смеемся, вспоминаем спектакль. Ваня строит рожи в окошко. На Кутузовском с нами поравнялась черная «БМВ» с разбитой фарой и тонированными стеклами. Ваня показал язык.

— Ну хватит, обидятся еще.

Метров через двести «БМВ» «прижала» нас к тротуару.

— Сейчас уладим! — Соня настроила на лице наивно-обольстительное выражение. Из «БМВ» тем временем вылез крупный мужчина, из тех, кто в девяностые, по армейской привычке, стригся коротко, а те-

перь отрастил волосы, как у итальянских манекенщиков, отчего стал похож на мясника-гомосексуалиста. Итак, вылезает этот длинноволосый дядя, в мятом спортивном костюме, а в руке обыкновенный топор с деревянной рукоятью. Таким полешки на лучины колют.

Сонину соблазнительность как ветром сдуло. Она защелкнула все двери нажатием одной кнопки.

— Merde! — выругалась Маша.

Мимо несутся машины. Тротуар заполнен людьми. Ярko горят фонари. По этой улице президент два раза в день ездит. Мужик решительно направился к нам. Как-то рывками, неровно как-то. Расстояние короткое. Метров пять. Вот он уже перед капотом, взмах топором... девочки на переднем сиденье инстинктивно закрылись руками... я зажмурился... мужик рубанул.

София:

— Что... что ты творишь, козел????!!! — Она ищет рукой какое-нибудь орудие. Расческа, бутылка воды...

Мужик вырвал топор из пробитого капота, бросил на нас взгляд грозного мстителя, будто мы надругались над его пятнадцатилетней дочерью и сожгли родную деревню,

и направился все теми же рывками обратно к своей тачке.

Маша:

— Как же... может, ему... как это по-русски?.. намекнуть...

Соня выскочила из машины.

— Сиди здесь! — приказал я Ване и толкнул дверь. Вляпались! Кто его просил рожи строить! Схлопочу сейчас топором по башке, и отправится он в приют. А если меня покалечат, изуродуют? Палец, например, отрубят или ухо?.. Вторым Ван Гогом поздно вато становиться...

— Ты, мудака! Зачем машину разбил! Что мы тебе сделали? Мальчик язык высунул! — орет Соня. Мужик развернулся. Соня отскочила. Топор по-прежнему у него в руке.

— Сука! Мудила! Импотент!

Торопливые прохожие поворачивают лица в нашу сторону, но не останавливаются.

— Ты, гоблин, кто за ремонт платить будет?!

Из «БМВ» показался второй. Сильно напоминающий первого. Ну все, кирдык, приплыли. Эти не простят. Лучше сразу по голове.

Второй, однако, повел себя еще страннее первого. Вместо того чтобы кинуться на нас, он принялся урезонивать товарища.

— Тарас, успокойся! Тарас, ты че!

Хозяин топора не отвечает, мычит, отпихивает приятеля и замахивается на Соню. Приятель, к счастью, топор перехватил. Так они и застыли: один — с поднятым над головой топором, другой — удерживающий его руки. Можно монумент лепить, вроде «Рабочего и колхозницы», только в нашем случае это были бы два лесоруба, один из которых пытается отнять у другого орудие труда. Они застыли, и кажется, что это длится целую вечность. Воспользовавшись заминкой, Соня дала обидчику пинка. Тот лягнулся, а потом, вроде как додумавшись до чего-то, оставил борьбу за топор, развернулся и вlepил нашей Софье Георгиевне оглушительную затрещину.

— Эй, ты че! — крикнул я, обнаружив в себе типичного нерешительного интеллигента, и неловко напрыгнул на него. Приближаться к этому бугаю не хотелось ужасно. Одно дело — Соне по зубам двинуть, другое — заступаться за нее перед двумя быками. Атака тут же сорвалась; получив под дых, я упал, стукнувшись виском о багажник «БМВ». Задыхаюсь, получаю ногой по ребрам. Больно.

Слышу крики: «Папа... Тарас, хва бузить...»

Ваня вылез... Я же ему сказал в машине сидеть... Ловлю ртом воздух, как больно...

Перед глазами мокрый асфальт с вкраплениями щебня. На одном камушке отпечаток спирали. Миллионы лет назад морская ракушка окаменела, а теперь сюда угодила. Миллионы лет назад.

Вставать неохота. Так бы и лежал на асфальте. Под ладонь попадает кончик сосисочной связки. Я что, выскочил из машины с мотком сосисок на шее?

Вижу Ваню, бьющего мужика книгой по голове. Нет, не книгой. Хлебной доской... Ах, святой Сергей. Владимир Ильич. Ваня прямо христианский мститель какой-то в арбузном скюртуке и оранжевой манишке. Удары пришлись в цель, мужик воет. Ваня поступил не совсем по-джентльменски. Колотил дядю, пока того в очередной раз держал приятель.

Рядом с автобусной остановкой лоток с мороженой рыбой. Пожилая женщина выбирает карпа. На остановке молодая мать с ребенком в коляске, аккуратный профессор с дипломатом. Привычно делают вид, что ничего не происходит. Тут хозяин топора вырывается из рук приятеля и вцепляется Ване в горло.

— Извините его! Он контуженый! — кричит, оправдываясь, приятель и снова пытается обуздать буйного.

Из машины выскочила Маша. Схватила с лотка длиннущую мороженую треску и, орудуя ей, как битой, крепко треснула буйна по затылку.

— Я сейчас милицию вызову! — промямлила продавщица.

Маша била снова и снова. Мужик выпустил Ваню. Я подковылял, схватившись за бок.

— По голове не бей, он нервный! — орал приятель буйного на Машу.

Маша кинулась на приятеля. Рыба в руках Марии-Летиции-Женевьевы превратилась в мочалку. Ваня добивал буйного иконой.

— Милиция! — завизжала продавщица. — Милиция!!!

Я схватил Ваню за руку. Хватит. Он не разбирая треснул по лбу и меня. Не плоской частью, а углом... Тут же опознал, погладил мне голову. Подбежала Соня, сорвала с меня сосиски, подскочила к буйному. Тот ползал на карачках, схватившись за темечко. Соня набросила сосиски ему на шею, словно лассо, принялась душить. Упаковка пластиковая, крепкая.

— Ах ты, сука! Ах ты, гондон сорокалетний! Всю страну поделили, все места заняли, нам, молодым, ничего не оставили!

К остановке подъехал троллейбус. Профессор помог молодой мамаше втащить в салон коляску с ребенком.

— Оставь его! — Маша, подняв с асфальта топор, оттащила сестру от незадачливого дровосека. — Валим!

Ваня воинственно выставляет перед собой икону, крестит всех. Соня вырывается, бежит обратно к ползающему на карачках врагу, забирает раздавленные сосиски, пинает напоследок.

Соня не сразу справилась с педалями. Мотор глох. Наконец джип, дернувшись, сорвался с места.

— Хорошо, движок цел... — я пытаюсь найти в ситуации положительные стороны.

— Все руки о рыбу порезала! Замороженные плавники острые! И воняет! Фу! — ругается Маша, изучая окровавленные пальцы.

— Маш, круто ты их.

— Второе место в Париже по кикбоксингу среди подростков.

— Сколько яблок! — ахнула Соня, войдя в дом. Взяла самое красное, сочно откусила.

Наверху хлопнула дверь.

— Кто там?!

— Сквозняк, наверное...

— А это откуда? — Соня указала на раму, стоящую у стены.

Рама... Раму от картины мы с Ваней убрать забыли. Спокойно. В любой багетной мастерской такие делают.

— Это... просто рама...

— Вижу, что рама. А чего пустая?

— Знакомые отдали, а мы пока не решили, что в нее вставить! — я обрадовался тому, как легко вранье пришло на ум. Кажется, ответ Соню удовлетворил, она переключилась на хозяйственную тему.

— Где кухня? Будем пир готовить. О, чур, мои! — выкрикнула она, не дожидаясь ответа о местоположении кухни.

Предметом ее восторга оказались старые бабушкины валенки, стоптанные и все в пятнах. Соня скакала на одной ноге, засовывая в валенок сетчатую от колготы ступню. В окне дрогнуло стекло, мы обернулись.

— Ветер...

Я отнес пакеты с покупками на кухню. Стал доставать посуду с провисших полок старого буфета. Увидел свое отражение в зеркале, укрепленном на задней стенке буфета. Словно на дне колодца. На лбу ссадина — след от иконы.

Тарелки запылились, надо сполоснуть. Не успел включить воду, как по дну раковины вдоль бортика молнией пробежал жирный таракан. Я чуть не вскрикнул от неожиданности. Оказалось, не таракан. Засохший листик петрушки, оставшийся в раковине с прошлого раза. Вода полилась, он и мелькнул. Да и нет здесь тараканов.

Чистые тарелки отнес на стол. Маша уже поставила букет тюльпанов в стеклянную вазу с тремя полосками: желтой, алой и черной. Ваза похожа на женщину в обтягивающей водолазке. Соня, напустив пару, что-то готовит на плите, Ваня, так и не сняв арбузный фрак, елозит трубой пылесоса по полу. Маше помазали пальцы йодом, и теперь она

лениво валяется на диване, грызет яблоко и читает «Чука и Гека» незапамятного года издания.

— А подвал у вас есть? — интересуется Соня, не отрываясь от готовки.

— Есть.

— Обожаю подвалы! Там, наверное, какие-нибудь соленья-варенья хранятся?

— Что-то должно быть...

— А привидения есть?

— До вашего приезда не встречались.

— Машка, посмотри за баклажанами! — кричит Соня. — Пошли, подвал покажешь!

Маша нехотя принялась помешивать что-то на сковородке. Ваня вызвался освещать нам путь фонарем. Люк в полу приподнялся, дохнуло холодом. Фонарь осветил ступени.

По углам паутина. На полках запыленные банки с вареньем, солеными огурцами, маринованными помидорами и домашним лечо.

— А это что? — Сонин зоркий глаз выхватил пару жестяных банок без этикеток.

— Консервы старые. Деду сто лет назад друг-подводник подарил.

— А давайте попробуем? — Соня взглянула на нас заговорщически, будто мы нашли старинную книгу заклинаний и собираемся произнести одно из них наугад.

— Давайте! — Ваня хапнул банки.

— Может, лучше их выкинуть? Траванемся... — усомнился я. — Они испортились уже. Смотри на дату выпуска. Восемьдесят третий год!

— Банка не раздулась, значит, нормальные.

Вместе с консервами прихватили маринованные помидоры.

— Баклажаны с сыром! — торжественно провозгласила Соня. — Плюс жареные боевые сосиски с местным *specialité* — маринованными помидорами! Сосиски немного помялись, — Соня показала удущение.

Сопровождая Соню, Ваня принял несколько театральных поз, напоминавших реверансы из фильмов про покрашенных мужчин в париках и пудре.

На груди у Сони замигал пластмассовый значок в виде красных губ.

— А что это у тебя на сиськах светится? — молвила Маша.

— Мамуля дала! Я забыла про него, а тут в кармане нашла и решила, вы оцените! — Соня нажала на значок, и он заиграл веселенькую мелодию. — Маме подружка подарила. Старушки жгут! Нравится?

— Очень! — сказал Ваня и покраснел.

— Ване такой нужен, он любит у дороги торчать. С таким значком машина не собьет.

— А что Ваня у дороги делает?

Черт меня дернул! Надо же было брякнуть!.. Я пнул Ваню под столом.

— Пап, зачем ты меня ударил?

— Папа стесняется твоих увлечений! — Соня приложила холодную консервную банку к фингалу.

— Ну да... Ваня хочет свою коллекцию, собранную у дороги, в квартиру перевести. Мы из-за этого спорим... Так, что у нас тут? — Я стал внимательно рассматривать блюдо.

— Я подогрела одну банку консервов. Мясо с грибами.

— Так странно, они столько лет пролежали в подвале, а теперь мы их едим.

— Все-таки мощная страна была, даже консервы на века делали, — ностальгически вздохнула Соня.

— Необычная идея — варить грибы с мясом на века, — пошутила Маша.

Я открыл вино.

— За Ивана! Ура!

— Вкусно!.. — содержимое безымянных банок превзошло все ожидания. Ваня даже

забыл про свое вегетарианство. Сонины баклажаны тоже вполне ничего. Умеет готовить.

С крючка упало Сонино пальто.

— Вешалка, наверное, порвалась.

— Я подниму!

Петелька цела, странно.

Открыли вторую банку консервов, Соня положила всем добавки. Отправив в рот очередной кусочек, я замер. Среди помидоров, давших сок, грибов, оливок и сырных крошек, на том месте, откуда я только что взял баклажанный кубик, лежал темный волос. Вился в жиже соуса и соков, натекших из многочисленных аппетитных ингредиентов. Словно змей, предательски таящийся под камнем.

— Вкусно? — спросила Соня, поправляя упавшую на лоб прядь.

— Да, да, очень... — заверил я, стараясь быть как можно более искренним. Сам же незаметно, вилкой, отогнал волос к краю тарелки. Я закрыл глаза, разжевал то, что уже лежало во рту, проглотил. Отпил порядочно из бокала.

— У нас же торт!

— Я принесу! — Ваня поспешил за тортом и, погремев в холодильнике, вернулся с кар-

тонной коробкой. Долго и тщательно развязывал веревочку.

— Свечи есть? — спросила Соня.

— Я знаю, где много свечей! — бойко воскликнул Ваня, выставляя вперед толстый указательный палец на манер шоумена. — Соня, я сейчас!

После непродолжительного шума выдвигаемых на кухне ящиков и шуршания Ваня вернулся с вязанкой церковных свечей и пучком полосатых коктейльных соломинок. Все это он эффектно вывалил на середину стола.

Я со стыдом увидел, что соломинки старые, многократно мытые, с налипшей на внутренних стенках мякотью соков. Соломинки, натыренные в Макдоналдсе еще в пору его открытия, лет двадцать назад.

— Вань, зачем соломинки?

— Я придумал подставки! — Ваня принялся тыкать соломинки в торт. В сами соломинки всунул свечи, которые пришлось как раз впору. На торте вырос лес полосатых выцветших соломинок, переходящих в православные свечи. Лес этот был будто после урагана, все свечи кренились набок.

— А откуда у вас столько свечей из церкви? Вы что, фанатики? — спросила Маша.

— Мы любим Бога! — сказал Ваня и перекрестился.

— Выглядит очень дизайнерски, — похвалил я. — Просто находка!

Свечи зажгли. Из-за близости друг к другу они стали стремительно вянуть, как цветы на ускоренной съемке в телепередаче про природу.

— Ваня, задувай! Раз, два, три!

Ваня набрал воздуха, превратившись буквально в шар, и дунул что есть мочи.

Многие свечи согнулись, повалились, погасли, но затем, даже упавшие, снова вспыхнули. Ваня дунул еще раз. Одни погасли окончательно, но тлеющие фитили других опять загорелись. Тут уже мы все принялись дуть и усилиями четырех пар легких победили непокорный огонь.

— Что это за свечи такие, негаснущие?

— Это, наверное, специальные свечи, чтобы их ветер не задувал во время Крестного хода! — догадалась Маша.

И тут свечи вспыхнули вновь.

Убрав со стола, мы переместились на диван перед печкой. Давным-давно я содрал побелку и пригласил мастера заменить чугун-

ную дверцу на стеклянную. Люблю потертый кирпич, а стеклянная дверца превращает топку в огненный телевизор. Поленья трещат, искры от влажных дров летят снопами, мечутся огненными мухами, уносятся в трубу. Огонь вырастает на поленьях и пригибается, словно трава на ветру. Языки пламени расходятся в стороны, обнажая приборы черной древесины.

Ленты дыма струятся прозрачными шарфами. В самом пекле, в центре горящих дров, образуется оранжево-белая подрагивающая лава. Она трепещет на манер искусственного камина. Поленья трескаются на ломти, на соты с сажево-серебряным медом. Огонь перебирает их, ласково, как пальцы Ромео — кудри Джульетты. Иногда без видимой необходимости Ваня с видом толкового хозяина ворошит в топке кочергой. Тогда дрова издают звуки «псссшшшш» и похрустывают.

Соня крутит большие, слоновой кости ручки на старом радиоприемнике «Ригонда». Бегунок перемещается по стеклянному табло, размеченному городами всего мира. Шуршание и обрывки голосов: русских, немецких, французских. В углу табло горит зеленый огонек. А вот и какая-то тихая музыка.

— Слушай, Вань. Я одну вещь в спектакле не поняла, почему Ромео и Джульетта после отравления вскочили и принялись танцевать? — разомлевшим голосом спросила Маша.

— Джульетта отравила себя и Ромео, чтобы родиться.

— Что значит родиться? — Маша не отрывая глаз от огня. — Они же умерли.

— Нет, приняв яд, они родились.

— Хочешь сказать, смерть — это рождение...

— Нет, конечно! — Ваня захохотал над Машинной несообразительностью. — Просто яд позволит им родиться!

— Но из-за яда они умрут!

— Не умрут, а родят-ся! — Ваня даже по слогам произнес, чтобы понятнее было.

Все задумались, уставившись на огонь. Паузу опять прервала Маша:

— А давайте рассказывать истории.

— О чем?

— Ну не знаю, страшные какие-нибудь...

— Вот ты и начинай.

— Однажды летом...

— Сочинение на тему «Как я провела лето»! — перебила Соня и засмеялась. Я подхватил, хотя чего такого смешного? И Ваня засмеялся, и Маша.

— Короче, когда я была совсем маленькая, я жила с русской бабушкой в деревне, — заговорила Маша.

— Это была наша общая бабушка, — встала Соня. — Отец отправлял к ней на лето то меня, то Машу, а иногда нас вместе. Но в то лето меня мама на море отвезла.

— Да. И вот бабушка купила мне цыплят.

— Желтых? — уточнил Ваня с видом опытного куровода.

— Ну да, обычные желтые цыплята, двухнедельные. Такие пуховые снежочки...

— Комочки.

— Ну да.

— Очень страшно! А-а-а... — завывала Соня, подражая привидению. Ваня громко засмеялся. Маша попросила сестру не перебивать, но сама не удержалась, тоже принялась смеяться, и я подхватил. Когда все успокоились, Маша продолжила:

— Мы их поселили в сарае, построили специальный уголок, я им кашу давала, водичку наливала...

— Водичку... ха-ха-ха!

Сквозь смех понимаю, странно так веселиться оттого, что давным-давно желтым цыплятам налили водичку.

— А на следующее утро обнаружилось, что одного цыпленка съели, — с трудом закончила фразу Маша, и все покатались со смеху.

Первой опомнилась рассказчица:

— А чего такого смешного?

— Кто съел? — перебил я.

— Бабушка? — сузил Ваня круг подозреваемых.

Даже слезы на глазах выступили, так смешно.

— Не бабушка, а ежик! Под домом жила ежиная семья, и разодранный цыпленок был делом их рук.

— Ежи с руками. Представляю! — икая от смеха, выговорила Соня.

— Шесть дней подряд каждую ночь пропал один цыпленок, а с субботы на воскресенье ежи устроили настоящий холокост. Загоняли цыплят в щели и жрали заживо. Наутро мы с бабушкой обнаружили недоеденных цыплят между досками, и я впала в ужасную истерику. Я обзывала ежей фашистами и хотела мести. Помните, это слово было самым страшным. Когда я в Париж с мамой вернулась, в школе все удивлялись, что я плохих мальчиков фашистами обзываю. В общем, бабушка успокаивала меня, но я... как это по-русски... озверела конкретно. Когда приехал папа, я потребовала убить ежиную семью. Сначала папа пытался отвлечь меня сачком для бабочек, но я была упряма. Капризничала.

ла, отказывалась есть. Я так мечтала о смерти ежей, что у меня даже температура поднялась. Тогда папа, очень грустный, выставил блюдечко с молоком возле дома и выманил всех ежей. Каждого ежа он сажал в коробку. У них такие серые серьезные мордочки. Когда все ежи были в коробке, папа в последний раз посмотрел на меня и, не найдя сострадания, подошел к коробке, достал самого большого ежа, бросил на землю и ударил вилкой...

— Вилами! — перебили мы хором.

— Ну, не знаю я все эти специальные слова, — кокетливо оправдалась Маша. — Ударил вилами, короче. Бабушка попыталась закрыть мне глазки, но я запретила. Я смотрела, а папа отвернулся. После первого убийства что-то у меня внутри... как это по-русски...

— Зашевелилось?

— Дрогнуло?

— Да, наверное, дрогнуло. Но я решила быть последовательной, как взрослая, и не поддаваться эмоциям. Мама меня научила все дела доводить до конца.

— Это сколько тебе годиков было? — уточнила Соня.

— Семь. Последнее лето перед школой, — Маша выпустила облачко сигаретного ды-

ма. — В общем, папа начал не глядя бить вилкой в коробку, где они сидели. Я помню этот звук. Дух-дух. А ежи даже не пищали. Папа колотил как сумасшедший, и тут я все поняла.

— Что поняла?

— Да все вообще... К бабушке я больше не ездила, отец стал редко со мной видеться. Мы с ним это никогда не обсуждали.

— Это не связано, — сказала Соня. — Просто он не мог долго жить в одной семье.

Повисла пауза. Трещали поленья.

— Не переживай, в детстве все много ужасов натворили. Я вот пыталась убить маму, — прервала молчание Соня.

— Убить маму! — зловеще прорычал я, и все снова разразились хохотом.

— Расскажи про маму! Расскажи!

— Ей за меня в школе выговор сделали. Типа, ваша дочь ходит в стоптанных кедах. Уроды советские! Моя мамочка, вместо того чтобы заступиться за единственную дочь, пришла домой и отхлестала меня прыгалками. Ну и я реально попыталась ее завалить.

— Как?

— Разбивала в ее комнате градусники. Ртуть ведь очень опасная, ну я и сыпала ее везде в маминой комнате. Полгода сыпала.

Думала, она помрет, не тут-то было. Жива-здорова до сих пор, ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха-а-а-ааааа! — поддержал Ваня. — А я тоже могу убить!

— Вань, успокойся, — трогаю его за плечо, но самому тоже отчего-то очень смешно.

— Кого ты собрался убить?

— Посмотри! — Ваня ткнул пальцем в печь.

— Куда смотреть?

— Сюда!

— Вань, это печь. Ты собрался грохнуть нашу старушку-печь?

— Не печь! — рассмеялся Ваня. — Тут дырка. Посмотри.

Между кирпичами в самом деле есть щель. По настойчивой просьбе Вани я к ней приблизился. Лицо погрузилось в жар. В щели оранжевое марево огня. Кажется, что подсматриваешь за каким-то страстным, необузданным действием.

— Красиво, ну и что? Что ты собрался убить?

— Огонь! — Ваня задвинул вьюшку. Буйство в огненном телевизоре прекратилось, пламя опало и почти потухло, а через зазоры в дверце и в эту самую щель повалил дым. Дым полоснул по глазам, шуранул в ноздрах.

— Вань, прекрати! Угорим сейчас! — Я выдвинул вьюшку. Согнулся, прижав руки к глазам.

— Убить огонь, антипрометей нашелся!

Все снова покатались со смеху. Тру глаза и гогочу.

— Слушайте, с вами все в порядке? Почему вы ржете постоянно?

Хихикая, взглянул на Соню, она показалась мне ужасно смешной. И Ваня, и Маша, и мой вопрос.

— Ты в баклажаны ничего не подсыпала?

— Не-а.

— Может, помидоры кто-то сглазил? Мама говорила, что жена Тимофеича завидует нашим помидорам... — предположил Ваня.

— Вашим помидорам?! Ха-ха-ха! — неожиданно порочно хохотнула Маша.

— Консервы!.. — вырвалось у меня.

— А на самом деле! Консервы ведь военные, старые.

— Деду капитан-подводник подарил!

— Им там что-то подмешивают, чтобы в замкнутом пространстве не колбасило...

— Хочешь сказать, мы нажрались наркоманской тушенки?!

— Ага.

— Ха-ха-хааааа! — совсем уж неприлично загоготал Ваня. Соня ответила «гы-гы-гы», Маша аж захрюкала. И я не удержался.

— Она ведь еще и настоялась, так сказать! С восемьдесят третьего-то года!

— Я сто лет мясо не ела. А нам плохо не будет? — сдерживая подступающий смех, спросила Маша.

— Не буде-е-ет пло-о-о-хо-о, а-а-ааааа! — заорал Ваня, схватил Соню за руку, стащил ее с дивана и пустился с ней в странный танец. Соня сопротивления не оказала.

— Вань, а Вань, погоди! Что это ты так разошелся?! — кричу я.

— Разошелся-я-я-ааааа, ха-ха-ха! — Ваня оставил Соню и принялся скакать в одиночку.

Меня разбирает смех, но где-то в глубине сознания дышит тревога. У него же сердце...

— Давай-ка чайку попьем!

Ваня ничего не хочет слышать.

— Чего к парню пристал?! Тихоня нашелся, ты еще кредит в банке возьми! Ипотечный!

— Ипотечный! Ха-ха-ха! — вторит проносющийся мимо Ваня.

Оборачиваюсь. Мария-Летиция-Женевьева наполовину стянула чехол с пианино. От-

куда к ней вернулась бодрость? Она же валялась только что, как мешок с картошкой. И вот уже ее пальцы ударили по клавишам расстроенного инструмента, она запела:

— Ах! Под сосною, под зеленою,
Спать положи-и-и-ите вы меня.

Говорит Маша почти без акцента, он обнаруживается только, когда она нервничает или поет. Гласные немного съезжают с рельсов. Пошатываются, как пьяные, но не падают. Например, «и» она произносит как-то ближе к «ы». Сделав выразительную паузу Маша рывкнула:

— Э-э-э-эх!

И давай петь и играть так лихо, будто выросла в купеческом кабаке.

— Калинка, калинка, калинка моя! В саду ягода... — Пальцы, перемазанные йодом, бегают по белым клавишам туда-сюда. Пение и музыка ускоряются.

Ваня схватил чехол от пианино, завернулся, взвизгнул и пустился в пляс.

— У него слабое сердце! — кричу на ухо Маше, пританцовывая.

Она даже не ответила, просто эхнула еще раз и отмахнулась от меня. Обвожу взглядом гостиную; даун в тоге из чехла топчет скромный урожай яблоч, спекулянтша второсортными картинами с подбитым глазом

задирает подол, а всем вертепом заправляет французенка-драчунья, наевшаяся напичканных стимуляторами консервов. Соня сунула пальцы в рот и свистнула. Сбросила валенки, стащила с себя сетчатые колготки и принялась крутить ими над головой.

Ах, сосенушка ты зеленая,
Не шуми же надо мной!

Ваня принялся стаскивать с ноги носок, завалился на пол и тоже закрутил, подражая Соне. Она накинула колготки Ване на шею, притянула к себе. Он неуклюже обхватил Со-ню руками. Ой-ой-ой, что будет...

Калинка, калинка, калинка моя!

Бледные цветочные веточки на поблекших грязно-розовых обоях пульсируют в такт сердцу, приближаясь и отдаляясь. На клавиатуре что-то темное. Ну вот, йодом заляпала, оттирай теперь... Пригляделся. Кровь! Из Машинных рассеченных пальцев снова потекла кровь! Она не замечает, колотит по клавишам и горланит:

Эх, калинка!!!..

Крови все больше. Она остается везде, где пробегают Машинны пальцы. Кричу, не слышит.

Весь этот адский кавардак завершил его вдохновитель. Ваня. Неумело поцеловав Соню в щеку, он схватил свой рюкзачок, расстегнул молнию и выхватил оттуда... Как же я недоглядел.

Ваня выхватил из рюкзачка сложенный вчетверо холст. Не думал я, что он его с собой таскает.

Сначала мой сынок бухнулся на одно колено, как бы преподнося холст Соне. Та сделала реверанс, еще не понимая, что перед ней.

— Ваня! — крикнул я, подал какой-то нелепый запрещающий знак и шагнул в их сторону.

Он даже не повернулся. Развернул холст и принялся размахивать им как тореадор красным платком. Все замелькало передо мной. Голая женщина в нефти, Соня с синяком, Мария-Летиция-Женевьева с окровавленными руками.

В саду ягода малинка, малинка моя!

Ваня бросил холст на пол, вскочил на стул, расстегнул штаны и давай поливать.

Струя попадает точно в тело нефтяной Венеры.

Музыки больше нет. Только струя о ткань. Последние капли упали в полной тишине.

Кстати, далеко не все дауны могут отлить без помощи посторонних.

За спиной Маша чиркнула зажигалкой. Затянулась.

— О, putan!!! Кровь! — Все обернулись на ее визг.

Маша уставилась на свои руки и грохнулась в обморок.

Маша быстро очухалась. Я создаю излишнюю суету. Сажусь, встаю, справляюсь о Машином состоянии. Не нужно ли воды? Ах, не нужно... Пауза затягивается.

— Вань, зачем ты на картину написал?..

— Я люблю тебя! — Ваня обхватил Сою. — И тебя, — стиснул Машу. — И папу! — обнял меня. — Я люблю вас всех! Я хочу раствориться в вашем мире!

— И что... обязательно писать? — Я ищу тряпку, чтобы вытереть холст, пол. Никак не могу найти. Где же тряпка, где тряпка...

— Чего тычешься по углам? — спросила Соня.

— Тряпку ищу.

Соня протянула пачку салфеток.

— А как еще раствориться в мире? — спросил Ваня.

Раствориться в мире... Резонно... А как еще? Только так... Поссать на этот мир... Тру Венеру, пол... Ну, давайте уже... не молчите.

Соня будто слышит мои мысли:

— Понятно теперь, откуда рама.

— Вань, пойди руки помой, — говорю, бросая скомканные салфетки в огонь. Он убегает, крикнув напоследок: «Соня, я сейчас вернусь!»

Рассказал все, как было. Сестры выслушали внимательно. Ваня поправлял, если ему казалось, что я недостаточно точен. Например, попытка опустить подробности с умирающим Сазоновым провалилась.

— Я увидел, как машина бах, в столб! — Ваня в лицах показал аварию. Уроки театральной студии даром не прошли. — Я заглянул — дядя лежит, — Ваня изобразил уткнувшегося в руль Сазонова. — А рядом она, — Ваня любовно погладил еще влажный холст.

— А почему вы нам об этом сразу не сказали? — наконец задала главный вопрос Маша.

— Мы... мы... мы решили пока поддержать ее у себя.

— Пока ваш папа лежит в нашей могиле! — выкрикнул Ваня и захохотал. Мальчику не чужда практическая жилка.

Соня усмехнулась:

— Резонный ход... Но картина не наша. Она оплачена. Отец вез ее заказчику. Я знаю кому.

— В принципе... мы готовы ее вернуть... — Я не слишком уверен в своих словах, смотрю на Ваню.

— Она моя мать, я ее не отдам! — решительно ответил Ваня.

— Вань, не болтай ерунды, какая она тебе мать. Чужая женщина, тем более нарисованная!

— Не отдам!

— Может, воздухом подышим? Заодно покажете место преступления, — предложила Маша.

На улице темно. В небе луна, похожая на засохший сыр с забытого бутерброда.

— Какой воздух! Влажный, холодный! — Маша кружится, вдыхая полной грудью.

Я спотыкаюсь обо что-то, чуть не падаю...

— Черт! Что это такое на самом ходу валется... — под ногами вижу вилы. — Кто тут вилы бросил... — Поднимаю, прислоняю к стене дома.

Спускаемся в овраг. Луч фонаря выхватывает груды белых пакетов с мусором, корпу-

са старых радиоприемников и телевизоров, белую коробку холодильника.

— Это ужасно, почему у вас так относятся к природе... — всхлипнула Маша.

— Когда тебе нравится, ты говоришь «у нас», а когда не нравится — «у вас», — поддела сестру Соня.

Мне неловко, как будто я сам приволок сюда весь этот мусор.

— Неужели здесь нет специального контейнера? — переживает Маша.

— Есть, но большинству лень до него тащиться, и они здесь бросают. Тут пруды были, целый каскад, с кувшинками, еще от дворянской усадьбы остались. Мы в детстве на плоту катались. А когда земля подорожала — пруды осушили, продать хотели, но никто не купил...

— Машенька за экологию очень переживает, — разъяснила Соня сестринское настроение. — Она даже батарейки здесь не выкидывает, а отвозит к себе во Францию, где есть специальные пункты утилизации батареек.

— А что?! Батарейки — жуткое зло для природы! У вас, то есть у нас, короче в России, нигде нет специальных помоек для батареек. Раньше в Москве было одно место, я туда батарейки возила, но потом оказалось, что

они их заново упаковывают и продают как новые. Не умеете вы экологично жить!

— А как это, экологично жить? — спросил Ваня.

— Природу не засорять, не брать от природы больше, чем нужно... — попыталась объяснить Маша.

— А можно экологично умереть? — продолжил расспросы Ваня.

— Конечно, можно. Я, например, хочу, чтобы меня похоронили, а не сжигали, когда я умру. Если меня просто закопают, то когда-нибудь я превращусь в нефть и буду полезна людям.

— А почему ты превратишься в нефть?

— Нефть — это ведь просто сгнившие люди, животные, растения, умершие миллионы лет назад. У каждого есть выбор, стать нефтью или не стать.

— Я хочу стать нефтью! — потребовал Ваня. — Как на картине! Папа, закопай меня, как Машу, ладно?

— Ладно, ладно. Мы все когда-нибудь станем нефтью.

Мы выбрались на дорогу.

— Вот тут машина была! — Ваня выскочил, принялся скакать по разделительной полосе, в лицах показывая аварию.

— Уйди с асфальта! И не кричи!

Маша осмотрелась. Место, где разбился ее отец. Соня зажгла сигарету.

— А небо-то какое!

В темноте наверху горели маленькие звезды.

— Большая Медведица... — Ваня ткнул пальцем наобум.

Я вспомнил школьный урок астрономии. Свет погибших звезд все идет и идет через космос. Мы восхищаемся тем, чего давно нет. Изучаем то, чего нет. Клянемся тем, чего нет.

— Ну ладно. Холодно что-то. Пошли обратно, — Соня поежилась.

Взбираясь по крутому берегу оврага узкой тропкой между завалами отбросов, мы обратили внимание на полощущийся на ветру российский флаг.

— Это откуда?

— Тимофеич, сосед, на столб повесил.

Трехцветная ткань напоминает морскую волнующуюся воду. Так и плещет.

— Ой, смотрите! Смотрите! — вдруг как заорет Ваня.

— Что?! Что такое?!

— Смотри, вот он! — Ваня кинулся вперед, присел, схватив что-то. — Ой, колючий! — отдернул руки.

Подбегаем. В тусклом свете фонаря, светящего возле дома соседа, виден игольчатый мячик.

— Ёж! Ёжик!

Все пытаются погладить ежа, он фыркает.

— Как он здесь оказался?! Сейчас же зима!

— Я по радио слышала, что звери из-за тепла не впади в спячку!

Маша с опаской смотрит на ежа.

— Давайте его молочком напоим!

— А как его до дома донести, он же колючий!

Решаем, что кто-то должен остаться сторожить ежа, а остальные сбегают за молоком.

— Я замерзла! Я пойду в дом, — сказала Соня.

— Я принесу молоко! — вызвался Ваня.

— Ты правильное блюдце не найдешь, я с тобой! — сказал я.

Все обратились к Маше.

— Сторожи! — хлопнула ее по плечу Соня.

— Нет...

— Что нет?

— Я боюсь. Уже полпервого, темно. Я боюсь.

— Да здесь безопасно... — начал было я, но увидел в глазах Маши настоящий страх.

— А что ты сам не останешься, если без-опасно?

— Я? Просто без меня Ваня блюдце не найдет...

— Смотрите, еще! — Из-под млечного хо-лодильника высунулась острая серая мордоч-ка. Носик дергается, усы дрожат. Новый еж нюхает воздух.

— А вон еще! — В пакетах с консервными банками шуршание. Оттуда деловито выполз еще один колючий зверек, покрупнее преды-дущего.

Не обсуждая больше вопрос кормежки ежей, мы быстрым шагом выбрались к да-чам. Маша даже опередила меня. Запирая ворота, я всмотрелся в кромку оврага. Мне показалось, что несколько мордочек при-стально глядят нам вслед.

— Ежей испугались! Консервы ваши встав-ляют!

Включили свет.

— А все-таки я молоко отнесу, — сказала Маша. — Им же есть хочется.

Я нашел подходящее блюдце, глубокое и устойчивое. Наполнили молоком. Маша подошла к двери, распахнула ее. В дом вле-

тел холодный ветер. Маша прошла веранду, обернулась на нас.

— Давай скорее, а то в дом надует!

Она сошла со ступенек, поставила блюдце на землю прямо перед домом и скорым шагом вернулась.

Мы выпили чаю с вареньем и поняли, что сильно вымотались за день. Отстранив девочек от хозяйственных забот, я принялся устраивать им постель в родительской спальне. Ваня вызвался помогать, бегая туда-сюда с простынями и наволочками. Вместо того чтобы отнести все сразу, он таскает каждый предмет отдельно. Хотя, возможно, это и к лучшему, иначе ему не выжить. Одни только простыни, свисающие до пола, чуть его не угробили. Он наступает на них ногами и время от времени бухается на пол. Как только мы управились, Маша пошла спать. Ваня, резко сменивший бодрость на изнеможение, тоже лег, даже не почистив зубы. Мы с Соней, не сговариваясь, остались посидеть у огня.

На лицах жар. Оранжевые языки с яркосиними всполохами, точно перья тропических птиц. Лепестки пламени, трепеща, упираются огненной капителью в закопченный потолок топки. Угли на поленьях мерцают, как огни больших городов с самолета. На

поленьях извергаются вулканы, кипят озера лавы. И все эти миры можно прикончить одной печной задвижкой...

— Ты о чем мечтаешь? — тихо спросила Соня.

— Я... я мечтаю быть счастливым, чтобы Ваня...

— Чтобы он женился, нарожал детей и защитил диссертацию?

— Да нет... просто чтобы у него все было нормально...

Соня решила подбросить в топку чурбачок. Наклонилась. В вырезе на спине бархатно шевельнулись лопатки. Пока Соня возилась с задвижкой дверцы, я решился прикоснуться к ее обнаженной коже.

— Ой, какая холодная! — пискнула Соня и накрыла мою ладонь своей.

Из-за холодных рук у меня постоянно возникают казусы с девушками. Им хочется рук горячих, а у меня, как назло, они почти всегда ледяные. Не знаю почему. Приходится незаметно потирать и разминать пальцы перед ответственным моментом, сидеть на них, а то и греть под струей горячей воды. Соня пристально посмотрела на меня. Я приблизил свои губы к ее. Она отвела лицо, встала, подошла к окну.

— Не видно ничего... Что там?

— Там сад, потом лес... — Я подошел, обнял ее. — Извини за то, что ударил тебя тогда. Что-то нашло. И за Ваню извини, я деньги за капот верну.

— Извинения принимаю, денег не надо, — промурлыкала Соня, закрыв глаза и потираясь щекой о мою щеку, нос, губы.

— А еще я мечтаю провести с тобой ночь...

Соня расцепила мои объятия, закурила.

— А ты о чем мечтаешь? — спросил я немного неискренне.

— Хочу всегда быть богатой. Хочу всегда нравиться мужикам, даже в сто лет! Хочу так нравиться, чтобы красивые юноши приходили драть на мою могилу! — Соня слишком громко рассмеялась. — Глупость какая! Все твои консервы!

Мы снова умолкли. Я почистил апельсин, дал ей половину и бросил кожуру в огонь. Мелькнул острый цитрусовый аромат.

— А почему ты боишься бедности?

— Мы никогда богато не жили. Я всегда все сама зарабатывала. Знаешь, как я первые деньги срубила?

— Как?

— В конце девяностых работала на складе всякого шмотья. Однажды к нам пригнали партию женских кофт. Синтетические, с блестящими нитями, с торчащим во все сто-

роны пухом. Они током били, зато на свету переливались всеми цветами радуги, как машинное масло в луже. Кофты эти очень понравились одним азербайджанцам. Бабы ихние от этих кофт с ума посходили. Все разлетелось за два дня. Азеры заказали новую партию и попросили никому больше не продавать.

Пригнали еще две фуры. Покупателей наших нет. Ждем неделю, никого. И тут приезжают другие азербайджанцы.

— Тоже за кофтами?

— Просто зашли, обычные оптовики. Когда кофты увидели, то буквально на коленях стали умолять, чтобы мы им их продали. Но мы же тем, другим, обещали... Короче, эти новые предложили тройную цену, и директор согласился. Взяли все оптом. Мы такого бабла никогда не видели зараз. Тридцать штук баксов!

— На кофтах?!

— На кофтах. За час. А еще через день приехали первые азербайджанцы. Подняли хай — мол, мы им всю монополию заporоли — и начали стрельбу. Директора и охранника Петю завалили. А я обед на кухне готовила. Азеры непрофессионалы были, просто психанули. Сами испугались и сбежали, даже

сейф не прихватили. Ну, я взяла деньги и вышла тихонько с черного хода.

Почему-то всегда, если женщина ломается, то начинает вести посторонние разговоры. Такое впечатление, что Соня специально завела тяжелую беседу, чтобы отделаться от меня. Снова обнимаю ее, на этот раз настойчивее. Сопrotивляется. Хватаю за волосы, целую куда попало. Тень от нас скачет по стене. То открывает, то закрывает выцветшую репродукцию Ренуара. «Мамино» лицо исчезает и появляется, будто злорадно подмигивая мне.

— Отстань! Сейчас закричу! Отстань!

— Папа, не смей!

Я обернулся. На верхней ступени лестницы, ведущей на второй этаж, стоит Ваня в трусах и ночной футболке. Под трусами выпирает подгузник.

— Папа, не смей обижать Соню!

Соня вскочила и сбежала в ванную. Ваня спустился решительным шагом, на лице написано праведное возмущение. В его глазах я гнусный насильник. Невольно улыбаюсь — больно смешной из него вершитель правосудия получился.

— Вань, я не обидел Соню, просто мы... мы играли...

— Что за игры такие?! — И откуда он этих фраз набрался. Как будто не Меркуцио в театре исполнял, а воспитательницу детского сада. И губы поджал, как бы вовнутрь. Так недотраханые училки поджимают, когда в педагогический транс входят.

— Ну... игра... вроде борьбы, мы с тобой в такую разве не играли? — Я шутливо обхватываю Ваню, начинаю тормозить.

В туалете открылся кран, но за шумом воды все равно слышны всхлипывания. Играючи я тру Ване уши, увлекаю его обратно вверх. Если он услышит, что Соня плачет, начнется черт-те что. Ваня быстро отвлекается. Я щекочу его, он хихикает и изворачивается. Я укладываю его в постель, сижу рядом, пока он не задремывает.

Я спускаюсь обратно в гостиную. Краем глаза заметил движение. Кажется, мелкие коготки простучали по полу. Повернулся. Ничего. Показалось. Россыпь мурашек пробежала по спине и грохнулась куда-то в живот. Смешно, что мы ежей так испугались. Хотя после Машиного рассказа... да и зима ведь... и много их как-то... наверное, просто голодные. В спячку не впали, а жрать нечего.

Этот дом, эти вещи — все, что нажили мои бабушки и дедушки, мама и папа. Это их мир, а я привел сюда малознакомых девиц, с которыми одни проблемы. Показалось вдруг, что тени в углах сгустились. Страшно повернуться. Что, если за спиной кто-то есть? Огромный еж. Покойники окружили меня и осуждающе качают головами. Звук льющейся воды в туалете перестал быть слышен, холод выполз из подпола и объял меня целиком, огонь перестал греть.

Мама... мама, папа... дед, это вы?.. Простите, что с могилой так плохо вышло, как же мне быть?.. Я ведь один, один с Ваней остался, помочь некому... Бабушка... прости, что разрешил надеть ей твои валенки...

Тут я бедром ощутил плотный пакет. Собрав тогда с пола банкноты бабушкиных сбережений, я автоматически сунул их в карман. Вот они.

— Бабушка... я нашел твои деньги...

Гляжу по сторонам. Радиоприемник, буфет с корешками сталинских сочинений, диван, платяной шкаф... Доски под ногами поскрипывают... подхожу к шкафу... распахиваю дверцу. Перебираю старые драповые пальто, платья, мамин халат... что-то в кармашке... холодное, стеклянное, округлое...

У меня на ладони пузырек с касторкой.

В одной руке старые банкноты, в другой касторка.

Кладу деньги в дальний угол шкафа. Касторку ставлю рядом.

Кто-то погладил меня по макушке... Бабушкина блузка, темно-синяя в белый цветочек.

Отерев пот со лба, закурываю одну из Соновых сигарет.

Дверь ванной открылась, Соня вышла из своего укрытия, остановилась за моей спиной. Я не повернулся. Чувствую, как она мнется в нерешительности. Коснулась моего плеча... поцеловала. Я не отвечаю на поцелуи, она настойчива. Ее значок в виде губ замигал.

— У тебя губы мигают.

Соня прижалась ко мне грудью, как в нашу первую поездку на машине, во время обгона «Москвича». Мы целуемся. Мнем друг друга, обнимаем. Плотный, ароматный, упругий шелк под моими пальцами.

Накручиваю на руку ее длинные волосы, ласкаю пальцами лицо. Невидимый пух на ее щеке в отблесках огня образует золотистый ореол.

Раскаленный воздух вокруг печи колыхается, как в пустыне.

Платье задралось гофрированными складками. Стаскиваю с нее сетчатые колготки. Успела надеть обратно после того, как крутила ими над головой. В детстве все носили колготки: и мальчики, и девочки. Колготки были хлопковые. Цвета римского палаццо, просроченного, осыпающегося горчичника, пожухлого персика, корицы, капучино. Накатаешься на санках до упаду, придешь домой и валишься на диван, а мама с папой, взявшись один за левую колготу, другой за правую, стягивают их с тебя. Колготки те, особенно намокшие после санок, обладали растяжимостью невероятной, метра на два-три. Таким образом родители быстро оказывались в противоположном углу комнаты, в то время как резинка по-прежнему оставалась в районе моего пупка. Чтобы снять с ребенка колготки, советской жилплощади не хватало.

И вот прошло двадцать пять лет, и никто колготок с меня не стягивает. Да и не ношу я их теперь, я ведь взрослый. И не выпускают их больше. И кололись они довольно противно. Зато для девчонок раздолье, для них колготок навалом. Девчонки покупают са-

мые интересные, а потом могут себе позволить развалиться на спине, поднять ножки и ждать, когда с них эти колготки стянут. Каждая ждет по-своему: одна — стыдливо прикрыв глаза, другая — нахально поглядывая. Все ждут неги, которая, впрочем, уже началась для них, которая видна на их лицах. И ты тянешь и тянешь, тянешь и тянешь.

Родители, к счастью, не делали со мной того, что я делаю теперь с Соней. Если бы делали, я бы, наверное, вырос маньяком, а я не маньяк. Тело у Сони роскошное. И пахнет приятно, и цвет красивый. Штучка между ног похожа на бутон тюльпана, готовый распуститься со дня на день.

— Почему лицо такое испуганное? — смеется Соня.

— У тебя есть... презервативы?

— Нет, а у тебя?

— У меня нет...

Вся романтика улетучивается. Как будто свет врубили.

— Ладно, я тебе доверяю. У тебя же воздержание, — Соня привлекла меня к себе.

Воздержание! Жалеть меня вздумала! Доверяет она мне! А я почему ей должен доверять?! Все еще колеблясь, целую ее грудь, живот... ну и пусть, черт с ним, рискнем...

Волосы на ее макушке неровно распадаются, пробор белеет ломаной молнией. Бок побаливает, но это терпимо. Поглаживаю ее зад, как когда-то нежно, с восторгом, поглаживал руль своей первой машины...

После мы молча лежим перед огнем. Соня подбирает яблоко, обтирает рукой, откусывает. Съев яблоко, кидает огрызок в печь. Принюхивается. Разносится приятный печеный аромат.

— Огонь заставляет все выделять настоящие запахи. Что бы еще туда бросить?.. Интересно, как сперма в огне запахнет... — произносит Соня задумчиво.

Я не отвечаю. Смотрю на языки пламени. Мне все равно.

Тем временем к Соне возвращается привычная активность. Она хватается со стола салфетку, стирает с груди белые кляксы, бросает в огонь.

— Эй, ты нюхаешь?! — теревит она меня. — Я только что отправила в ад сотню твоих неродившихся детей!

Я не шевелюсь. Неродившихся детей мне не жалко. Да и запаха от них никакого. В углу жужжит проснувшаяся муха. Она слишком сонная и просто кружит по полу, не взлетая. Я смотрю на доски потолка. Сучки и волокна

деревя образуют странные вытянутые человеческие лица с широко раскрытыми глазами и ртами. Вон те два маленьких сучка — глаза, а тот большой — рот.

— А ты в Бога веришь?

— Верила раньше, а потом как-то рассосалось... а ты?

— Не знаю... Скорее нет, чем да.

Соня встала, потянулась, поцеловала меня.

— Картину надо вернуть. Отец заказчику остался должен, а требуют с меня.

На лестнице она остановилась:

— А ты ничего...

Угли «дышат», то оживая, то угасая. Теперь они похожи на разваренных рыб с черной кожей и ярко-оранжевым мясом. Здесь же валяются забытые Соней бабушкины вальенки.

Беру фонарь, выхожу во двор подышать перед сном. Небо заволокло тучами. Звезды пропали, только черная мгла. Луч фонаря высвечивает лужайку перед домом, блюдечко... Молоко выпито.

Луч бежит по стволам деревьев, выше. Там толкаются тучи.

— Эй, Господь, ты там есть или нет? — спрашиваю тихо. — Я понимаю, смешной вопрос, но ответ... Если ты есть, то смешно, что я сомневаюсь... а если тебя нет... тогда вообще все невероятно смешно... — бормочу я, задрав голову. Смотрю вокруг отрешенными глазами, как слепой, устремленный внутрь себя.

— Господи, зачем ты нагнал тучи? Ваня любит солнце...

Вожу лучом фонаря по небу, как завхоз, зашедший в темный склад. Хоть бы крыса какая-нибудь юркнула или вор.

— Это некультурно, Господь! Я с тобой разговариваю, а ты не отвечаешь!..

Беру в руки вилы, прислоненные к стенке веранды, делаю выпад.

— Или это все сон... кривое зеркало... ошибка... я родился не в том мире, или не родился вовсе... я мертв...

Выпад, прыжок, разворот. Выпад, прыжок... Я скачу вокруг пустого белого блюда. Ежи выпили молоко и ушли с миром. У меня в руках орудие, которым убили множество их предков. Надо мной небо, не желающее разговаривать. Я тренируюсь. В любой момент может начаться бой. И тогда я буду готов.

Зайдя в комнату, слышу — Ваня тяжело дышит.

— Вань, все нормально?

Не отвечает.

— Ваня!

Он постанывает.

Сердце! Судорожно ищу таблетки. Где же они!!! Отсчитываю две, поднимаю его голову, подношу ко рту.

— Глотай, Ванька, глотай...

Он дрожит. Грудь часто поднимается.

— Сейчас все будет хорошо... — глажу его по лбу, целую щеку.

— Больно, — жалуется Ваня.

— Сейчас пройдет. Это ты танцевал много...

Ругаю себя за то, что недоглядел. Развлекался с Соней, вместо того чтобы побыть с сыном. Он сегодня столько носился... Дыхание его постепенно успокаивается.

— Ну, как ты?

— Зачем ты целовал Соню? — строго спросил Ваня, как только ему полегчало.

— Я?.. Соню?..

— Я видел, как ты ее целовал! Я с ней танцевал, я ее люблю! — Ваня опять задышал тяжело.

- Вань... она... она тоже тебя любит.
- Она для меня святая!
- Вот и хорошо. Вот и хорошо... Тебе перевозбуждаться не надо.
- Перевозбуждаться вредно.
- Правильно, Ванечка, правильно. Перевозбуждаться вредно... — глажу его лоб.
- Спокойной ночи, папа.
- Спокойной ночи, дорогой. Пусть тебе приснится что-нибудь тихое и красивое.
- Мне нравятся цветы и солнце.
- А какие цветы?
- Белые пионы. Они похожи на косматых собачек...
- Пусть тогда приснятся белые пионы в солнечный день.

Утром я прошелся по двору, убрал в сарай вилы и стремянку, с которой мы собирали яблоки. В сарае темно, к стенам прислонены старые грабли, косы, тяпки, лопаты. Полки уставлены банками с просроченной краской, картонками с ржавыми гвоздями. Здесь я всегда надеюсь обнаружить клад. Старую книгу или нераспечатанную банку зубного порошка пятидесятилетней давности.

Гляжу на крышу. Серые стропила, неровные доски, старый, прохудившийся рубероид. Сарай, как чей-то мир. Темный, заваленный барахлом. Крыша — небо. Дырки в крыше — звезды.

Заперев навесной замок, иду к дому.

Под вишнями белеет яичная скорлупа. Мама скорлупу собирала в коробочки и бросала затем под деревья. В скорлупе содержится кальций, мама таким образом удобряла почву. Скорлупа разлагается медленно, неохотно выделяя драгоценный элемент. Мамы уже нет, а скорлупа почти не изменилась.

— Папа, смотри! — кричит Ваня, указывая на землю.

— Что?

— Одуванчики!

Вглядываюсь. Кое-где рябят мятые зеленые ростки с зарождающимися бутонами. Из бутонов торчат ярко-желтые, словно цыплячи, перышки. Одуванчики собрались зацвести в декабре. Вокруг полно будущих цветочков.

Соня выходит из дома с сигаретой в зубах.

— Соня, смотри. Одуванчики! — пристает к ней Ваня.

Я улыбаюсь, Соня отводит глаза.

— Мне в три надо в городе быть, клиентка позвонила. Вы со мной?

— Конечно, у тебя же кресло в багажнике. Вань, собирайся.

Когда я прохожу мимо Сони, она останавливает меня вопросом:

— Ну че?

— Ты о чем?

— О нашем деле.

— Я не буду отнимать у Вани картину. Он очень расстроится... — мнусь я. Соня бросает окурок на землю.

— Федь, я ведь это так не оставлю.

На обратном пути возле церкви нас обогнал милицейский «Форд» и встал наискось прямо посередине шоссе. Соня резко затормозила, чуть не врезавшись ему в бок. Круглый от одежек гаишник, как ребенок, подготовленный мамашей к зимней прогулке, перекрыл движение. Пересекая двойную сплошную, проехала похоронная процессия, состоящая из неказистого автобуса-катафалка, корейских автомобилей и второго неказистого автобуса, наполненного молодыми милиционерами. Процессия остановилась у церкви.

— На тот свет с мигалками... — нарушила тишину Соня.

От нечего делать круглый гаишник подошел к нам. Соня приспустила стекло.

— Документики, будьте добры.

Соня протянула техпаспорт и права.

— Софья Георгиевна, почему с чужими номерами ездим?

— Как с чужими номерами?

— В техпаспорте 238, а на номере 288.

— Быть такого не может! — Соня вышла из машины.

Тем временем из автобуса и корейских автомобилей высыпали похожие друг на друга мужчины и женщины в кожаных куртках. У мужчин черные брючины спадают на черные туфли с сильно загнутыми, как у персидских тапок, носами. Женщины, как одна, с шапками завитых, крашенных в светлый цвет волос. Милиционеры, вышедшие из автобуса, развернули знамя.

— Плохие флаги шьют, из синтетики. Таким накроят, только вспотеешь. Грош цена тому государству, которое экономит на символике, — рассуждает Маша.

Соня шутит о чем-то с гаишником, тот смеется. По жестам понятно, что он интересуется происхождением дыры в капоте.

Соня рассказывает что-то смешное, машет руками, стреляет глазками. Гаишник кокетливо возвращает ей документы, прощается. Соня села на свое место, повернула ключ зажигания.

— Ответьте мне, пожалуйста, кто пририсовал маркером восьмерку вместо тройки?!

Я закусил губу.

— Это я, — признался Ваня. — Мне ангел сказал, что надо сменить номер, чтобы нас шахидки не нашли.

— Кто?!

— Ваня имеет в виду тех вчерашних мужиков... — скороговоркой пояснил я.

— Не мужиков, а шахидок, которых они могут к нам подослать! — поправил Ваня.

Повисла неловкая пауза. Я готов провалиться сквозь землю. Вроде уже все про нас известно, но стыдно ужасно. Ну и бред, шахидок подослать.

— Идиотская выходка! — выплюнула Соня. — Я еле отболталась.

Доехали молча. Встреча у Сони назначена на Кунцевской.

— Только в разговор не вмешивайтесь, пожалуйста, — проинструктировала Соня. —

Одна балерина картину продает. У нее хорошие рекомендации, за вещь просит мало. Короче, важный клиент.

Балерина оказалась худой девушкой с зачесанными назад волосами и нервной бледностью. Маша пересела к нам, на заднее сиденье.

— А это кто? Мы же одни договорились встретиться! — первым делом спросила балерина, кивнув в нашу сторону.

— Родственники, в больницу везу. Вы на них внимания не обращайтесь.

Ваня дружелюбно улыбнулся и слегка склонил голову. Балерина достала из бумажного «бутикового» пакета небольшую картину. Соня принялась изучать холст. Пейзаж, сантиметров сорок на двадцать. Серое голландское небо, поле, мельница вдали. На переднем плане какое-то пятно, краска стерта. Как будто неприличную надпись ацетоном смыли. В целом вещь нейтральная, если не сказать неинтересная.

Ваня заговорил, ткнув в незакрашенное место. Я не успел его остановить.

— А это что?

Балерина даже не повернула головы.

— Вань, не вмешивайся.

— Вы хотите тысячу? — спросила Соня.

— Да.

— Но там же не дорисовано!

— Ваня, это не твое дело, — злобно говорю я вполголоса, угрожающе глядя на него и стискивая ему локоть.

— Да, хочу тысячу... Евро, естественно... Это подлинное... — теребит краешек пакета балерина.

— Ого! — Ваня прижал ладони ко рту и обвел всех участников беседы большими глазами. Не то чтобы он был искушенным финансистом, но я держу его в курсе цен, и он понимает, что тысяча евро — это тысяча шоколадок «Осенний вальс».

— Федор, уgomонитесь там, будьте добры! — потребовала Соня нарочито спокойно, отчего стало ясно, что следующие слова она прокричит.

— Мне порекомендовали вас как специалиста высокого класса. А вы на встречу с дебилами являетесь! — взвизгнула балерина и начала ломиться вон из машины.

— Я не дебил, я даун, — поправил Ваня.

— Ты можешь заткнуться?! — сверкнула глазами Соня и стала уговаривать балерину: — Погодите, не обижайтесь. Пойдемте в кафе, спокойно посидим, обсудим...

Но та уже выскочила, фыркая и пыхтя, и, вся расхристанная, не застегнутая, принялась судорожно «голосовать».

— Она же так простудится, — Ваня озабоченно посмотрел на меня. — Пап, скажи ей, чтобы застегнулась. Она меня не слушает.

— Ваня, просто молчи...

Сколько мы просидели в тягостном молчании, не знаю. Балерина поймала тачку и укатила. Не говоря ни слова, Соня тронулась с места.

— Сонь... ты это... — начал я.

— Я про-сила про-сто по-сидеть мо-лча, — отчеканила она по слогам. — Молча! Это, блядь, непонятно?! — уже орала Соня.

— Извини, ты же...

— Я даун! — передразнила она Ваню. — Нашел чем гордиться!

— Сонь...

— Что «Сонь»?! Это было отличное предложение. После реставрации я бы загнала вещь за тридцадку. А теперь соси батон, плюс про меня еще скажут, что я прихожу на встречи с умственно отсталыми, которые лезут в переговоры!

— Сонь, полегче!

— Чего полегче! Корчите из себя праведников, а сами воры! Мы вообще можем вас сдать! Да, Маш?! Ментам заявим! И хозяину наводочку дадим!

— Ну сдай нас! Сдай! Мы эту мазню про-

сто выбросим, сожжем, на мелкие кусочки порежем, и ты ничего не докажешь!

— Возвращайте картину!

— Могилу освободи сначала!

— Ебаться лучше научись! А ну выматывайтесь из машины!

Чувствую, что краснею, но поделаться ничего не могу. Как так? Ей же вроде... она же вроде...

Внутри все клокочет. Открываю дверцу, выскакиваю, чуть не оказываюсь под автобусом, выдергиваю напуганного Ваню, бегу к багажнику. Вытаскиваю кресло. С силой захлопываю багажник. Джип рывком тыкается в реку движения.

— Еще букет был, — напоминает Ваня.

— Стой! — ору вслед, догоняю, колочу по корпусу. — Букет!

Соня бьет по тормозам. Залезаю в салон. Хватаю букет. Маша успевает помахать рукой. Мы остаемся на тротуаре с креслом и букетом вчерашних сиреневых тюльпанов.

— Я люблю Соню и Машу, — сказал Ваня перед сном.

— Соня же хочет на нас настучать, и ты все равно ее любишь?

— Все равно! И Машу тоже.

— Как же можно любить сразу двух женщин, Иван?

— Можно. Я люблю их. Я решил, что буду верен им обеим.

— А ее уже разлюбил? — Я кивнул на картину. Нефтяная Венера все еще в наших руках. Просохшая после Ваниной выходки, она висит на стене напротив кровати. — Тебе же раньше только она нравилась.

— Ее я тоже люблю.

— Ты что, влюблен одновременно в троих?

— Да, — застенчиво ответил Ваня и спрятался под одеяло.

— И ты всем им будешь верен? — Я щекочу его.

— Да-а-а, — хихикает Ваня, извиваясь.

— Спокойной ночи, дорогой! — Я целую его щечку и выключаю свет.

— Спокойной ночи, папа. А что значит «ебаться»?..

Я сидел перед телевизором и пытался придумать, что делать, если Соня и правда наведет на нас ментов. А еще мне не давала покоя ее последняя фраза. «Это она из вредности», — успокаивал я себя, но сомне-

ний в собственной сексуальности было уже не унять. Они распространялись по моему мозгу, как пожар на сеновале. Ко всему прочему, риелторша прислала сообщение, что отказывается с нами работать. Мы сложные клиенты. Тут позвонила Маша.

— Привет, не поздно?

— Нет, что-то случилось?

— У меня несчастье! — Маша в трубке чуть не плачет.

— Что такое?!

— Черчилль умирает!

— Я думал, он давно в могиле.

— Не смешно, это мой кот.

— Извини, Маш. Я могу помочь найти ветеринара... — Я почему-то решил, что раз она наполовину иностранка, то самостоятельно нужный телефон не отыщет.

— Уже нашла, я в больнице. Я понимаю... всего лишь кот... но у меня больше никого нет... никого... — Маша разрыдалась.

— Ну что ты, ну не плачь... как тебе помочь?

— Можешь приехать?.. Мне так плохо...

— У меня Ваня ...

— Ах, ну да, извини... Господи, что же это такое! Как мне надоела эта жизнь...

Я секунду подумал.

— Он вообще-то заснул, так что я, наверное, могу сбежать. Сейчас посмотрю.

Ваня тихонько посапывает в кровати. Я одеваюсь и спешу по названному Машей адресу. Это близко. Круглосуточная ветеринарная клиника в районе Парка культуры. В ярком люминесцентном свете приемной все кажется мертвенным. На скамейке сидит Маша, листает журнал.

— Привет!

— Как здорово, что ты пришел! — Маша бросается мне на шею. По ней не скажешь, что она сильно страдает. Европейская выдержка.

— Ну как он? — первым делом интересуюсь я здоровьем Черчилля.

— О, все обошлось, он вне опасности! Я так рада тебя видеть! Соня столько глупостей сегодня наговорила, с ней бывает. Извини, ладно?

— Да ничего. Сами виноваты. Мы ведь ей сделку заporоли... А что с котом стряслось? — хочется побыстрее пресечь ее извинения и узнать, ради чего я впервые оставил Ваню одного и помчался среди ночи сюда.

— Кастрация. Я думала, он не переживет. Он очень молодой и только начал везде... как это по-русски...

— Метить.

— Точно! Метить. Это так плохо пахнет, ужас! А две недели назад он упал с балкона, кошечку увидел. Хорошо, у меня квартира на третьем этаже, он не разбился. А я его так люблю, так люблю. Он у меня породистый, гипоаллергенный. Бедняжка... Откуда это у тебя? — Маша тронула мою руку с костяным браслетом.

— Из Берлина... То есть ты ночью решила его кастрировать?!

— Ну да. У меня вся квартира уже воняет... — Маша о чем-то задумалась. — Я вот здесь сидела и видела, как одну собачку в черном пакетике унесли и... и... — Маша опять начала хлюпать носом. — И я подумала, что моего Черчилля вот так в пакетик положа-а-ат... — Маша положила мне голову на плечо. Я глажу ее, а сам все больше злюсь. Она же знает, что я не оставляю Ваню одного, и при этом зовет меня сюда без веской причины. Приспичило коту яйца оттяпать среди ночи, чистюля жалостливая...

— Маш, ты извини, я пойду, пожалуй.

Она будто не слышит:

— Знаешь, почему у меня губы асимметричные?.. В детстве на тренировке сильный удар пропустила. Шрам остался.

— Маш, мне пора...

— Я понимаю, это из-за Сони... она такая. Сначала *très gentile*¹, а потом говном обольет... она всегда так; когда ей мужик нравится... она не наступит, не бойся...

— Ладно, Маш, разберемся...

— Ваня ведь все равно спит, — Маша приблизила свое синеватое от больничного света лицо к моему. Коричневый осколок в ее зрачке растаял, как плавленый сахар в синем ликере, и окрасил весь глаз темным. Мои глаза заметались воробьями в сетке.

— Мало ли, проснется, а меня нет... я пойду...

Она поцеловала меня.

— Маш, извини... — Я встал и почти бегом выскочил из клиники.

— Дурак! Так и будешь всю жизнь со своим дебилом нянчиться! Сиделка! Соньке ты не нужен! Перепихнулись — разбежались! — кричала Маша вслед.

Метро уже закрыто. Иду пешком по пустым улицам. Влажный асфальт отражает фонари. Под каждым образуется лунная дорожка. За светящимися окнами ночного магазина электроники двое продавцов в белых

---

¹ Очень милая (*фр.*).

рубашках мутузят друг друга. Один дал другому в зубы, и тот стукнулся о стеклянную дверь, сочно мазнув разбитой губой по надписи «круглосуточно». В арке возле бара красятся девочки-подростки. Чтобы выглядеть старше. Сегодня Ваня будет спать крепко, он выпил успокоительное...

— У нас частная вечеринка, — охранник преградил путь словом и телом. За его спиной музыкой и голосами гудело нутро бара. Бар напоминал рыбу-каплю, разинувшую пасть и ждавшую, когда туда наплывет побольше мелких рыбешек, чтобы пасть хлопнуть.

Поворачиваюсь, чтобы уйти. Натыкаюсь на девушку с густыми распущенными волосами.

— Извините.

— Федя?

Много лет я представлял себе эту встречу. Например, в Венеции. Вот я стою на балконе шикарного отеля, пью вино и лениво отвечаю на ласки темнокудрой итальянки знатного рода. А внизу, в толпе обычных туристов, толчется она. Глазеет по сторонам, делает нелепые фотографии.

Она работала несколько лет не покладая рук, чтобы накопить на тур «Вся Италия за неделю». Она замечает меня, а я, сделав вид, что не узнал ее, страстно целую свою жаркую подругу.

Или Сен-Мориц... Спортивный автомобиль. Я за рулем. Со мной только лыжи, пачка наличных и дочь чикагского капиталиста. У нее надменное англо-саксонское лицо и красные длинные ногти. Мы останавливаемся у спуска, встаем на лыжи и, поражая окружающих мастерством, несемся вниз. А она копошится тут же, неловко скользя и падая рядом с мужем тьюфяком-менеджером, который привез ее сюда на однодневную экскурсию...

— Привет.

Лена удивилась. Оценивает. Столько лет прошло. Похорошел я или подурнел. Успешен или неудачник. Не знаю, что отразилось на моем лице. Думаю, сохранить невозмутимость не удалось. Кажется, внешний осмотр дал в целом положительный результат. Хотя что-то материнское в ее глазах появилось. Ненавижу материнское в глазах женщин.

— Как дела? — спрашиваю. А что еще спросить после стольких лет разлуки.

— Отлично! — подходящий ответ.

Подходит загорелый мужчина, обнимает ее.

— Познакомьтесь. Федор, Сергей.

— Очень приятно! — крепкое рукопожатие.

На его груди под расстегнутой короткой курткой надпись «Мирабель 2007. Я там был». Видимо, намек на арест русского богача на горнолыжном курорте Мирабель.

— Это с нами, — кивает Лена на меня, охранники расступаются, мы проходим внутрь, погружаемся в марево музыки, дыма и жара тел.

— Приходи к нам на премьеру! — улыбается Лена, достает из сумочки два квадратика плотной глянцевой бумаги. — Мы мюзикл сняли, я в главной роли. Держи, каждое на два лица.

— Спасибо, — беру приглашения, верчу в руках, и сердце проваливается куда-то вниз. На приглашении изображена нефтяная Венера. Только без нимба из колючки и с надписью «НАША АЛЁНУШКА с 1 января во всех кинотеатрах».

— А что это... такое?

— Мюзикл, я в главной роли! Что, не похоже?! — Лена хохочет и ласкается с Сергеем.

— В смысле, не похожа? — Я уже совсем ничего не понимаю.

— Ну это же я! На картинке! — Ленка запрокидывает лицо, имитируя позу нефтяной Венеры... — А так? С этой картиной сплошной детектив. Художник погиб, а она исчезла. Представляешь?

— Вот это да...

— Жаль, она мне очень нравилась.

— Может, найдется еще...

— Не смей!

Компания друзей тянет их в сторону.

— Ну пока! Приходи, пообщаемся!

Сергей отдал куртку лакею. На спине продолжение темы, начатой на груди. Надпись «Мы вернемся», а под ней — вертолет, расписанный хохломскими узорами, выпускает ракеты по горной европейской деревушке. Вековые шале вот-вот полыхнут напалмовым огнем.

Ленка-красавица... Ленка-актриса... У Ленки личная жизнь... Неужели когда-то мы любили друг друга... Свидания в метро, поцелуи в подъездах.

Протискиваюсь к стойке.

— Водки, пятьдесят!

Повторяю заказ. И еще раз повторяю.

Что же такое любовь? Родители Лены

считали, что любовь к таким, как Ваня, заключается в том, чтобы избавить их от страданий. Они болеют, живут неполноценной жизнью, терпят насмешки и издевательства. Оставлять им жизнь — жестокость, лишить их жизни — акт любви. А с Черчиллем как быть? Маша ему хозяйство почикала не только из-за любви к чистоте, но и чтобы он с балкона не падал. Это ведь, типа, проявление любви. Или просто эгоизм? Кастрируя кота, Маша обеспечивает себе удобную игрушку. Гипоаллергенный зверь, которого можно гладить, не боясь покрыться коркой и раздуться как шар. Вспомнил, как мама, еще до рождения Вани, требовала от меня возвращения не позже десяти. Чтобы я был на виду. А мне так хотелось шляться с друзьями по дворам, пить вино в арках домов. Но мама беспокоилась. «Ты меня до смерти доведешь своими гулянками!» — кричала она. Тоже любовь? Если да, то это довольно неприятная штука.

На экране, висящем в углу под потолком, появляется реклама. «Закачай прикольные картинки в свой мобильник», а рядом варианты. Знаменитый красавчик футболист, юная певица-мулатка, голый по пояс президент и Иисус Христос. Вот ты где спрятался,

господи... в телевизоре... Голова у Христа запрокинута, глаза обращены к небу, лоб царапает терновый венец, словно колючая проволока. Изображен так, что непонятно: он страдает или изогнулся в сладостной истоме. Под каждой картинкой — надпись, характеризующая персонажа. Под Христом тоже — «Бог любит тебя».

Дома встретил плачущий Ваня. Вещи раскиданы. Ванин ковер с тайниками сорван со стены, все карманы вывернуты наизнанку.

— Соня ударила меня... сказала, отдай картину...

Я в бешенстве сжимал и разжимал кулаки, оценивая коварный план сестер; одна выманила меня из дома, другая устроила обыск! Но Черчилль-то у Маши настоящий, не кастрировали же его только для правдоподобия. Просто совпадение. Не было у них коварного плана. Соня думала, что я тоже дома... Пока я мучался размышлениями, Ваня преобразился.

— А я ей не показал, где картина. Я ее хорошо спрятал!

На следующий день на весь гигантский фасад нашего дома, выходящий на набереж-

ную, натянули рекламный баннер. Оправдывается это ремонтом. Наружные стены красят, а чтобы скрыть строительные леса, натянули баннер. В каждую квартиру позвонили представители рекламной фирмы, предложив подписаться, что мы не против, в обмен на пакет с новогодними подарками. Ваня строго потребовал показать содержимое пакета, а когда нашел там бутылку водки, названную в честь президента, коробку зефира и банку растворимого кофе, то запретил мне ставить подпись.

— Это мошенничество! Мы Лужкову будем жаловаться! — С этими словами он забрал у рекламных активистов пакет и захлопнул дверь.

На баннере оказалась нефтяная Венера. Увеличенная до размеров дома. Я почувствовал себя пойманным с поличным. Как будто кто-то призывал: «Смотрите, вот они, воры, спрятались в квартире, аккуратно за пупком». У всего этого есть один недостаток. Обожаемая Ваней дама существенно сократила доступ драгоценного, любимого им света. Жильцы начали собирать подписи под коллективной жалобой.

— Красиво, — подытожил Ваня, откусывая от халявного зефира, когда мы стояли напротив дома, любуясь рекламой.

— Нас на премьеру пригласили... — задумчиво сказал я.

— Надо обязательно пойти!

— Нас пригласила женщина, которой на самом деле принадлежит картина.

— Соня?

— Соня хочет вернуть картину этой женщине. Думаю... мы должны... мы должны сами картину вернуть. Без Сони.

— Ни за что!

— Подумай. Она тоже ее любит. Кстати, у нас лишнее приглашение. Кого позовем?

— Соню с Машей позовем.

— Она же тебя ударила!

— Я все равно ее люблю. — Ваня кокетливо изогнулся и начал бегать кругами.

Весь день я колебался, звать сестер или не звать. А если звать, то которой позвонить. Будь моя воля, я бы не звал ни одну, но Ваня попросил... В итоге решил набрать Соню. Ответила, как ни в чем не бывало:

— Видел?

— Видел. У нас приглашение есть на премьеру.

— Ловко.

— Можете пойти с нами, если хотите. Позавтра.

— С Машей надо посоветоваться... у меня параллельный звонок, я тебя перенаберу.

Через полчаса вместо Сони позвонила Маша и заговорила еще беззаботнее сестры, будто никакой ночной сцены не было.

— Парикмахер может завтра в два у меня. Вам удобно?

— Какой парикмахер?

— Ваню стричь. Мы ведь на премьеру идем?

— А зачем стричь?

— Чтобы выглядеть лучше. Я угощаю!

Записал адрес. Заглянул в комнату к Ване.

— Завтра пойдем к Маше стричься.

— Зачем стричься?

— На премьере надо хорошо выглядеть.

— А ты тоже будешь стричься?

— Посмотрим. Просто посижу или погуляю, пока тебя будут стричь.

— Я не хочу оставаться без тебя, папа!

— Вань, ты же любишь Машу? В чем проблема?! Тебе через несколько дней шестнадцать исполнится!

— Не хочу!

— Ты должен научиться быть самостоятельным! Научиться общаться с чужими! Я не могу всегда с тобой нянчиться!

— Папа, я не хочу быть с чужими! — Ваня расплакался и подбежал ко мне. Я оттолкнул его.

— Хватит соплей, Иван! Что ты реवेशь по любому поводу, как девчонка! Взрослый парень уже! Сам просил Соню с Машей позвать! Она тебя ударила, а ты ее любишь!

— Папа, я тебя люблю! — Ваня неловко топчется, цепляясь за мои руки.

— Любвеобильный нашелся! Да отвали ты от меня!!! — вдруг заорал я не своим голосом. — Свалился мне на шею и отлипнуть не хочет! Тебе что, нравится меня мучить?! Нравится видеть, как моя жизнь проходит в четырех стенах?! Да?!

Я схватил Ваню за рубашку и принялся трясти.

— В кои-то веки с тобой захотели дружить! Две нормальные, НОРМАЛЬНЫЕ девушки! Так нет, влез в разговор, эксперт по живописи нашелся, «не дорисовано»! Кто тебя просил вякать?! Стричься он не хочет! Посмотришь в зеркало! Правильно балерина сказала! Сидеть рядом стыдно!

Я дернул его запроваленную в спортивные штаны рубашку.

— Что это такое?! Как ты вообще додумался надеть рубашку, предназначенную для

пиджака, со спортивными штанами и еще заправить ее в них?! Это же нормальному человеку в голову не придет!!! Боже, за что мне такое наказание???!!!

Я уже кричу не на Ваню, а непонятно на кого. Мечусь по комнате и ору.

— Правильно Соня тебя ударила! Спер чужую вещь и возвращать не хочет! Нет, это видано ли такое! Обокрасть умирающего! Ты же настоящий монстр! Даже спрашивать не стану, отдашь как миленький!

Ваня рыдает.

— Прекрати визжать! — трясущего его за плечи. — Прекрати вой! Что ты орешь все время?! Говори тихо! Говори со мной шепотом! Ненавижу твои вопли!!! — замахиваюсь на него. Ваня жмурится, ожидая удара. В последний момент опускаю руку.

Что я тут устроил? Из-за чего?.. Вижу Ваню в комнате с его мелкими вещицами, Ваню, утирающего слезы, и себя самого. Мне стыдно и за скандал, и за раскаяние.

На тротуарах царит приятное весенне-предновогоднее оживление. Повсюду стоят украшенные елки, похожие на девчонок в пышных многоярусных юбках. Витрины

магазинов набиты всякой праздничной всячиной.

Спускаемся под землю, на украшенную мозаиками станцию. Со сводов смотрят дородные колхозницы со снопами пшеницы, крепыши с простыми, открытыми лицами, сжимающие учебники, широкоплечие военные в парадных кителях под руку со студентками.

Заходим в вагон, прислоняемся к нераскрывающимся дверям. На стене напротив, рядом с картой метрополитена, наклеена реклама «Нашей Аленушки». Рядом с плакатом топчется седоватый пенсионер с мелкими чертами лица. Он оглядывает пассажиров взором фанатика, ищущего поддержки. Не найдя отклика, пенсионер решает на поступок. Подносит к плакату ключ — все это время он сжимал его в кулаке — и принимается скрести. Сначала робко, озираясь, потом с нарастающим остервенением. Начал пенсионер, разумеется, с треугольника между ног. Представляю, насколько этот ключ мокр от пота. Пассажиры бросили на пенсионера несколько безразличных взглядов и вернули головы в привычное положение; кто уткнулся в детектив, большинство — в пустоту перед собой. Я слежу за действиями

седоватого борца за нравственность с любопытством. Он подбадривает себя бурчанием, в котором преобладают слова «блядство», «позор» и «довели страну». Увлечшись зрелищем, я на некоторое время упустил из виду Ваню, заметив его лишь тогда, когда он вошел, так сказать, в кадр, оказавшись за спиной оголтелого скребуна. Не успел я что-либо предпринять, как Ваня громко потребовал:

— Прекратите хулиганить!

Вышло у него настолько убедительно, что пенсионер вздрогнул всем телом и обернулся. Увидев перед собой Ваню, с лицом строгим, но говорящим о его умственном статусе, пенсионер осмелел:

— Не лезь, пацан. Тебе вон совсем голову задурили эти олигархи!

Решил, что Ванин недуг является результатом происков коварных миллиардеров.

— У меня голова светлая, Тимофеич сказал!

— Тьфу! — пенсионер отвернулся и принялся скрести с удвоенной силой.

— Неприлично поворачиваться спиной, когда с вами разговаривают! — не отстаёт Ваня.

Окружающие оживились. На другом кон-

це вагона мужчина с усиками привстал на цыпочки. Читатели детективов закрыли книжки, заложив пальцы между страниц.

— Вань, не нарывайся, — шепнул я на ухо сыну.

— Забери своего... инвалида! — громко и с выражением произнес пенсионер, видимо вообразивший себя мучеником за правое дело. Зубов у него во рту мало. Зубы похожи на желтые рычаги. Дернешь один — пенсионер выдвинет ковш и начнет рыть землю, дернешь другой — вылезет отбойник и примется долбить асфальт.

— Не груби, дядя! — Когда дело касается Ванино здоровья, я завожусь с полоборота.

— Офтавьте ее, она крафивая! — занервничал Ваня.

Лене-Венере-Аленушке уже нанесено множество непоправимых ран. Белыми бороздами они рассекают ее прекрасное просоляренное тело.

— Ах ты, сопляк паршивый! Понаехали!— взбеленился пенсионер и затрясся от негодования, как желе. На одном из его бешено бегающих зрачков прогрессирующая катаракта.

Ваня вцепился пенсионеру в руку. Тот давай его стряхивать. Я перехватил пенсио-

нерский кулак, сжимающий ключ. Стоящий рядом парень в наушниках, ухмыльнувшись, отошел, мужчина с усиками весь извертелся от любопытства. Кто-то нажал тревожную кнопку.

На ближайшей станции толпа вынесла нас из вагона прямо в руки двум милиционерам.

— Что происходит?

— Арестуйте хулигана! — взвизгнул Ваня и пихнул пенсионера.

Дальше началось нечто невразумительное. Милиционеры принялись отдирать нас от пенсионера. Все пыхтели, мычали и раздувались от негодования, обиды и злости. Никто не произносил ни слова.

Нас отволокли в станционное отделение милиции с застоявшимся подземным воздухом. Пенсионера в одну комнату, меня с Ваней в другую.

— Мужики, сами понимаете, погорячились... — начал я, виновато и заискивающе улыбаясь. Человек в форме, пишущий протокол, не поднял голову.

— Мы просто...

— Как тебя зовут? — спросил милиционер у Вани, не глядя на меня.

— Иван... Федорович Соловьев, — старательно выговорил Ваня.

— А этот дядя тебе кто?

— Это мой папа.

— А почему у папы фамилия другая и в паспорте про тебя, Иван Федорович, ничего не написано?

Ваня насторожился и глянул на меня испуганно.

— Послушайте, это долгая история...

— Я не с вами разговариваю, молодой человек. А вас, Иван Федорович, придется показать специальному врачу. Вам уход требуется...

Я вынул из кармана последние пятьсот рублей, положил на стол. Я бы двести дал, но была только пятисотка. Не просить же сдачу.

— На вас государство деньги тратит, учит вас в школах, а вы так себя ведете! — пожурил нас милиционер, прибирая купюру. На прощанье он горячо пожал нам с Ваней руки.

— Какой хороший, культурный мужчина, — сказал Ваня после долгого раздумья.

— Зачем ты с этим старикашкой связался?

— Он портил красоту.

— Это просто рекламный плакат, таких тысячи. Вон, например!

Я указал на «Венеру-Аленушку», наклеенную на троллейбус.

— Тебя же могли в психушку отправить! Ты себе представляешь, что это такое?!

— Я люблю красоту. А он боится красоты, она его унижает. Он называет красоту грехом.

— Это все хорошо, но надо быть осторожным, Иван. Иначе не выжить. Надо притворяться, что не замечаешь всякие гадости...

— Красота для меня самое главное. Ради красоты я готов на все. Я готов... лишиться голоса, — неожиданно сказал Ваня. — И мое молчание пронзит мир.

Оказалось, Маша живет в доме, на строительстве которого я проходил практику по обмерам на первом курсе. С тех пор мало что изменилось: в переулке тархтящий грузовичок, от него к дому тянется толстый кабель. Когда дом построили, оказалось, электрических мощностей не хватает. То есть на лампочки и лифты наскребли, а на кондишены и стиралки нет. Городские власти не выделили. Дефицит энергии. А квартиры, по тем временам весьма шикарные, уже раскупили. Тогда подрядчик просто подогнал мощный электрогенератор на соляре, и с тех пор он пополняет недостающую мощность.

Парикмахером-стилистом-маникюрщиком оказался жилистый мужичок со сплюснутым носом и лицом преступника. Встреть я его ночью на улице — перешел бы на другую сторону. Маша нас успокоила:

— Эдик — чудо, хоть и выглядит как бандит! Пойди погуляй. Когда Ваню подстригут, мы отправимся по магазинам, — Маша дует на растопыренные пальцы рук. Ей только что сделали маникюр. Пока лак сырой, нельзя ни к чему прикасаться.

— По магазинам? Зачем?

— Хочу купить Ване кое-что! Только не надо спорить! Как я тебе? Ты ничего не сказал.

Маша сделала завивку. Ее прямые белые локоны превратились в спирали.

— Тебе очень идет, ты теперь более... знойная, что ли... Хотя раньше мне тоже нравилось... — С женщинами никогда не поймешь, хвалить перемены в их внешности или нет. Похвалишь — решат, что до этого ты считал их уродинами. Не похвалишь — расстроятся из-за того, что изменились к худшему.

— Знойной... а это хорошо? — Маша шагнула ко мне.

— Нормально... а зачем вам в магазин? — возвращаюсь к прерванному разговору.

— Хочу купить Ване подарок на Рождество. Послезавтра Рождество!

— Католическое, до нашего еще две недели.

— Ты что, нерусский? Католическое! Какая разница, да хоть мусульманское, главное подарки! В общем, ты погуляй, мы сами разберемся, правда, Ваня?

В комнату вошел перебинтованный «британец» с коротким серым мехом, видимо Черчилль. Вид невеселый.

— Можно погладить? — оживился Ваня.

— Только аккуратно.

Ваня протянул руку, провел по лоснящейся голове.

— А что с ним?

— Немножко поранился, скоро пройдет.

— Иди, папа.

— Ты меня выгоняешь?

— Иди. Ты хотел погулять.

— Если хочешь, я останусь.

— Нет, папа, не надо.

Брожу по улицам. Просто так, без цели. Будто только выпустили из тюрьмы. Даже помахал руками — убедиться, что не в наручниках. Покрутил шеей, поводка нет. Прохо-

дящая мимо девушка улыбнулась. Я беззаботно подмигнул ей и сам себе удивился.

Вокруг кипит жизнь. Топ-менеджеры, за километр распространяющие дурман высокой «белой» зарплаты, идут обедать. Вышли из офисов в одних пиджаках. Ветер забрасывает их стоевровые галстуки на плечо, топ-менеджеры оправляют галстуки, не теряя достоинства. Лузгающие семечки милиционеры, с затылками, подстриженными скобкой, и торчащими из-под фуражек нагленными челками, проверяют документики у щетинистых гастарбайтеров. На площади стоит серый автобус, окна которого задернуты театральными шторами темно-красного бархата. Шторы подрагивают, как занавес перед началом спектакля. Спектакль начнется сразу, как только сюда осмелится припереться хоть одна школьница с антиправительственным лозунгом. Из автобуса посыплются, стуча ботинками, серо-пятнистые мужчины, отберут у школьницы лозунг и уволокут ее за волосы в кузов с зарешеченным окошком. Две старшеклассницы в сильном макияже, скрывающем свежесть их юных лиц, выходят из бутика итальянского нижнего белья. Няня-бурятка с раскосыми глазами и смуглым лицом ведет

бледную девочку с большим портфелем. Судя по бледности и очкам, девочка является отпрыском интеллигентной московской семьи. Молодой человек с повязанным на парижский манер шарфом неумело пытается загнать на бордюр новенькую японскую малолитражку. Парковщик с простонародным лицом, бурно жестикулируя, кричит ему: «Выворачивай! Руль выворачивай! Теперь на меня!» В бетонной чаше-цветнике, полной оперативно высаженных в связи с затянувшимся потеплением «анютиных глазок», прикорнул беспризорник. Спит или в обмороке. Какой-то шутник пристроил ему в ухо цветочек. Такса, оттопырив длинный и острый, как нос Буратино, хвост, прудит на углу цветника. Ручеек пересекает тротуар. Переступаю.

Прохожу мимо многочисленных кафе. За окнами сидят люди. Едят, пьют, смеются. Мой взгляд останавливается на загорелой женской талии в заниженных брюках. Талия переходит в красивую задницу, которая расплющивается о табурет. Смуглую кожу расчерчивает полоска стрингов. Повторяя форму тела, обтягивая немного пышные бока хозяйки, полоска идет по ямочкам на крестце, раздваивается и убегает в ложбин-

ку между булками... Как я буду жить, когда женские джинсы с низкой талией выйдут из моды?

Захожу в кафе, усаживаюсь за столик. Оглядываю посетителей. Ненароком бросаю взгляд в сторону девушки с талией...

Круглое лицо, раскосые голубые глаза, уши низко сидят, нос приплюснутый... Как же так?.. Какая дурацкая насмешка... Как будто снова обнаружил в аппетитном салате длиннющий волос... А со спины и не скажешь, талия такая...

Рядом почтенная дама, одета со вкусом, прическа, маникюр.

За окном появилась колонна грузовиков-эвакуаторов. Некоторые посетители кафе выбежали к своим «фольксвагенам», «мерседесам» и «пежо», в том числе и мама девушки с талией. Дочка жалобно замычала, и мать взяла ее с собой.

Сквозь стекло видно, как кто-то успевает дать задний ход и скрыться. Остальные подходят к гаишнику договариваться. Почесывая голову под фуражкой, тот выслушивает объяснения незадачливых водителей и отправляет их по одному в машину к своему напарнику. Там дело решится. Так жизнь и

проходит, люди знают, что придет цунами, но все равно строят хижины у океана. Они паркуют автомобиль там, откуда его рано или поздно увезут. Придется рыскать по штраф-стоянкам, расположенным на краю города, стоять в очередях, писать заявления, платить штрафы. Но люди раз от раза повторяют это. Платят взятки гаишникам, садятся за руль, делают круг, дожидаются отъезда «эвакуаторов» и возвращаются на прежнее место.

Пока мать договаривается с милиционером, девушка-даун топчется у окна кафе. На ней темное пальто. Вдруг я замечаю в этом пальто свое отражение. То есть лицо отражается в стекле, за которым ткань, и получается, что я вроде как отражаюсь в ткани. Лицо словно под водой, складки-волны колышутся «надо мною». Девушка делает шаг в сторону, «я» исчезаю.

— Что-нибудь выбрали? — слышу голос официанта.

— А? Так... а что у вас тут... так... — листаю меню. Зеленый чай, пирожное «карамель»... Черт! У меня ж ни копейки! Все менту отдал!

— Извините, мне пора...

Снова брожу по переулкам. Звонит телефон. На экране определился Машин номер.

— Ало. Ну, как вы?

— Ваня пропал...

Словно в забытьи. Бегу. В кармане звенит мелочь. Прижимаю карман ладонью. Вот оно. Случилось. Я же этого ждал... Как можно было его потерять?! Что за дура!.. Нет, я не хочу, чтобы Ваня теперь исчез... Потом, может быть... но не теперь... У нас еще дела всякие незаконченные... премьеры... Я не извинился перед ним после вчерашней ссоры...

Маша ждет на Тверской.

— Что случилось?!

— Мы подстриглись... пошли по магазинам... все купили, джинсы, рубашку... очень красивую, сели в кафе отпраздновать... я в туалет пошла, возвращаюсь — его нет... Куда он мог пойти? — Маша пытается говорить бодро, чтобы скрыть отчаяние.

— А я знаю?!

— Где он может быть? Что его интересует?

— Он непредсказуем!

— Он после стрижки волосы зачем-то собрал в пакетик и в карман положил. Может, это что-то значит?

— Это он всегда делает.

— А зачем?

— Да какая разница! — раздражаюсь я. Нашла время любопытничать.

— Может, это поможет его найти... — виновато говорит Маша.

— Он волосы собирает, потому что считает, что если волосы попадут чужим, то его сглазят.

— Сглазят?

— Порча, плохой взгляд.

— Поняла.

— Или уборщица в парикмахерской будет ругаться, убирая волосы, и таким образом наведет на него плохую энергию. Или птички соведут гнезда из его волос и будут там какать. Получится, они срут ему на голову.

Маша улыбнулась. Я поневоле тоже.

— Ну что, помогла информация?

— А может, он просто домой пошел?

— Домой?.. — Странно, что эта простая мысль сразу не пришла нам в голову.

— У него ключи есть?

— Да, он их на шее носит...

Мы с Машей бросились в метро.

Дверь квартиры заперта. Внутри никого. Проверяю Ванин тайник. Пусто. В большом кармане ничего нет.

— Картины нет... Видимо, он ее взял и куда-то пошел...

— Может, захотел вернуть?

— Не хочет он ее возвращать, не поняла еще?!

Маша молчит.

— Он ее перепрятал еще раньше... — вспоминаю я. — Когда Соня сюда приперлась и трясла его, картины здесь уже не было...

— Не мог он куда попало пойти. Подумай. Дача, кладбище... — перебрала варианты Маша.

Через полчаса мы вбежали в ворота кладбища. Уже смеркалось. Под ногами мокрая листва. Вокруг старые плиты, новые памятники, замшелые ограды. Участок 49 Б, поворот, колодец... Ну, слава богу!

— Ваня, что ты тут делаешь?!

Протискиваемся вдоль летчиковой решетки. Ваня орудует лопатой. Урны с моими родителями лежат у его ног минометными минами. Могила наполовину разрыта.

— Вань, ты с ума сошел?! Что ты творишь?! — вырываю у него лопату.

— Папа, не ругайся, я решил выкопать

художника, — ответил Ваня спокойно и уверенно.

— Зачем он тебе?!

— Мне ангел сказал, что он там в гробу воскрес. Его надо отпустить.

— Как тебе такое вообще в голову пришло! Могилу раскопать! Это же преступление!

Он выслушал меня, не перебивая.

— Мне ангел сказал.

— Ангел е... — я сдерживаю ругательство, так и норовящее сорваться с губ. — Слава богу, никто не заметил, а то бы искали тебя сейчас по психушкам вместе с твоим ангелом!

Ваня стоит по колено в могиле. Новые темно-синие вельветовые брюки перепачканы глиной. Брусничная рубашка растегнута. Стрижка броская — виски выбриты, волосы торчат гребнем.

— А где ты лопату взял?

— Там, — Ваня машет рукой в неопределенном направлении. — Там дорогу ремонтируют, и лопата стояла.

— Ты, оказывается, серьезно склонен к воровству.

— Я верну.

Вспомнилась Венера.

— Ты решил его выкопать и спрятать здесь картину?

Ваня посмотрел на меня с осуждением. Понял, что я рылся в его тайнике без спроса. Лицо у него стало надменным. Хоть он и стоит в яме и смотрит снизу вверх, ощущение, будто я у его ног. Он гордо изрек:

— Картину я спрятал в другом месте.

Слышно, как ветер шелестит в ветвях деревьев. Далеко, за забором кладбища, гудит город.

— Как тебе новый Ванин имидж? — нарушила тишину Маша. — По-моему, цвета подходящие. И прическа...

Ваня в яме приосанился. Кое-как закидав могилу землей, мы отправились восвояси. Лопату пришлось просто прислонить к сторожке. Ваня забыл, где и у кого ее позаимствовал.

В день премьеры, двадцать четвертого декабря, я опомнился и решил постирать одежду, чтобы предстать во всем блеске. Ваня, традиционно занимающийся стиркой, загрузил белье в машину, старательно взвесив его перед этим (должно быть не более пяти килограммов), и в течение всей программы следил, как крутится барабан. Он и меня на это зрелище подсадил. Обожаю смотреть,

как за круглым стеклом вертятся, валяются друг на дружку простыни и полотенца. Когда барабан останавливается для замачивания, можно в общей куче мокрых тряпок опознать отдельные вещи. Тогда Ваня радостно вопит, что вот его рубашка, а вон мой носок. Вода прибывает, плещет на дверцу-иллюминатор, и кажется, что наш корабль идет ко дну. Тут барабан разгоняется, откачивает воду, а белье прибывает центробежной силой к стенкам, обнажая блестящее дно барабана.

Раньше серый гофрированный шланг для стока грязной воды был выведен прямо в раковину. Он был привязан к крану веревочкой от торта. Шланг этот напрягался совершенно эротически, извергая из себя мощную, мутную, желтовато-серую струю. Если я оказывался поблизости в такие моменты, то смотрел на струю, испытывая счастье, зная, что это грязь, от которой теперь избавлена моя одежда. Кончив таким образом, шланг увядал до следующего слива. Теперь шланг выведен напрямую в канализацию, и я лишен созерцания грязной воды. Подумываю вернуть все как было. Привязать гофрированный хобот веревочкой к крану, любоваться мутной струей, испытывать наслаждение и облегчение вместе со шлангом.

Я доверил Ване развесить белье на балконе. Он сразу уронил мои любимые джинсы. Я бы сбегал во двор, поднял бы джинсы с асфальта и дело с концом, но не тут-то было. Джинсы повисли на уровне четвертого этажа на ветвях осины. Я пожалел, что балкон выходит не на ту сторону дома, которая завешана рекламой. Так бы джинсы по крайней мере не оказались на дереве.

Мы с Ваней молча постояли на балконе. Точно моряки, смотрящие на волны, в которые только что сбросили гробы с их товарищами. Я мысленно попрощался с джинсами навсегда. Осина растет слишком далеко от дома, никакой палкой до нее из окна не дотянешься. Лезть опасно, наверху ветки тонкие, договориться с подъемником дорого. Придется любоваться на джинсы до скончания века, а пока надеть другие.

Воспользовавшись тем, что Ваня провинился, я решил попытать счастья, спросить его, куда он перепрятал картину.

— Это секрет.

— Вань, я не буду обижаться из-за джинсов, если ты мне расскажешь.

— Прости меня, пожалуйста, но я не могу рассказать.

— Если вернуть картину Лене, может, удастся подружиться с ней заново. Мне бы этого очень хотелось.

— Не пытайся уговорить меня, папа. Я буду непреклонен.

Зеркало на уровне Ваниного лица кривое, из-за чего его физиономия смешно расплывается. Он надел подаренную Машей рубашку с арбузным фраком и теперь оправляет складки.

— Приглашения взял?

Роемся в карманах.

— Нет.

— Где они? Я возьму.

— Не знаю...

— Как не знаешь? Я же тебе их дал.

Начинается поиск приглашений. Куда он умудрился их запихнуть?!

— Вань, вспоминай, где ты их видел в последний раз?

Он, покрасневшийся, бегает по комнатам, переворачивает вещи, книги. Заглядывает под кровати. Впустую.

— Нашел! Растяпа ты, — я вытягиваю гляцевый квадратик из кипы фотографий, ко-

торые Ваня несколько дней назад вывалил в кресло, чтобы рассортировать в альбоме. — Одно есть, теперь второе...

Ваня вернулся к зеркалу, я перевернул фотографии. Второго приглашения нет, хоть тресни.

— Вань, а второе где?

— Его там нет?

— Сам взгляни.

Поиски ни к чему не приводят. Я освобождаю кресло, сажусь. «Раз, два три... раз, два, три...» — считаю про себя, чтобы не накинуться на Ваню. Он беспомощно смотрит на меня.

— Что же делать?

— Отдать приглашение Соне и Маше, а самим остаться дома. Нельзя же сначала приглашать, а потом отменять!

Он понурился. Я даже взял сигарету, прикурил.

— В комнате не надо курить, — робко начал Ваня.

— Не зли меня...

Я курю, нервно барабаню пальцами по плюшевой ручке. Плюш меня успокаивает, бархатистый ворс так приятно гладить. Пальцы забираются между подушкой сиденья и подлокотником. Какие-то комочки

пыли, песчинки, что-то холодное... Достаяю железный рубль... Засовываю руку обратно в мягкую щель, прощупываю каждый сантиметр. Есть! Еще не достав находку, уже знаю, что у меня в руке. Но вновь обретенного приглашения не достаточно. Мною овладевает азарт кладоискателя. Запускаю обе руки во все пазухи между подушками и нахожу сокровище — старенький футлярчик губной помады. Выкручиваю красный стержень. Сточен почти до основания. С замиранием сердца понимаю — с этого стержня началось мое знакомство с губной помадой. Года в три-четыре я заметил, куда мама кладет яркую штуку, которой мажет губы. Улучив момент, я схватил футляр, выкрутил еще новенький стержень с характерным скосом и откусил... Пожалуй, это было мое первое серьезное разочарование. Вместо сладкого вкуса, сулимого цветом и блеском, я ощутил на языке жирную бяку с химическим ароматом. Зубы увязли, как в ириске.

Хвастаюсь находками Ване.

— Значит, мы опять идем?!

— Опять идем.

— Тогда я хочу накрасить губы, — ни с того, ни с сего заявил он. Я остолбенел.

— Зачем?

— В театре нам красили губы, глаза и щеки, это называется грим. А мы идем в кино, там тоже грим.

— В театре ты играл роль, а мы идем в кино как зрители.

— Зрители? Ну и что? Щеки и глаза мне не нравится, а губы хочу.

Я не спорю.

— Только, чур, не сильно!

Ваня выпятил губы как для поцелуя.

— Наоборот, растяни их, вот так, — я растянул губы, Ваня повторил, — а говоришь, губы тебе красили, — легонько провожу помадой по его губам, растираю, он смотрится в зеркало.

— Красиво! Еще давай!

— Это будет выглядеть диковато.

— Хочу еще!

Пришлось накрасить ему губы довольно жирно. Замечаю на Ванином подбородке одну выделяющуюся волосину. Шутливо держу ее.

— Пора бритву покупать! Совсем мужик.

Ваня рассматривает волосину в зеркале, про губы забыл.

— Я буду бриться, как ты, папа?

— Будешь как я. А я буду как ты! — хлопаю его по плечу.

— Ты крась, не отвлекайся, — Ваня вспомнил про губы.

Я еще гуще закрашиваю их помадой.

— Вот теперь хорошо. — Ваня удовлетворенно осмотрел свой неправдоподобно яркий рот.

Во дворе ждут сестры.

— Ты все время за рулем, выпей, расслабься. А я вас покатаю, — говорю я Соне.

— Не, я пить все равно не буду.

— Чего так?

— Антибиотики... Ну, погнали. Только в меня тут одна дуреха на «икс пятом» въехала, дверь заклинило. Кто через окно полезет? — спросила Соня, заводя двигатель.

— Можно я?! — застенчиво спросил Ваня. — Я хочу в окно!

Соня опустила стекло боковой двери, и, пока мы с Машей устраивались сзади, Ваня, неловко барахтаясь, ввалился в окошко внедорожника на переднее пассажирское сиденье. Сначала в салон проникла его верхняя часть. Затем он застрял и попросил о помощи. Соня дернула Ваню за шкуру, и он, головой в коврик, ногами на кожаную спинку, оказался в машине. Ване удалось поменять

местами ноги с головой, только когда мы переехали мост.

Соня предприняла очередной лихой маневр, отчего я уткнулся в шиншиловый воротник Машиного пальто. мех мягкий и немного влажный, на улице моросит. Уперся рукой в сиденье. Рядом Машина рука. Вираз оказался достаточно продолжительным для того, чтобы я ощутил мягкость ее щеки, аромат волос, холодный бриллиант в ухе. Наши с Машей пальцы соединились. Я как бы невзначай отнял руку, типа почесаться.

Увидев на перекрестке цветочный ларек, Соня ударила по тормозам.

— Без цветов нельзя.

Я собрался выйти из машины, чтобы выполнить ее просьбу.

— Нет, папа! Я пойду!

Не задумываясь над тем, что лучше просунуть в окно сначала ноги или голову, Ваня как-то весь сразу вывалился наружу и подбежал к ларьку. Прохожие и продавщица цветов немало удивились, увидев человечка, покидающего автомобиль столь необычным способом. Поболтав с цветочницей, Ваня вернулся к окошку.

— Есть тюльпаны! Сиреневые, розовые

и... и... Тьфу... блин! Забыл! — Ваня стучает ладонью о дверцу и возвращается к ларьку.

«Блин»? Что-то новенькое...

— Еще есть желтые с бахромой! Вот!

— А тебе самому какие больше понравились? — поинтересовалась Соня, роясь в кошельке.

— Сиреневые, как Маша в театре подарила.

— Возьми тридцать штук, — Соня протянула деньги.

— Нет, нет! Я заплачу! — вмешался я.

— Да не лезь ты!

— Что значит «не лезь»?

— Твои приглашения, наш букет!

После препираний решили оплатить пополам.

Прозрачная коробка ларька напоминает стакан с тропическим коктейлем. Стекла, как полагается, запотели. Среди разноцветных цветочных снопов маячат тени Вани и продавщицы.

— А что у него с губами? — спросила Соня.

— Да, я тоже заметила! — подхватила Маша.

— Накрасил.

— А зачем?

— Нельзя же в кино идти без грима.

Сестры расхохотались.

Минут через пять Ваня запихнул в окно тугой букет. Салон наполнился хрустом крепких стеблей и свежим ароматом закрытых бутонов.

— А я скоро буду бриться! Как папа!

Автомобили перед кинотеатром — как щенки, протискивающиеся к матери. Сразу после металлоискателя полукругом стоят журналисты с фотоаппаратами, за ними гости. Пожилые тети с сумками, девушки с длинными ногами, растущими из микроплатьев, волосатые-бородатые типы, по виду члены съемочной группы, состоятельные мужчины с сигарами и в розовых рубашках, обтягивающих их плотные тела, по виду друзья продюсеров. Вижу несколько знакомых по прошлой жизни лиц. Киваю кому-то.

— Здравствуйте, Федор!

— Ирина... — Ясновидящая в ожерелье из крупного янтаря, под руку с мужчиной.

— Это Павел, мой муж, познакомьтесь.

— А мы уже... э... очень приятно, Павел. — Пожимаю его сухую руку. Интересно, узнал он меня? Выглядит каким-то не выспавшимся.

— Мне подруга приглашение отдала. Она художницей по гриму у них работала, — поясняет ясновидящая. — Ну как, нашли хозяев картины?

— Ну... нашли, конечно.

— Завтра будет солнечно, — Ирина пристально посмотрела на Ваню, потом на меня. Из-за помады, наверное.

— Ой, правда? Спасибо! — обрадовался Ваня.

— За что спасибо? Я тут ни при чем, это судьба.

А вот и Лена! Хочется исчезнуть, спрятаться. Двое очаровательных детей. Девочка лет десяти и мальчик помладше.

— Привет! Молодец, что пришел!

— Соня, Маша, познакомьтесь...

Сестры переглянулись. Наверное, начали догадываться, кем Лена нам приходится. Она исподтишка разглядывает Ваню.

— Это Ваня. Ваня, это Лена.

— Очень приятно, — Ваня поцеловал ей руку, склонившись в своем особом реверансе. На руке остался красный отпечаток его губ. Я украдкой смотрю на нее. Что-то на лице промелькнуло. Как сухой лепесток петрушки, подхваченный водой в раковине.

— Это Даша, Сережина дочь, — Лена погладила по голове девочку. — А это Никита, наш общий, — прижимает стеснительно потупившегося мальчика к себе. Аккуратненький такой, в костюмчике, похож на нее... и Ваня похож... Какая разная у них похожесть, у Вани и маленького Никиты. Одинаковые механизмы, выпущенные на разных заводах. Один на лицензионном, другой на подпольном.

— Проходите в зал, мне пора на сцену, сейчас съемочную группу представлять будут. Увидимся на фуршете!

Я подал Ване знак. Он не понимает, я выразительно подмигнул. Ваня спросил Лену:

— Правда, у меня крутой прикид?

— Да, очень стильно.

— А я скоро буду бриться! Видите? — Ваня нащупывает и оттягивает волосину на подбородке.

— Ваня... цветы... — указываю на букет.

Тут Ваня вспомнил про тюльпаны и вручил их Лене.

После слов приветствия и благодарностей начался показ. Настоящий мюзикл с длинными танцевальными и вокальными номерами.

История Аленушки, бедной, но красивой и честной девушки. Соседки и подружки завидовали ее уму и красе и однажды подсунули отравленное яблоко. Но Аленушка приняла противоядие, одолела злодеек и отхватила самого завидного жениха. Ей помогали люди, некоторые звери и древние духи земли, которые дали ей нефть. Интересно, что все положительные герои оказались блондинами, а все отрицательные — брюнетами-очкариками.

Наибольшее впечатление произвела финальная сцена праздника на лесной поляне.

На середине поляны очерчен круг. По периметру — зубцы крепостной стены, напоминающие кремлевские. Только изо льда. Из-за тонких березок вышли десятка два парней и девушек в расшитых народных костюмах. Они выстроились вдоль круга и затаили медленное, лиричное начало «Калинки».

— Ах! Под сосною, под зеленою,
Спать полож-и-и-и-ите вы меня.
Аи, люли, люли, аи, люли, люли,
Спать положите-е-е-е вы м-е-еня.

Поющие разошлись в разные стороны, обнаружив в кругу пять фигур в красных плащах. Плащи упали на землю. Трое оказались девушками; одна мулатка, другая

брюнетка с древнеегипетскими глазами, третья — блондинка Лена-Аленушка. Девушки остались в нижнем белье, расписанном желтыми хохломскими листьями и красными ягодками. На Лене тоже трусы с лифчиком, только золотые. Обуты все в красные туфли на шпильках. В руках сжимают бутылки с водкой, названной в честь президента. Алкогольный завод — главный спонсор фильма. Еще двое оказались мужчинами, наряженными в тельняшки и камуфляжные штаны. Обуты в синие кеды с тремя белыми полосками. В руках — хлысты. На бицепсах татуировки: вертолеты, танки, парашютисты. Тела у всех атлетические и загорелые. Лица скрыты спецназовскими масками.

Ка-а-а-линка-малинка, м-а-алинка, моя,
В саду ягода, малинка, малинка, моя...

Сначала все пятеро двигались плавным хороводом, словно животные, красующиеся друг перед другом. Затем мулатка поставила бутылку себе на голову и уперла руки в бока. Парень сбил бутылку ударом хлыста. Да не просто сбил, а, прихватив ее хлыстом, дернул к себе и поймал.

Мулатка невредима, бутылка цела.
Зрители в зале свистят и аплодируют.

Второй парень не менее ловко повторил тот же трюк с брюнеткой.

Калинка-малинка, малинка, моя...

Парни стали приближаться к Лене-Аленушке с двух сторон. Она поставила бутылку на голову. Парни крутанули хлыстами и обвили запотевшую тару одновременно. Лена-Аленушка отскочила, а парни давай сверлить друг друга театрально-злыми взглядами. В левой руке у каждого по бутылке, на дрожащих от натяжения хлыстах висит третья.

Ах, сосенушка ты зеленая,
Не шуми же надо мной!

Парни начали мерно раскачивать свившиеся воедино хлысты с бутылкой.

Ай, люли, люли-и-ии.
Не шуми ты надо мной!

— Ка-а-а-а... — затянул хор.

Парни грохнули бутылку оземь. Осколки, брызги.

Калинка-малинка, малинка, моя...

Парни, как по команде, ударили теми бутылками, что были у них в руках, по своим лбам. Компьютерные графики превратили брызги и осколки в россыпи бриллиантов.

Я повернулся к Ване, он смотрит как зачарованный.

Одна из танцовщиц свистнула. Парни сбросили шапочки-маски. Под масками открылись головы Волка и Медведя. Зверинные головы натурально прирастают к человеческим телам. Морды-лица выражают человеческие эмоции, улыбаются, скаля клыки. У Волка верхний левый золотой.

Певцы хора тоже скинули одежду, и все начали лихо танцевать. Замелькали крупные и общие планы. Ракурсы сверху и снизу. Танцующие выделяют все то, чего обычно ждут от русского танца, и даже больше. Девушки задирают ноги, крутят «колесо», стоят на руках. Волк танцует вприсядку, высоко прыгая, расставив ноги и касаясь руками мысков своих «адиков». Медведь многократно прыгает через голову.

С неба капает. Черные капли на лице Аленушки. Их все больше. Танцовщицы сбросили расписные лифчики. Одна Лена-Аленушка осталась прикрытой. Парни-звери, как по волшебству, остались в одних черных трусах.

Сухой ритм «Калинки» стучит, как большое общее сердце.

Калинка-малинка, малинка, моя...

— Нефть, нефть, нефть... — пробегает шест по залу.

Так и есть. Нефтяной дождь, подаренный Аленушке Главным Духом Земли, превращается в ливень. Герои кружатся под ним в безумном танце. Мышцы, натягивающиеся на икрах, плечах, животах. Волосы девушек окатывают экран черными брызгами. С этой жидкостью можно развивать бешеную скорость, облетать земной шар за сутки, возводить небоскребы, закатывать пиры, удерживать и приумножать власть.

Вот она, моя страна — великая загадка, где все так же зыбко, как подача электроэнергии в тот дом, где ее существенную долю обеспечивает передвижной генератор на соляре. Если генератор однажды накроется, всему конец. Но пока этого не произошло, мы не строим электростанцию, мы молимся.

Вот она, моя Россия, взбалмошная дамочка, привыкшая к деньгам и вниманию мужчин. Все прекрасно понимают, что она груба и вульгарна, пьет и скандалит. Но достаточно одной ее улыбки — ей все простят. Одной ее нежной улыбки, одного взгляда в самые глаза. И ты уже поплыл, ты уже не владеешь собой. Моя родина, каждый шаг которой непредсказуем. Сегодня облачена в роскошное платье, ласкается и зовет, а завтра откроет дверь, накинув мятую, заляпан-

ную футболку, руки на груди сложит, чтобы исколотых вен не было видно, оттолкнет и не узнает. Захочет — в лицо плюнет, а захочет — отдастся.

Ноги сами топают в такт музыке. Некоторые зрители пританцовывают в проходах между креслами.

Картинка фильма смешивается с калейдоскопом моих видений. Страна со свистом и улюлюканьем проносится передо мной. Матросы, громящие дворцы, и юные аристократки, флиртующие на первых балах, «деды», избивающие «салаг», и пьяные купцы, катающиеся на санях по Москве. Казаки с серьгами в ушах рубят пашками, еврейские скрипки плачут, лошади вязнут в грязи, волоча пушки, медведи пляшут на ярмарках, платки кружатся вихрем. Вожаки мужицких восстаний в клетках на Красной площади. Пальцы чекистов жмут на курки, зэки валят лес.

Вот фашистские петли, в которых повисли комсомольские мученицы. А вот и сами фашисты, идущие на расстрел прусским военным шагом, вытягивают руку в последнем салюте. Вот священники с выжженными на лбу пятиконечными звездами. Вот пьяные женщины в розовых пуховиках танцуют

перед Мавзолеем в новогоднюю ночь. Вот смершевцы в темно-синих галифе стреляют в спины смертникам из штрафбатов. Черноглазые горцы режут глотки вчерашним рязанским, тамбовским школьникам в российской военной форме. Узкоглазые конники, белобородые витязи.

Тела танцующих на экране сливаются, образуя странных существ со многими головами, руками и ногами. Хохочущие, кривляющиеся лица.

Мне не нужен никакой порядок, кроме этого хаоса. Кроме этой неопределенности. Спасибо тебе, страна, за страсть, спасибо за ужасы, спасибо за прелесть, спасибо за страдания.

Летят ведьмы в ступах и со швабрами, русалки плещутся под сводами затопленных колоколен, тройки вороных влекут тачанки, поливающие пулеметным огнем. Мир, осененный татуированным крестом со спины уголовника.

Я вижу зал глазами персонажей фильма, вижу фильм глазами зрителей, вижу весь мир глазками камер слежения. Небоскребы, синие купола в золотых звездах, атомные подводные лодки, тучи стрел с горящими наконечниками. Малахит, дыба, бояре, рас-

терзанные царевичи, космические ракеты. Банные веники сливаются с розгами, хлещущими по кровавым спинам. Пар, валящий из бань, уходит в трубы тепловых станций. Лагеря, леса, дали. Маревое над черными реками, над болотами, на дне которых лежат сундуки с сокровищами, их пытались вывезти отсюда чужестранцы. Рядом покоятся их останки. А подле них защитники.

После того как в зале включился свет, мы вместе со всеми идем в холл, к накрытым столам.

— Ну как, Вань, понравился мюзикл?

— Очень понравился. Хорошо, когда все танцуют и поют!

Набрав полную тарелку закусок, мы прислонились к колонне и принялись поесть креветки и роллы. Ваня их никогда не пробовал. Мама считала, что, съев хоть кусочек сырой рыбы, обязательно заполучишь шестиметрового глиста. Соня с Машей увидели знакомых и пошли поболтать.

— Мне очень нравятся эти круглые штучки, — сказал Ваня, пережевывая роллы, расширяющие рот.

— Сейчас принесу еще, — оставляю его у колонны.

Закуски закончились, пришлось ждать, когда подадут. Вернувшись к Ване, я обнаружил его в компании трех подвыпивших мужчин разного возраста. Самому старшему, мрачному типу с бородкой, на вид лет под пятьдесят, средний, очкарик, мой ровесник, а младший, брюнет с азиатскими чертами лица, на границе второго и третьего десятка. Подошел я как раз в тот момент, когда мрачный совал Ване полную рюмку.

— Спасибо, я не пью, — строго отказывается Ваня. — Это карму портит.

— Он не пьет, у него сердце! — вмешался я, показывая всем видом, что Ваня под моей опекой.

— За Россию можно! После такого фильма! — громко настаивает ровесник-очкарик. Я рассмотрел его: русоволосый интеллигент, скорее всего журналист. Какой-нибудь кинокритик.

— Я с вами за Россию выпью.

Мне налили.

— Хватит уже за Россию пить, Миша, — перебил интеллигента мрачный тип.

— Вы что, Борис, охуели?! Слава Рос-

сии! — на последних словах интеллигент выбросил вперед правую руку, на фашистский манер.

— Вот, блядь! Из-за таких, как вы тут, скоро полный пиздец начнется! — ругнулся мрачный с бородкой и выпил один. Азиатский юноша выпил молча. Я погладил по плечу испугавшегося ругательств Ваню, успокоил его тарелкой с роллами. Фашиствующий интеллигент выпил последним, крикнул и снова прославил Россию.

— Какая, на хуй, Россия! Тут скоро все наебнется! Надо валить! Я не хочу, чтобы ко мне в дверь вломились матросы. Хватит уже! — снова заговорил мрачный, жарко дыша парами дорогой водки.

— Налоги надо платить, чтобы государство сильное было, — обиженно буркнул юный азиат.

— Знаете, Ренат, наши родители с этой страной расплатились на века вперед!

— Не с «этой» страной, а с «нашей» страной! — ощерился Ренат.

— Я в администрации десять лет проработал. Так что будьте добры, не лезьте в мои отношения с «вашей» страной! — устало ответил мрачный и снова разлил всем троим.

— А чем это ваши родители расплати-

лись? — поинтересовался интеллигент, подняв запотевшие очки.

— Чем?! Войной!

Мрачный дал рюмку интеллигенту.

— Лагерями!

Рюмку азиату.

— Коллективизацией!

Рюмку взял я.

— Голодом!

Протянул рюмку Ване, но, опомнившись, всучил ее проходящему мимо кавказскому франту.

— Крепостным правом! Какие налоги?

Все выпили.

— Слава России! — выкрикнул интеллигент и уронил голову.

— А вы что скажете? — обратился ко мне мрачный.

— Я?..

— Да, вы.

— Я... э-э-э... — не люблю все эти пустые разговоры о судьбе родины.

— Мне все нравится... я типа доверяю жизни, что-то типа того...

— Нравится ему! Ха! Дзендендизм обреченных! Как можно доверять жизни, когда здесь все такие, как вы! Никто не думает о будущем! А зачем думать, если все отнимут?!

Нам ничего не удалось изменить. Народу нравится, когда его пиздят. Цари всегда мочили свой народ. Иван Грозный трижды вырезал Новгород! Своих же, русских, резал! Туда даже татары-собаки не дошли... извини, Ренат... — мрачный хлопнул азиатского юношу по плечу. — А Грозный-сука добрался!

— Татары в грязи застряли, мне папа рассказывал, — поддакнул Ваня.

На столик поблизости, уставленный пустыми бокалами и тарелками с недоеденными закусками, вскарабкался игривый мужчина с животиком и раскрасневшаяся Ирина. Неужели муж снова уснул? Парочка принялась танцевать, крепко прижавшись друг к другу. С каждым их движением на пол что-нибудь падает.

— Посмотрите вокруг, это же пир во время чумы!

— Слава России! — интеллигент выбросил руку вперед.

— Миш, ты уже в одиночку начал? — неожиданно ласково, с улыбкой, спросил интеллигента мрачный.

Юноша-азиат наполнил рюмки. К нам подошел один из плотных мужчин в ярких рубашках. Только этот был с бородой.

— Опять о политике? — брезгливо осведомился он.

— Да, святой отец, о чем же еще!

— Познакомьтесь, отец Анатолий, наш человек в церкви, — представил новичка мрачный оратор.

— Признайся, что ты католиков больше любишь! — дурным голосом разоблачил отца Анатолия очкарик.

Тот с манерным презрением окинул зал, танцующую на столе Ирину и веско произнес:

— Были б мы католиками, не было бы всего этого бардака.

— Воистину! Мой дилер то же самое говорит! — крикнул очкарик. — С нами выпьешь?

— Миш, ты же знаешь, у меня почки. Да и астролог не рекомендует...

— России нужна твердая рука, — произнес юноша-азиат, не обращая ни к кому конкретно.

— Вот вы, молодой человек, представитель нового поколения, как собираетесь жить на этой проклятой территории? — обратился к нему мрачный.

— Я для того и учусь в школе ФСБ, чтобы как-то здесь жить. В полицейском государстве шанс есть только у силовиков. Больших

денег без причастности к спецслужбам не зарабатываешь, — отчеканил юноша-азиат, как по писаному. Будто не бухал все это время, а к выступлению готовился.

— То есть вы, молодые, не хотите ничего менять? Будете брать взятки и так далее?

— Я только большие взятки буду брать, — парень явно относится к тем, у кого в двадцать составлен четкий план до восьмидесяти.

Мрачный повел перед собой рукой на манер провидца:

— Я вижу Кремль и Рублевку, объятые пламенем! Я не хочу метаться среди обезумевших толп. Я хочу сидеть на собственной вилле в Каннах, есть сыр, запивать вином и смотреть по телевизору, как здесь все вспыхнет! Мы плывем на «Титанике», пора спускаться на воду катер!

— Бесовская страна! — поджал губы отец Анатолий. — Борь, налей.

Выпили. Кто-то тронул меня за локоть. Оборачиваюсь, передо мной Маша с Соней. Под каблуками хрустят осколки бокалов и раковины устриц.

Мрачный оживился:

— Девушки, простите мою навязчивость, у нас спор вышел. Скажите, откуда у России все эти проблемы?

— Какие? — уточнила Соня.

— Ну... эти, — от выпитого мрачный стал утрачивать ораторские качества. Он просто обвел зал рукой.

Из-под ног танцующей на столе парочки с грохотом упало блюдо с объедками. Ваня нервно посмотрел на меня.

— Это от того, что вовремя французам не сдались, — нашлась Маша, опередив сестру.

Такое впечатление, что сегодня все подготовились к политическим дискуссиям. Русские, как выпьют, сразу о политике начинают и о войне, как будто других тем нет. Услышав Машино заявление, присутствующие оживились. Даже порядком поддатый очкарик поднял голову и спросил:

— Что вы ска-сказали?

— Надо было французам сдаваться в во-семьсот двенадцатом году. Представляете, что бы тут теперь было? Великая русская культура восприняла бы великую французскую культуру. Парки, фуа-гра, Эйфелева башня, Монмартр. Как минимум, вы бы имели французские паспорта. Не давились бы в очередях за визами.

— То есть ты считаешь, во всем виноват Кутузов? — искренне удивилась Соня.

— Русский мороз и Кутузов! — с жаром ответила Маша.

— Если бы требовалось сдать вас, я бы сдался, — с галантным нахальством отвесил мрачный.

— Я пленных не беру, — парировала Маша.

Я посмотрел на нее новыми глазами. Скулы горят, вся завелась. Даже говорить стала без акцента.

— Ладно, не сдались французам, судьба дает вам второй шанс — немцы. Немцам точно надо было сдаваться. Гитлер, между прочим, хотел море в Москве сделать! Вам даже Лужков моря сделать не смог! Хоть бы море было! Немцы, конечно, не французы, но порядок бы навели...

— Это сто процентов! — неожиданно ожил азиатский студент школы ФСБ.

— Не перебивай, — одернул его мрачный. — Продолжайте, пожалуйста.

— Россия, как капризная невеста, отшивает хороших женихов. А потом и братик никто не захочет. Чего вы ждете? Американцев? Китайцев?

— Китайцам нельзя сдаваться, они собачек едят! — волнуясь, сказал Ваня.

— Это корейцы собак едят!

— Короче, проблемы все из-за того, что

вы шансы не умеете использовать, — подытожила Мария-Летиция-Женевьева, серебряная медалистка Парижа по кикбоксингу среди подростков.

— На эту тему у меня одна мысль есть, — сказал студент школы ФСБ. — Я прочел недавно засекреченный перевод Нострадамуса. Там написано, что в 2012 году Европу постигнет страшная катастрофа. Землетрясения, наводнения, засухи. Половина Италии утонет, Испания погибнет из-за лесных пожаров! А еще там будет война. Арабы начнут мочить белых. Полный хаос. А Москву это не коснется. И тогда европейцы ринутся к нам со своих разоренных территорий. Тут-то мы им и сдадимся! Сразу всем! И немцам, и французам, и даже прибалтам!

Мимо прошел официант с подносом, уставленным бокалами.

— Мэтр! Вина дамам!

Маша взяла бокал.

— Я только итальянцам буду сдаваться, — хихикнул отец Анатолий.

Танцующий на столе мужчина оступился и грохнулся на пол.

— Олег, вы в порядке?! — хохоча, крикнула Ирина.

Олег невредим. Поднявшись на ноги, отряхнулся от креветочных хвостиков, подал Ирине руку, и она спустилась к нему со стокилограммовой грациозностью.

— Если сдаться французам, ничего не изменится... — робко возразил Ваня, возвращаясь к прерванному разговору. Все повернулись к нему как к человеку, который ворошит забытую и наскучившую тему.

— Как же не изменится, молодой человек? Они принесут нам свою культуру, опыт, традиции.

— Никто не сможет изменить Россию. Роф... — Ваня стал путать буквы. — Роффия всех изменит... В Роффии все становятся руффкими...

Повисла тишина. Вокруг гул музыки и шум голосов, но нам показалось, что тишина.

— Ну и слава богу! — Все подняли рюмки и бокалы. Чокаются с Ваней. В его руке стаканчик сока.

— Слава России!

Я увидел Лену, она манила меня пальцем.

— Вот возьми, вам с Ваней к праздникам! — сунула что-то завернутое в рекламную страничку.

— Не надо.

— Бери. Ваня очень хорошо выглядит... как родители?

— Умерли.

— Извини...

— А твои?

— Папа в Швейцарии спину лечит, мама с ним... ну я побегу.

— Ты на праздники что делаешь? Можем повидаться...

— Я не в стране буду.

Ушла. Я приоткрыл уголок свертка. Деньги. Мимо прошли давешние собеседники, вольно под руки интеллигента-очкарика.

— Слава России... — донесся до меня его слабый возглас.

— Миша, вам отсыпаться надо.

— Грузи ко мне, я отвезу, — слышен голос азиата.

Возвращаюсь к Ване и сестрам.

— Домой?

Выходим во влажную прохладу улицы.

— Садитесь, довезем, — приглашает Соня.

— Это моя любимая песня, — ни к селу ни к городу сказал Ваня.

— Какая песня?

— Калинка-малинка.

Впереди строящиеся небоскребы. Похожи на огромные корабли, уходящие в землю под

прямым углом. На одном из строительных кранов пузырится и бурлит широкий триколор. На верхушке самого высокого небоскреба прожектор. Мощный белый луч шарит по небу. Прямо как я на даче. Только мой лучик был слабенький, а этот аж облака высвечивает. Как во время авианалета. Охота же людям деньги тратить. А может, это не для эффекта сделано? Может, они там, в небоскребе, тоже хотят с богом поговорить? Во все стороны на километры расходятся спящие жилые кварталы, а здесь с высокой башни люди без усталости пытаются найти в небе хоть какой-то намек. Хоть какую-то надежду.

У дома попрощались.

— Спасибо за вечер.

— Приходите к нам на день рождения! — пригласил Ваня.

— Точно! У вас же в конце декабря дни рождения, да?

— Вообще-то у меня послезавтра. То есть уже завтра, а... — начал я.

— А у меня послепослезавтра, то есть послепослезавтра, — запутался Ваня.

— Придем.

Соня отозвала меня в сторону.

– У нас секреты?! – крикнула Маша.

– Да нет, нет... Ты, я вижу, с актрисой этой поладил.

– Старые знакомые.

– Я поняла... Про картину рассказал?

– Собираюсь.

– Не тyani. Или я им сама скажу, что картина у тебя. Мне чужие проблемы не нужны. Ну, пока.

Перед подъездом, в клумбе не по сезону цветущих незабудок Ваня что-то углядел и нагнулся. Очередная находка. Навесной замок с торчащим ключом.

– Полезная вещь, – рассудил он.

– Ржавый, наверное.

Ваня с усилием повернул ключ, дужка отогнулась.

– Работает!

– Поздравляю.

– Пап, а если он был заперт, значит, он кого-то запирает?

– Просто валялся и никого не запирает. Потерял кто-то...

– Нет, он кого-то запирает! Кого-то невидимого... или что-то... А теперь я это выпустил на свободу...

– Ну может, и так. Тебе виднее, – треплю сына по волосам.

В подъезде на нас набросилась взволнованная консьержка.

— У вашей соседки снизу потоп! У Таисии Петровны! Труба забилась, а прочистить можно только от вас. Бегите скорее! Уже МЧС хотели вызывать!

Спешим наверх. Когда тебя встречают такими известиями, не знаешь, в каком виде предстанет квартира.

Под дверью маются два монтера в пропахших куревом комбинезонах и соседка снизу, Таисия Петровна, набожная вдова. Старшой — русский, с глубокими морщинами пьющего человека и железными зубами, подмастерье — молодой кавказец. Он волочит свернутый кольцами длинный стальной ребристый шланг с набалдашником.

— Ну, наконец-то! А я извелась вся! Пустите нас! — причитает Таисия Петровна, теребя накрученные на бигуди крашенные пряди.

— Ревизка у вас, от вас бить надо.

— Чего у нас? — не понял я.

— Ревизка! Ху... Люк такой в трубе. Специально для прочистки.

— Ой, пустите их, пожалуйста! — взмолилась Таисия Петровна и аж выдернула одну бигудину из своей копны. А выдернув, сунула

ее в рот, перепутав с платочком. Настоящие леди, когда нервничают, платочек к губам подносят.

— Сверху воду льют, приспичило им по ночам посуду мыть! А труба забита, и все у меня из раковины поднимается. Вычерпывать не успеваю!

— Заходите.

Простучав тяжелыми ботинками по паркету, монтеры прошли на кухню. Старшой указал на неприметный люк, вмонтированный в сточную трубу. Крашенный многими слоями масляной краски, как и сама труба. На моей памяти его ни разу не открывали для прочистки.

— Я сейчас вот эти болты сорву, люк сниму, и мы почистим.

Старшой взялся свинчивать болты. Ваня тоже пришел посмотреть. Когда последний болт соскочил, произошло нечто непредвиденное. Из-под люка коротким, но бурным фонтаном вырвался поток черных вонючих брызг. Всех обдало с ног до головы. Как глазированный зефир стали. Только глазами хлопаем.

— Это что, Палыч? — ошеломленно спросил подмастерье, утирая грязь с лица.

— А это, дарагой, говно, — многозначительно пояснил старшой, протыкая пальцем черный переливающийся пузырь, образовавшийся в отверстии люка.

Ополоснувшись кое-как, я взялся вытирать пол и мебель, а монтеры впихнули трос в люк и принялись бить.

— Раз! Раз!

Засор в трубе сопротивляется.

— Ломай его, Палыч! Крепче будет! — пыхтит молодой кавказец.

— Рано!

Они бьют снова и снова, трос уходит все глубже. Когда все шесть метров троса исчезли в трубе и остался только хвост, за который держатся монтеры, золотозубый включил кран. Вода все равно не уходит.

— Да у вас еще и раковина забита!

Ваня подскочил с беспокойством. Я боюсь, что он еще больше перепачкается или схлопочет тяжелым тросом по уху.

— Вань, не лезь! Дядя сам разберется!

Старшой уже развинтил «колено» и извлек оттуда рулон в пакете. Вот куда он ее спрятал...

— Отдай! — Ваня выхватил рулон и ударил им меня по башке.

— Вань, ты чего?!

— Ты хочешь у меня ее забрать! — Ваня колотит меня свернутой в трубочку «Венерой». Я кое-как закрываюсь. Монтеры отводят глаза.

— Вань, перестань! — Тут он выдернул из раковины сковородку и дал мне в висок...

Мне привиделся солнечный летний день, я в нашем дачном доме. Подхожу к окну, Ваня на лужайке поливает цветы из шланга. Замечает меня и озорно направляет шланг на окно. Вода разбивается о стекло, стекает бурными разводами, за которыми хохочет искрящийся Ваня.

Я выбегаю из дома. Вани на лужайке нет. Бегу за дом, туда, где лес. Из-за деревьев выходит странное существо. Похоже на лося, но без рогов, изящное, но не олень, нежное, но не лань. Существо тянет ко мне смешную мохнатую морду. Я глажу эту морду, а сам думаю, как оно сюда попало. Здесь же везде дачи, машины, люди. Как оно выживет здесь? А домой не возьмешь, куда такого девать...

Существо смотрит так, будто понимает мои мысли. И я читаю в его глазах: «не заморачивайся, все в порядке». Существо вроде как улыбается на прощанье и уходит в лес. Я остаюсь на месте. Жмурюсь от солнца. Прихожу в себя...

Вокруг необычайно светло. Рядом никого. На полу засохшие черные брызги, голова гудит, все плывет.

В комнате Вани в лицо ударил яркий солнечный свет. Светило встает из-за домов за рекой, из-за статуй, рекламы бульонных кубиков, башни министерства. Мощный луч заливает комнату желто-белым светом, пробирается в самые потайные уголки. Глаза временно отказались служить. Опускаю голову, ослепленный. Перед закрытыми веками крутится навязчивый золотой круг в зеленой каемочке на марганцовочном фоне. Прозрев наконец, осматриваюсь. Ушибаюсь мизинцем ноги о найденный Ваней перед подъездом отпертый замо́к.

Окно распахнуто, в ткани рекламы большая дыра, кровать разворошена, Вани нет.

За дверью нет, под кроватью нет, в шкафу нет.

Очень не хочется подходить к окну.

Подоконник, железные трубы лесов, доски на скобах, болты.

Первое воспоминание этой жизни — солнечная кутерьма, блики, отец подбрасывает меня в воздух.

В глаза попадает солнечный зайчик. Отразился от лезвия ножниц, лежат на досках.

Повторяю Ванин маршрут, доски шаткие. Хватаюсь за стойку, смотрю вниз...

Детская площадка. Деревья. Припаркованные машины. Тротуар. Ваня.

Бегу по лестнице.

На стенах мелькают бумажные календари с видами березовых рощ, пушистые котята, Дева Мария.

Бегу...

— Как же так... почему так неожиданно... мы так не договаривались, — твержу неизвестно кому, бубню под нос.

— Можно не спешить, ничего не изменится... теперь я свободен... свободен... совсем... а может, вообще спрятаться куда-нибудь от всего этого? Зарыться под одеяло... — Я перескакиваю через ступеньки, скольжу, падаю, спускаюсь ниже и ниже...

На первом этаже здороваюсь с консьержкой. Смотрит по телевизору утреннюю юмористическую программу.

Вокруг ни души. Где же народ? Ах да, ведь воскресенье. Все еще спят.

Ваня глядит в небо. Рядом с губой началась аллергия, сырой рыбы вчера переел. Правая рука сжимает обломанную веточку с почками, готовыми распуститься. Падая, схватился за нее и теперь держит крепко.

Поднимаю глаза. От земли до неба возвышается стена с рекламой. Края простеганы тросом. В области живота Лены-Аленушки, там, где наши окна, зияет дыра, часть свисающей ткани треплет легкий ветерок, который здесь, внизу, даже не ощущается. Высоко в синеве белеет шрамик — след самолета.

Санитары положили Ваню на черный полиэтиленовый пакет. Не в него, а на него. Может быть, исходя из какой-то этики. Чтобы не превращать при мне Ваню в «тело», в мусор, который принято складывать в пакеты. Вспомнил слова Маши, как она боялась увидеть своего Черчилля в таком пакете.

— Рот подвяжите, а то потом не закроется, — посоветовал кто-то и протянул платок.

Я подвязал Ване рот. Вчерашняя помада засохла, покоробилась. Толком завязать не удалось, ткань соскальзывает.

«Скорую» сильно подбрасывает. «Дорога плохая или рессоры», — думаю я.

В морге Ваню у меня забрали, я только попросил обращаться с ним ласково и не забирать веточку из его руки.

— Не любит, когда у него что-то отнимают... Упорный парень...

— Во что одевать будем? — деловито спросил санитар, под халатом голая грудь с редкими белесыми волосами.

— Одевать... Я принесу... Ване как раз новую рубашку купили...

Выходя, вижу очередь из нескольких человек с узелками. Родственники пришли передать для покойников погребальные наряды.

Солнце светит. Небо синее. Купорос. Еще на несколько ванн осталось...

Голубь, выгибая спину, растопыривая хвост и курлыкая, бежит по асфальту, сияясь взобраться на двух других голубей разом. За запахнутыми окнами морга видна палата со столами и тележками, тела лежат на них одно на другом. Вот вкатили Ваню, парень в белом халате точит нож на электрической точильной машинке. Я хочу что-то крикнуть

ему в окно, попросить о чем-то, но не знаю о чем.

Окна распахнуты во всех помещениях морга. В следующем окне медсестра печатает на компьютере, стоящий у нее за спиной доктор мнет ей грудь. Медсестра хихикает, игриво сопротивляясь.

За стенкой человек пять мужчин и женщин в белых халатах весело выпивают, играет громкая музыка. Заранее отмечают Новый год. Суховатый бойкий господин в пластмассовой короне набекрень произносит тост. Дородная дама заливисто хохочет.

Со мной что-то произошло. Невидимая сила усадила меня в железный танк, всунула в руки рычаги — длинные кривые зубы пенсионера-скребуна из метро. Я дернул эти рычаги, и лязгающая машина двинулась вперед. Мир вокруг превратился в картинку, словно на экране, мысли стали шифровками, передаваемыми по рации. Я — воин, для которого разбомбленный город — просто точка на карте; улицы, заваленные трупами, — параллельные и пересекающиеся линии.

Навстречу идет жирная женщина. На ее шее хомутом висит большое сердце из надувных шариков золотого цвета. Не просто ра-

зойтись со столь внушительным объектом, шарики трутся об меня, издавая резиновый звук.

Топ-менеджеры по случаю выходного переоделись в легкие свитера и прогуливаются с семьями. Искусственные елки, украшающие площади, задирают мишурные юбки, во ртах старух празднично сверкает золото. Я иду и иду, все дальше и дальше...

Сообщил Лене и сестрам. По рекомендации Лены с директором кладбища встретился юрист. После переговоров директор разрешил похоронить Ваню в нашей могиле, поверх художника Джорджа Сазонова, хоть это и противозаконно.

Организацию похорон Соня с Машей взяли на себя. Заснуть не получается. Шатаюсь по квартире. За окнами хлопают и рассыпаются предновогодние салюты. На рассвете прилег на диванчике в гостиной.

Утром сижу в Ваниной комнате напротив окна, за которым прорванная реклама и синее небо. Сегодня мы должны были вешать за окно кусочек сала, кормить синиц... Иду на кухню, открываю холодильник, отрезаю от заранее заготовленного шмата полоску,

насаживаю на проволоку и вывешиваю на балкон.

Вспоминаю, что пора мыть гриб. Бережно достаю представителя внеземной цивилизации из банки, обмываю его, плюхаю обратно.

Смотрю на потолок. На Страну Чудес Молочных, на «моря» и «материки». Вижу моего сына, смешного толстого человечка с широкой улыбкой и почему-то с хвостом. Хвост у Вани светлый и пушистый, как у Черчилля. Кошачий хвост трубой. Ваня хохочет и весело бежит вприпрыжку.

А мы ведь елку к Новому году собирались покупать. Что теперь делать, покупать или не покупать? Долго раздумываю, но никак не могу прийти к решению.

Ваня... у тебя же завтра день рождения... а у меня сегодня... мы сестер в гости позвали...

На сало прилетает одна бледно-зеленая синица. Вертит маленькой головой, клюет.

Чем бы заняться... Чищу обе пары Ваниных ботинок... У него всего две пары. В шестнадцать лет мальчику хочется хорошо одеваться, а у Вани всего две пары каких-то пенсионерских ботинок.

Вань, а ведь я уже решил жить с тобой долго-долго. Сдали бы квартиру, появились

бы деньги... Столько всего я хотел тебе показать, подарить.

Мое лицо само собой искривляется. Чувствую себя переполненным тазом, который может расплескаться от малейшего движения.

Иду в ванную, открываю краны, чтобы не было слышно. Хотя кто теперь услышит?.. Все равно, не могу в тишине! Как будто в одиночестве, а вода — хоть какой-то звук...

Слез появилось как-то сразу много, совсем ничего не вижу из-за них, а еще из носа течет. Вытряхиваю остатки медного купороса в ванну. Раздеваюсь, залезаю туда.

— Ваня, ты опять меня обманул... Сначала явился некстати, а теперь вдруг... так нельзя, без предупреждения... Ваня...

Сижу в ванне, смотрю в одну точку и качаюсь, как молящийся еврей. Синяя горка расходится, окрашивая собой воду.

— Прости меня, пожалуйста... Прости меня, Ваня... Мне никто не нужен, кроме тебя, Ваня... Какие нормальные дети?.. Что мне делать с другими детьми, Ваня?.. Раньше я хотел нормальных, здоровых детей. А теперь... на что они мне?.. Ты меня любил таким, какой я есть, а нормальные дети вырастут и станут относиться ко мне как я относился к роди-

телям. Будут стыдиться меня, будут ждать, когда я освобожу им место для жизни...

Мама, папа, мама, папа, простите меня... как все по-дурацки получилось... Как все нелепо получилось!..

Вытираю глаза, тут же натекают новые слезы, я их вытираю, они натекают...

На белом потолке выступили капли. Значит, жарко... Ах да, я ведь включил горячую воду... На кафельных стенках тоже капли. Черчу пальцем полосы. Кроме звука льющейся воды, ничего нет. Методичный, ровный звук. Он нарастает.

В день Ваниного шестнадцатилетия мы отправились его хоронить. Перед выходом я вытащил из ванны затычку, и остатки синей воды свинтились в трубу.

В морге, в зале для прощаний по полу катаются комья пыли. Зал высокий и узкий, как колодец. На стенах толстые занавеси из блестящей синтетической ткани. Ваня в гробу. Холодно.

— Красивый какой... — говорит Маша.

— Аллергия выскочила, суши переели... — оправдываюсь я, как все родители, которым кажется, что их детей перехваливают.

Едем по утреннему городу. Люди толкуются возле магазинов и елочных базаров.

Подъехали к церкви. Сестры пошли предупредить. Я остался в машине с Ваней. Он не любит одиночество.

Рассматриваю гроб, он весь украшен манжетами и кружевами. Этакий фронт с широкими плечами и узкими бедрами.

В церкви ждет Лена. Трогает меня за руку, темных очков не снимает. Я виновато улыбаюсь.

Отпевание. В левой руке свеча, тыльной стороной правой вытираю нос. Платка у меня нет, не могу я к платкам привыкнуть. Когда слышу шорох со стороны двух поющих заупокойную молитву старушек, крещусь. Они, когда крестятся, шуршат шалями, вот я по звуку и ориентируюсь. Пока крещусь, из носа успевает натечь. Утираюсь. Крещусь. Утираюсь...

Старушки прекращают петь.

— Что, все? — строго спрашивает Соня.

— Все... — отвечают старушки.

— Что-то мало.

— Как мало? По канонам, — обиженно бурчат старушки.

— Тогда мы просто постоим.

Маша хлюпает носом. Любуемся Ваней. Его волосы причесаны гелем, как у мальчи-

ка из хорошей семьи. Я никогда его так не причесывал.

Выносим гроб из церкви. Я держу со стороны головы, Соня с Машей у ног. Лена просто идет рядом. Когда Ваня родился, он был таким крошкой, а теперь вон как вымахал. Раз в десять увеличился. Совсем большой... Старушки поставили ему на грудь иконку. Она обращена к Ваниному лицу, а значит, и ко мне. Христос с глянцевого бумаги смотрит прямо мне в глаза. Я смотрю на Христа.

Охранник в воротах кладбища громко спрашивает:

— Соловьев?

— Да, — отвечает Соня.

«Кто такой Соловьев? Почему Соня ответила “да”? — недоумеваю я. — А... Соловьев — это Ваня, у него ведь фамилия Лены, еще с больницы осталась...»

Губы у Вани такого цвета, будто он черники объелся. Кое-где осталась помада. Ресницы длинные. Раньше я этого не замечал. А нос совсем как у меня, и брови... и волосина эта на подбородке...

Протискиваемся мимо летчиковой ограды. Под ногами мокрые листья, можно поскользнуться.

На влажной земле кое-где проросла трав-

ка, поднявшая старые листья, хвою и шишки. В травке блестит шуруп. Под скамеечкой краснеет яичная скорлупа, оброненная на какую-то давнюю Пасху.

На земле происходит движение. Кажется, что это галлюцинации, но, присмотревшись, понимаю: это множество жучков, паучков и муравьев снуют туда-сюда, оживившись на солнце.

Наблюдаю за одним плоским, цвета почвы, клещом, который застыл и греет на солнце то один бок, то другой. Изредка клещ меняет положение и потирает лапки. Я сажусь на корточки и осторожно трогаю клеща палочкой. Он опрокидывается на спину, растопыривает лапки и прикидывается мертвым. Выждав некоторое время и решив, что опасность миновала, клещ снова встает и возобновляет прием солнечных ванн...

— Попрощайтесь с усопшим, — тихо произносит могильщик.

Подхожу к гробу, смотрю на Ваню. В веточке, которую он по-прежнему сжимает в руке, что-то изменилось. Не пойму... Ах, вот оно что... Почка, одна почка распустилась. Вот те на... Была почка, а теперь клейкий листочек развернулся... А может, я его просто не заметил тогда...

Я глажу эту руку и покрываю грудь сына сложенным вчетверо лоскутным ковром, тайники которого набиты его сокровищами. Золотые завитушки, бабочки и жемчужины блестят в лучах солнца.

На глаза будто надели очки с толстыми линзами, которые мешают видеть.

Лена поправляет подушку под Ваниной головой. Голова поворачивается набок. Лена поправляет ее, голова не слушается. Она поправляет... гладит нежно Ванины руки. Кладет рядом холст с нефтяной Венерой.

Маша заговорила. После долгого молчания и слез голос у нее выходит хриплый, булькающий:

— Помните... он... Ваня, любит... мы из Интернета... как это по-русски... скачали... на день рождения хотели... хотим подарить... — Маша достала из сумочки новенький мобильный телефон, нажала кнопку. Заиграла «Калинка».

Ах, под сосною, под зеленою,
Спать положи-и-и-ите вы меня.

— Хороший звук... полифония... — прибавила Соня.

— Спасибо, — говорю я.

— С днем рождения. Это от нас с Соней, — Маша целует Ваню два раза, по французско-

му обычаю. Кладет к нему букет сиреневых тюльпанов и телефон.

Аи, люли, люли, аи, люли, люли,
Спать положите-е-е вы м-е-еня.

— Может, аллергию запудрить? Нехорошо... — Маша достает из сумочки пудреницу, начинает маскировать пятнышко рядом с Ваниной губой. Ждем.

Соня крестом рассыпает по Ване землю, полученную в церкви. Земля в бумажном кулечке. Кулечек сложен из продуктовой сметы. В глаза бросается «крупка гречневая, 50 кг, 75...» дальше сгиб, всю цену я не вижу. Соня берет икону с Ваниной груди, отдает мне.

— Так положено...

Смаргиваю толстые линзы с глаз, они проливаются и тут же сменяются новыми.

Могильщики забивают гроб. За стуком молотка под крышкой поет хор:

Калинка, калинка, калинка моя!
В саду ягода малинка, малинка моя!

Ищу глазами клеща, за которым наблюдал две минуты назад. Тщательно рассматриваю землю на том месте, где он грелся на солнышке, вглядываюсь в каждую травинку. Тщетно. Вытираю глаза, хватит раскисать, надо отыскать клеща. Не можем ведь мы так расстаться, не попрощавшись. Сажусь на

корточки, прочесываю каждый сантиметр зорким взглядом. Клеща нигде нет.

Рядом лежит временная доска Джорджа Сазонова и в который раз выкопанные урны с родителями, ждут, когда их снова зароят. Рыжая рассыпчатая земля глухо стучается о гроб.

«Калинки» не слышать.

— До встречи, — шепчу я. Могильщики ловко утрамбовывают стенки холмика, как детки утрамбовывают куличики в песочнице.

Чувствую каплю на лице. Одну, вторую.

— Дождь, — рассеянно говорит Соня, выставя ладонь. Капли падают все чаще. Со всем невесомое облако посреди ясного неба раздражается настоящим ливнем.

Я завожу свой танк и двигаюсь прочь. Меня никто не окликает. А может, и окликают, я не слышу...

Ваня, обещаю больше не материться, не буду портить карму... Обещаю молиться и защищать красоту... Когда-нибудь мы обязательно станем нефтью... Будем плескаться и булькать в подземных пещерах. А через миллионы лет нас отыщут, протянут к нам трубы-соломинки и высосут, как сок из стакана. Мы будем катиться по трубопроводам жирным, густым потоком. Нас переработа-

ют в бензин, мы сгорим, превратимся в облачко выхлопных газов, взлетим в небеса, и там нас вдохнет сам Господь...

Спасибо, что ты у нас был, Ваня, спасибо, что ты у нас был, спасибо, что ты у меня был... Господи, спасибо, что Ваня у меня был... Это ведь совсем не наказание было, Господи... Спасибо, Господи, за Ваню! Спасибо за Ваню! Спасибо и до встречи, Господи...

Город оживился, весенне-предновогодняя суматоха последнего рабочего дня. Жители снуют туда-сюда, точь-в-точь букашки в земле. Прячась от капель, топ-менеджеры забегают в рестораны, девушки в лосинах — под козырьки автобусных остановок. Милиционеры запрыгивают в свои просевшие «шестерки». Золотозубые старухи раскрывают зонты: только они предусмотрели перемену погоды.

Дождь постепенно переходит в снег. Сначала мелкие, а потом крупные влажные хлопья валят с неба. Они накрывают набухшие почки, расцветшие одуванчики и маргаритки, сочные газоны, клумбу незабудок, серый автобус с красными шторами, спящего безпризорника. Проходя яблоневою аллею, замечаю, что снег на ветвях очень похож

на белые пионы. Яблони расцвели белыми снежными пионами.

Я вдруг ощущаю, что во мне что-то исчезло. Я ничего теперь не боюсь. Раньше боялся, что у меня никогда не будет здорового ребенка. Я боялся школьных учителей, тюрьмы, ментов. Боялся нищеты, безработицы, импотенции. Боялся рака, СПИДа, пыток с выкалыванием глаз и иголками под ногтями. Боялся темноты, тараканов, киномонстра Чужого. Боялся, что останусь навсегда Ваниной прислугой...

Теперь мне не страшно.

Я больше не боюсь лишиться друзей, не сделать карьеру или прожить жизнь недостаточно ярко. Вот она, свобода. Не свобода от сына-инвалида, которую я так долго старался сохранить, а свобода от всего. Я больше не люблю. Ненависти тоже нет. Я не завидую. Не жду. И не верю. Во мне нет веры, только счастливое спокойствие. Передо мной бездна, я смотрю прямо в нее. Ваня подвел меня вплотную к ней и отпустил. Бездна, вот он я, прямо перед тобой.

Водители прогревают занесенные снегом автомобили. Кажется, что дымящие выхлопные трубы торчат из сугробов, а включенные фары светят, будто окошки в ледяных хижи-

нах эскимосов. Школьники катают из снега шары, чтобы слепить снеговика с улыбкой длинным полукругом. Снегоочистительная техника, застоявшаяся без дела, выползает на улицы, шумя моторами. Коммунальные службы буквально ловят снег на лету. Рабочие в оранжевых комбинезонах, с широкими лицами и лопатами, помогают машинам. Один рабочий ведет маленький бульдозер, другой забрасывает в его ковш снег из труднодоступных мест. Тротуар пересекают две студентки в коротких юбках. Тот, что с лопатой, ковыряется под колесом припаркованной машины и не видит ножки студенток. Тот, что в бульдозере, сигналиит. Тот, что с лопатой, поднимает голову. Тот, что в бульдозере, кивает на студенток. Они оба скалятся вслед уходящим ножкам. Проходя мимо, я невольно ловлю взгляд того, что в бульдозере. Он улыбается — мол, видел?

Ему очень хочется поделиться со мной радостным переживанием.

Я улыбаюсь в ответ.

Видел.

Александр Снегирёв: о любви, о судьбе, о литературе

– Александр, многим известна история Вашего знакомства с классической литературой, когда Ваш отец начал писать Вам, четырехлетнему мальчику, письма от имени персонажа повести Л. Толстого «Хаджи Мурат». Ваши ответы на эти письма стали началом диалога с Большой литературой. И все же хотелось бы узнать, когда Алексей Кондрашёв (настоящее имя автора. – Прим. ред.) понял, что он не может не писать?

А.С.: Отец наделил книги интригой и тайной, но именно мама дала совет писать. В подражание тому же Толстому после экскурсии в «Ясную Поляну» я начал вести дневник. Был конец марта 1990 года, мне было десять лет, дневник хранится у меня по сей день. Забавно, что Толстой сыграл в моем интересе к литературе такую роль, ведь он

даже не мой любимый писатель. Позже, когда я начал утрачивать интерес к дневнику, именно мама напомнила мне о нем. Она посоветовала записывать впечатления от поездок по другим городам и странам. Чисто для утилитарной пользы, чтобы не забыть интересные события и рассказывать потом друзьям. Я внял совету — и все сошлось. Возраст, особенности восприятия, новые яркие впечатления. Случилось главное — вместо туристических заметок я начал писать художественную прозу. Пришпоренная новыми красками, моя фантазия бушевала, и я не видел причин ее удерживать. Начиная описывать реальные события, я пускался в философские размышления, домыслы и мечты. А что, если бы?.. Одновременно подключились любовные переживания, и бомба детонировала. В двадцать лет я написал текст, который можно назвать полноценным рассказом. Он, кстати, издан — это «Выборы».

— Когда появился псевдоним «Александр Снегирёв»? С чем связан его выбор?

А.С.: Псевдоним я взял, находясь в твердой уверенности, что настоящий писатель обязан его иметь. Мне было двадцать пять, я отправлял свои рассказы на премию «Дебют». Имя принял дедовское, а фамилию...

Хочется рассказать таинственную историю, но ее не было. Я совершенно не помню, почему выбрал «Снегирёва». Впрочем, таинственность все же присутствует. Оказавшись спустя несколько лет рядом с роддомом, где появился на свет, я впервые решил вчитаться в имя человека, памятник которому установлен при входе. Им оказался знаменитый профессор Снегирёв. Он, кстати, оперировал Софью Андреевну... что ж такое, опять Толстой...

– Многим писателям в самом начале творческого пути приходилось преодолевать тернистый путь. Как сложилось Ваше вхождение в литературу?

А.С.: Пожалуй, мне повезло. Не представляя себе совершенно литературного процесса, будучи уверенным, что толстые литературные журналы исчезли вместе с Советским Союзом, я случайно узнал про «Дебют» и решил рискнуть. Надо ли говорить, что я был абсолютно уверен в тщетности своей попытки — мной владело мнение, что все премии у нас распределяются по благу и вообще кто я такой со своими рассказиками. Получив «Дебют», я был ошеломлен и понял самое главное — я могу вести диалог с людьми посредством текста. Меня слышат. И я начал

шпарить. Мне уже стукнуло двадцать шесть, за плечами был опыт любви, разочарования, серьезных потрясений, крушения надежд. Всего того, чем любой писатель питает свой мотор. Однако путь мой нельзя назвать легким. Отказов в публикации я с тех пор получаю не меньше, чем положительных ответов. Критики часто оценивают мою работу высокомерно и невнимательно. В литературе я кто-то вроде Дмитрия Нагиева — выскочка и шпана. Но меня это даже радует.

– Кто был Вашим первым издателем? Объяснил ли он как-то Вам, почему решил опубликовать Вашу первую книгу?

А.С.: Кажется, настало время признаться. Когда меня спрашивают, пишу ли я стихи, я отвечаю, что не пишу и никогда не писал. Это ложь. Когда мне было девять, я написал стихотворение и отправил в детский журнал «Трамвай». Мне даже пришел ответ с отказом. «Дорогой друг, ты молодец, но еще надо работать. Дерзай...» и т. п. Отказ на фирменном бланке «Трамвая» сохранился, иначе я бы забыл этот случай. Спустя шестнадцать лет мое сочинение, правда прозаическое, все-таки опубликовали. Наверное, потому, что я перестал пытаться рифмовать. Первая публикация моих рассказов состоялась в

красноярском литературном журнале «День и ночь» при тогдашнем главреде Романе Солнцева. Получилось все с подачи Евгения Попова, члена жюри «Дебюта». Книжное издание состоялось год спустя. Питерское издательство «Лимбус Пресс» выпустило коллективный сборник, и мои рассказы заняли в нем больше половины. Мне тогда казалось, что вот сейчас все меня прочтут и мир перевернется. Типичное заблуждение начинающего. Неизвестно еще, с чем труднее смириться: с тем, что тебя не публикуют, или с тем, что после выхода твоей книги солнце все так же встает на востоке.

Полюбили мои рассказы за энергию, за самостоятельное мышление, за безрассудство. Мастерство можно наработать, а сила и смелость — или они есть, или их нет.

— Откуда появляются идеи новых произведений?

А.С.: Мое зрение постоянно выхватывает из окружающей действительности курьезы, а мозг их развивает. А курьезов, к счастью, предостаточно. Я сторонник того, что искусство создается из подручного материала. Что есть, с тем и работаешь. В драгоценных металлах и камнях нуждаются ювелиры, художникам ничего такого не требуется.

– *Как происходит процесс работы над рукописью?*

А.С.: Я пишу от руки в тетрадях. Уже целый ящик накопился — вдове будет что передать в музей. Когда текст готов, перепечатаваю на ноуте. Смена носителя является первым этапом редактуры. Затем текст вылеживается, снова вычитываю его и правлю. Затем опять должно пройти время, желательно подзабыть, что писал и о чем, чтобы увидеть все свежим взглядом. После этого читаю вслух и правлю. Лучше всего читать на публике, но такой смелости мне хватает не всегда. Публичные чтения, даже перед одним слушателем, прекрасно выявляют все недочеты текста. После отправляю текст редактору. Редактуру очень ценю и подавляющее число редакторских предложений принимаю. Ну а последняя правка — уже после выхода книги: прямо на страницах.

– *Многие писатели могли творить только при соблюдении определенных условий: М. Волошин — писал стоя за самодельной кафедрой; О. Бальзак — только ночью, при шести зажженных свечах; Ф. Шиллер ставил ноги в ледяную воду и т. д. Есть ли какие-то специфические условия у писателя Александра Снегирёва?*

А.С.: Я нетребовательный, у меня даже нет своего стола, этого неперемennого писательского атрибута. Но три условия у меня есть: я пишу по утрам, на трезвую голову и в полной тишине. Тишину, кстати, может заменять гул огромного кафе. Главное, чтобы не отвлекали знакомые бытовые факторы. Именно поэтому, кстати, я много пишу в поездках, сидя в гостиничных номерах или в домах у друзей. Пребывание вне привычной среды позволяет целиком погрузиться в работу. Для меня важно перемежать литературную работу с физической: можно косить газон, можно таскать тяжести, жать вес в спортзале. Физические нагрузки необходимы.

– Как относятся домочадцы к Вашей работе?

А.С.: Дома меня не боготворят, но право на труд уважают. Этим я избалован с детства: помню, занимаясь в художественной школе, я иногда целиком погружался в работу, и родители относились к этому с пониманием, не дергали.

– Позволяет ли писательство зарабатывать деньги, чтобы жить спокойно и достойно?

А.С.: Писательство приносит деньги, например премии. Но приходится искать и другие заработки. Что, кстати, совсем неплохо. Занятия, не связанные с литературой,

отрезвляют, позволяют не погружаться в писательскую изоляцию, не становиться узником в башне собственной «гениальности».

– Входите ли Вы в какой-либо писательский союз, организацию, братство?

А.С.: Десять лет назад Римма Казакова пригласила меня вступить в Союз писателей Москвы, в котором я по сей день состою. Также являюсь членом международного ПЕН-центра. С одной стороны, писатели не должны сбиваться в стаи, с другой — подобные организации призваны отстаивать интересы писателей и литературы. Недавно, например, ПЕН-центр выступил в поддержку библиотеки имени Данте Алигьери, над которой нависла угроза закрытия. И поддержка эта сыграла важную роль. Впрочем, я — одиночка.

– Удаётся ли дружить с коллегами-писателями, или в литературе, как и в любой творческой среде, нет места для искренности, доброжелательства?

А.С.: Писатели мало чем отличаются от остальных млекопитающих. Любят, страдают и боятся смерти. Среди коллег у меня достаточно недоброжелателей, зато надежных друзей куда больше. Зависть всегда есть, я и сам

порой завидую чужим книгам и чужой удаче. Другой вопрос, какая это зависть. Бывает, например, читаешь книгу и думаешь: «Ай да молодец! Я бы так не смог!» Но такие эмоции не вызывают желания подсидеть удачливого коллегу или как-то ему навредить. Это как у рыбаков: радуешься чужому улову и немного печалишься, что он достался не тебе.

– Какие писатели-классики особенно дороги Вам? Назовите три самые важные для Вас книги, пожалуйста.

А.С.: Я очень люблю русскую литературу девятнадцатого и первой половины двадцатого века. Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Лесков, Булгаков. Люблю американцев за скупость средств и богатство чувств. Хемингуэй, Амброз Бирс, Шервуд Андерсон, Дос Пассос, Сэлинджер. Обожаю рассказы нобелевского лауреата Исаака Башевис-Зингера. Часто возвращаюсь к «Мертвым душам», «Братьям Карамазовым», «Макулатуре» Чарльза Буковски.

– Каких современных писателей Вам всегда интересно читать?

А.С.: Я читаю в основном наискось и обожаю чувство, когда хочется вчитываться. Буду говорить только о коллегах-соотечествен-

никах, чтобы список не получился необъятным. Меня увлекают тексты Анны Козловой и Алисы Ганиевой. Люблю остроумные рассказы Анны Аркатовой и ее печальные стихотворения. Кое-что у Михаила Елизарова, кое-что у Андрея Аствацатурова. Прослушал аудиокнигу «Лавр» — не мог оторваться. Люблю Дмитрия Данилова, он — настоящий художник. Читал Захара Прилепина и Олега Зоберна, кое-что очень понравилось и вдохновило. Люблю некоторые тексты и фрагменты Сенчина, Иличевского и Терехова. Некоторым рассказам начинающего Антона Секисова завидую, Евгения Попова считаю своим духовным учителем. У меня с книгами просто: или скучаю, или бью себя по колену и восклицаю: «Ай да сукин сын!» Мне кажется, наша литература находится на пороге нового расцвета, и я постараюсь сделать все, чтобы этот расцвет приблизить.

— Вы входите в редакционную коллегию журнала «Дружба народов». Вам интересна журнальная работа, она не мешает Вам?

А.С.: Я не люблю совмещать схожие виды деятельности: писатель-журналист, писатель-редактор... — все это не по мне. Я убежден, что писатель должен делать что-то совсем не писательское. Лечить людей, выращи-

вать огород, строить дома. Обстоятельства сложились так, что я участвую в жизни литературного журнала, и это мне по душе.

– Ваши ранние вещи отчасти автобиографичны. «Как мы бомбили Америку» – почти дневник Вашего пребывания в Америке. В «Нефтяной Венере» события личной жизни тоже нашли свое воплощение. Скажите, открывая свою душу и вынося на обозрение факты частного бытия, не чувствуете себя незащищенным? Не утрачивается ли сокровенное?

А.С.: Работа писателя построена на бесконечных попытках постижения и понимания себя. Если он высасывает сюжеты и смыслы из пальца, то зря тратит жизнь. Выдумывание может получаться хуже или лучше, но это всегда подделка, что очень быстро становится очевидным. Понимая себя, мы понимаем других, так что любой писатель всегда отталкивается от автобиографии, вопрос лишь в степени ее художественного переосмысления. Мы, вообще, живем в эпоху обращения художника к себе. Художник зачастую превращается и в объект, и в субъект искусства. Посмотрите на Марину Абрамович, Олега Кулика, Петра Павленского и многих других. К ним можно по-разному относиться, но тен-

денцию они выражают отчетливо. Мы устали от гигантских полотен, происходит переключение с макро- на микрокосм. Настало время созерцания нашего внутреннего царства.

Я всегда использовал факты собственной жизни и продолжаю это делать. А по поводу беззащитности... Беззащитны те, кто тщательно выстраивает вокруг себя стену. Во-первых, это говорит об их огромном страхе, а во-вторых, таясь от других, запутываешь себя. Да и нет таких стен, которые бы устояли перед непредсказуемостью жизни. Закрытость всегда терпит поражение.

– Роман «Нефтяная Венера» вошел в шорт-лист литературной премии «Национальный бестселлер», роман «Вера» тоже был в шорт-листе этой премии, но победителем не стал. Есть ли у Вас догадки, почему в 2009 году «Нефтяную Венеру» обошел роман «Степные боги» А. Геласимова, а в 2015-м «Веру» обогнал роман С. Носова «Фигурные скобки»?

А.С.: Не уверен, что писателю стоит обсуждать более успешных на каком-то этапе коллег. Премии — это всегда лотерея. Иногда побеждает сильнейший, иногда — стечение обстоятельств. Скажу лишь, что рад тому, что ничего не получил в 2009 году.

Рано мне тогда было премию получать. Наверное, поэтому я крепко спал накануне, совершенно не нервничал и чувствовал себя очень хорошо. До сих пор помню тот день. В 2015 году на «Национальном бестселлере» я и нервничал, и сокрушался. Впрочем, «Русский Букер», присужденный «Вере» в декабре, все компенсировал.

– На основе рецензий Нацбеста, которые оказываются в открытом доступе, на основе выбора жюри можно ли сделать вывод о недостатках своих вещей?

А.С.: Я стараюсь внимательно читать критику. Убежден, что отношения писателя и критика имеют такое же значение, какое имеют отношения бога и жреца. Что бы мы знали о желаниях богов, если бы не жрецы? Знали бы мы о том, что бог есть, если бы не жрецы? Существовал бы бог, если бы не жрецы? Я, например, не всегда могу даже сам себе объяснить, что я написал и почему. Критики трактуют, объясняют, формируют своеобразные религии, писательские культы. Другой вопрос, что критики бывают бестолковые, не способные не то что проанализировать текст, а даже пересказать сюжет. Критики часто воплощают свои нереализованные амбиции, идут на поводу у собственных слабостей, сводят счеты. Но если

я вижу трезвую интересную мысль в тексте критика, я могу внести правку в уже опубликованный текст. Несколько раз так делал и был счастлив, что критик, это была Валерия Пустовая, подметила конкретные недостатки и указала на них. Писательское счастье заключается в том, чтобы сделать классную книгу, а не отстоять амбиции.

– Роман «Вера» принес Вам звание лауреата премии «Русский Букер» в 2015 году. Скажите, какова была формулировка награждения?

А.С.: На премиальной грамоте ничего не написано. На сайте «Русского Букера» — молчание. Хотел бы я, чтобы формулировка включала слова «новаторство», «смелость», «красота». Но, боюсь, формулировки не было...

– Роман «Вера» во всем инновационный. Это проявляется в жанре: начинается как семейная сага, в середине оказывается психологическим романом, а заканчивается как роман-гротеск. Это проявляется в образе героини, в удивительном сплаве индивидуального и архетипического в нем. В стиле: социально-политические клише виртуозно сопрягаются с интимным, человеческим. В следовании традициям: в ранней прозе Вы в большей степени были ориентированы на западную литературу (многие сравнивали Вас с битниками, Бегбед-

ром), в романе «Вера» Вы, скорее, наследник традиций Андрея Платонова. Не случайно Веру часто сравнивают с Москвой Честновой из «Счастливой Москвы». Оценка критиков «Веры» очень высокая. А есть ли обратная связь от читателей? Понимают ли они своеобразие Вашего произведения?

А.С.: Я всегда ощущал себя наследником русской литературы. В мировой литературе мне ближе других традиции американских писателей, работавших в жанре рассказа. Пушкин и Гоголь являются частью меня, наравне с Хемингуэем и Сэлинджером. Не пойму, чего во мне больше. Сейчас, как и всегда, большим спросом пользуется сервисная, убаюкивающая литература, рисующая миражи. Мне это скучно. Литература обязана беречь, она может быть лекарством, но не обезболивающим. Встречи с читателями происходят у меня регулярно и география охватывает всю страну. Удивляет лишь то, что люди совершенно разных поколений и социального положения, проживающие в городах и селах, воспринимают «Веру» одинаково. Это роман о женщине, о любви и о стране. Роман о том, что любовь может вмещать в себя все, даже жуть. Роман, написанный стихами в прозе.

– *Вслед за романом «Вера» вышли 2 новые книги Ваших рассказов: «Как же ее звали?..» и «Я намерен хорошо провести этот вечер». Чем привлекателен для Вас жанр рассказа?*

А.С.: Во мне живут двое: читатель и писатель. И оба они обожают рассказы. Меня восхищает, как на нескольких страницах можно рассказать целую жизнь, как в паре фраз вырастает вселенная, и все ясно, и ничего больше говорить не надо. Рассказы напоминают любовную вспышку, когда вдруг встречаешься глазами с человеком и вы оба понимаете – вот оно. Не важно, что следует потом, важен лишь этот импульс, выброс огромной энергии, порождающей целые миры. И рассказ призван этот импульс передать. Великие рассказы – те, по прочтении которых вы испытываете то же самое, что и после встречи глазами с незнакомкой.

– *Как бы двумя-тремя словами Вы обрисовали типичного героя Ваших рассказов?*

А.С.: Это человек, который обожает жизнь и умирает счастливым.

– *Есть ли у героев рассказов прототипы? В частности, у центрального персонажа «Королевы Шантеклера»? Или рассказа «Яйца»?*

А.С.: Прототипом всегда являюсь я сам.

Прототип «Веры» тоже отчасти я. Вопрос лишь в соотношении реальности и вымысла. Начинаешь всегда с описания впечатления, сцены, случая, краски, а дальше история разматывается сама.

– В прессе развернулась дискуссия о том, какой тип современного героя должен появиться в литературе. Олигархи драматичной судьбы, креативщики, цинично управляющие сознанием масс, рефлексифицирующие интеллигенты, предпочитающие эскапизм, кажется, уже покинули авансцену. Какой тип героя, на Ваш взгляд, займет их место?

А.С.: Я считаю, мы вступили в эпоху, когда героя сменила героиня. Тщетные поиски героя имеют простую причину – героя нет. Гражданская война, репрессии и Великая Отечественная физически уничтожили миллионы мужчин. Женщины освоили мужские профессии, сохранив при этом женственность. Дефицит мужчин вынудил целые поколения матерей невольно воспитывать мальчиков-царьков. Недостаточно мужественных, недостаточно самостоятельных, избалованных и капризных. Мужчины в России – привилегированный класс, а нет способа лучше кого-то извести, чем наделить привилегиями. Избранность ослабляет. Не-

даром современные писатели часто ходят за героями в прошлое, а нынешние героини заняты в основном тем, чтобы доказать собственную мужественность, будто она и так не очевидна. Женщина — вот героиня нашего времени.

– *Важно ли для Вас общение с читателями?*

А.С.: Общение с читателями необходимо по многим причинам. Если ругают, спускаешься с небес на землю. Если хвалят, радуешься, но при этом преодолеваешь искушение славой, борешься с тщеславием. Разговоры с читателями подтверждают, что диалог, ради которого и существует литература, налажен.

– *О чем обычно спрашивают Вас на встречах читатели? Как Вы думаете, почему именно об этом?*

А.С.: Спрашивают об истории возникновения псевдонима и о причинах его выбора. Спрашивают, что такое счастье, любовь и бог. Есть ли у меня жена и дети. Почему об этом? Потому, что это темы моих книг.

– *Можете ли Вы вспомнить самый интересный вопрос, прозвучавший из уст читателя?*

А.С.: Однажды спросили, правда ли, что я плачу за издание собственных книг. Очень удивились, узнав, что платят, наоборот, мне.

– *Представьте, что у Вас есть всего одна минута на то, чтобы убедить пришедших в книжный магазин людей купить Ваши книги. Что бы Вы сказали?*

А.С.: Если вам нужна новая тема для разговора с близким человеком, купите мою книгу, и вам долго будет о чем поговорить.

– *Какой Вы писатель, многие уже поняли. А вот какой Вы человек? Есть разница между Алексеем Кондрашёвым и Александром Снегирёвым?*

А.С.: Разница между Александром и Алексеем лишь в том, что Александр пишет, а Алексей читает.

– *Есть ли в Вашей биографии то, что особенно повлияло на формирование Вашей личности?*

А.С.: Однажды я увидел, как соседка по даче моется в душе. Ничего прекраснее с тех пор мне на глаза не попадалось. Ну и некоторые рождения и похороны изменили меня необратимо.

– *Какие качества Вы цените в людях?*

А.С.: Смелость, умение понять другого, готовность рассмеяться.

– *Есть классификация писателей по отношению к такой категории, как любовь к женщинам. Вот Бунин, например, женщин любил.*

Любовался ими. Даже тогда, когда описывал цыганку с грубым кофейным лицом и лошадиными ключицами, любовался. А вот М. Горький, при всем своем восторженном отношении к женщинам, их не любил. Обязательно добавлял в описание их какую-нибудь да гадость. К какой категории писателей относитесь Вы?

А.С.: Я обожаю женщин, но я не люблюсь исключительно внешней красотой. Наверное, поэтому меня иногда упрекают в излишнем внимании к мрачному, к уродству, а я считаю, что все это красота, просто не глянцева. Женщины для меня как воздух: непонятно, как устроены, и жизненно необходимы.

– Вы давно и счастливо женаты. Что Вы цените в своей жене?

А.С.: Тело, волосы, улыбку и мировоззрение.

– Есть ли какие-то секреты сохранения любви в браке?

А.С.: Если женат на той, кого любишь, проблем не будет. А любовь — это умение понять другого.

– Муж-писатель — это счастье или бедствие для семьи?

А.С.: Однажды я слышал, жена отговаривала какую-то девушку от того, чтобы свя-

зываются с писателем. Жить с человеком искусства — испытание не для каждого. Нам легко, жена — режиссер, мы прекрасно друг друга понимаем.

— Ваша проза эротична. И Вы попадаете в тренд: на мировом книжном рынке наблюдается небывалый всплеск эротической темы. Как Вы думаете, чем он обусловлен?

А.С.: В моем случае причина проста — та самая соседка в душе. Может, еще гормоны. Это наследственное. А что с остальными происходит, ума не приложу. Может быть, мир вступил в новую эру античности с обязательным культом тела? По всем признакам именно это и происходит. Новая античность: «звезды» Инстаграма заменяют богов, супермаркеты стали храмами, внешняя красота зачастую определяет красоту духовную.

— Любите ли Вы готовить?

А.С.: Я делаю настойку на ягодах и травах. Называется «Снегирёвка». Зимой согревает, летом освежает. Прекрасно дополняет гастрономические шедевры моей жены.

— Есть ли у Вас домашние питомцы?

А.С.: Три года назад я подобрал на улице собаку. С тех пор она с нами. Настоящая

собака, похожая на волка. Кроме того, уже тринадцать лет у нас живет шиншилла. Вдумчивый пушистый отшельник. Люблю с ним поговорить. Мы очень похожи.

– Как проводите досуг?

А.С.: У писателей нет досуга: не успел расслабиться, тотчас мысль пришла. А если мысль не записать, забудешь. Преодолеваешь лень, берешь блокнот, записываешь.

По старой памяти люблю рисовать. Или гуашью по расправленным картонным пакетам из бутиков, или карандашом по бумажным пакетам из продуктового. Люблю рисовать на пакетах. Меня это возбуждает. Искусство всегда произрастает из вторсырья, как сирень – из навоза.

– Два года Вы учились в МАрхИ, знаю, что рисуете. Почему Вам так важна живопись?

А.С.: Живопись позволяет переживать красоту мира и делиться этим переживанием. Как и литература, впрочем. Это способ радоваться жизни и радовать других. Когда посещает вдохновение, я ему следую.

– Кто Ваши любимые художники?

А.С.: Люблю Рублева и Феофана Грека, обожаю фрески Микеланджело, карандаш-

ные работы Леонардо и «Джоконду». Люблю голландскую живопись, Ван Гого. Нравится Пикассо, Малевич, Шагал. Павла Федотова люблю, Пименова, Дейнеку. Нашу современницу Марлен Дюма обожаю. С детства поражен Брейгелем Старшим, с картинами которого, кстати, иногда сравнивают мои книжки. К счастью, человечество накопило такой запас прекрасных картин, что любить не перелюбить.

– Слушаете ли Вы музыку? Кого предпочитаете?

А.С.: Обожаю симфонические концерты на открытом воздухе. Чайковский – мой любимец. И Моцарт, конечно. И группа «Кино».

– Вы – магистр политологии, окончили РУДН. Как Вы относитесь к великому переселению народов, которое мы наблюдаем сейчас?

А.С.: Как можно относиться к погоде? Только принять ее. Переселения народов всегда вызваны погодными явлениями: засухи и неурожаи приводят к голоду, люди стремятся в более сытые регионы, происходит столкновение культур, начинаются войны. Мы удивительно зависимы от собственного желудка. Даже забавно, как часто мы принимаем банальный голод за возвышенные

мотивы. В ситуации переселения народов мы обязаны уделять повышенное внимание культуре. Народы меняются, идеи остаются. Власть держится не на штыках, а на идеях. Если наши идеи завоюют будущее, никакое переселение народов нам не страшно.

– Любите ли Вы свою родину?

А.С.: Люблю. Хочется иногда быть кочевником, но я привязчивый. Когда любишь, всегда уязвим. Зато потом не будешь себя корить, что жизнь прошла, будто не жил. Моя страна для меня как родители — есть и лучше, но других не надо.

– Как для себя определяете национальный русский характер?

А.С.: Иррациональность, подвиг, страсть.

– Что такое счастье? Что оно значит для Александра Снегирёва?

А.С.: Счастье — это смелость быть собой. Делать то, во что веришь, говорить только то, что считаешь важным, любить, кого любишь.

Беседу вела Ольга Аминова

Что гложет Александра Снегирёва?

Взаимоотношения с неизлечимо больным ребенком — тема в нашей литературе табуированная. Особенно с ребенком, страдающим, как теперь принято говорить, ментальным расстройством. И если усилиями родителей и благотворителей детям с синдромом Дауна и маленьким аутистам удалось прорваться в медийное пространство, то в нашей культуре их по-прежнему как будто нет. А когда чего-то или кого-то не существует в культуре, значит, не существует и целого пласта человеческой рефлексии по этому поводу. И говорит это в первую очередь о практически полном отсутствии в нашей культуре, да и в нашей действительности подлинного гуманизма.

«Нефтяная Венера» Александра Снегирёва является в этом смысле настоящим прорывом. На фоне восторженных текстов о «солнечных детях» — как модно называть сейчас

детей с синдромом Дауна — «Нефтяная Венера» выделяется невероятной искренностью и глубиной переживания. Переживания жестокого и безжалостного. Герой-рассказчик не щадит ни себя, ни окружающий мир с его стереотипами, лицемерием и полной неготовностью воспринимать чужое страдание.

Жизнь человека, ответственного за инвалида, сложна не только материально, но и эмоционально. И в этом смысле «Нефтяная Венера» напоминает знаменитый фильм Лассе Хальстрёма «Что гложет Гилберта Грейпа», в котором Леонардо ди Каприо сыграл роль умственно отсталого подростка, а Джонни Депп — опекающего его старшего брата. Невозможность предательства по отношению к безнадежно больному родственнику приводит героя к практически полному отказу от собственной жизни. С этой же проблемой внезапно приходится столкнуться и герою «Нефтяной Венеры».

И тем не менее болезнь Вани и связанные с ней трудности, даже экзистенциальные, — лишь внешняя канва повествования. Да, сделать главным героем романа подростка с синдромом Дауна — ярко и обескураживающе. Да, описание повседневной жизни, действий и высказываний Вани, его отно-

шений с внешним миром и с самим собой у Снегирёва устроено так, что на глаза часто наворачиваются слезы, и это вовсе не слезы умиления, которые так любят вызывать у своих читателей журналисты, трудящиеся на ниве благотворительности, а слезы отчаяния от несправедливости и неподвластного воображению ужаса устройства мира вообще. Однако «Нефтяная Венера» вовсе не ограничивается историей Вани и его отца.

«Солнечный ребенок» оказывается здесь увеличительным стеклом, сквозь которое автор смотрит не только на московскую жизнь, но и на современную жизнь в целом. Снегирёв, к слову, вообще очень московский писатель. В хорошем смысле московский. В его произведениях москвичи — живые, страдающие, в общем нормальные люди, а не сумасшедшие офисные карьеристы и рыночные хапуги, как по сложившейся еще в начале 2000-х традиции описывают Москву и москвичей большинство современных писателей. В романах и рассказах Снегирёва присутствует та живая Москва, которую можно любить, даже будучи человеком со стороны. Москва Александра Снегирёва — это город, в котором люди живут и умирают, учатся, ходят на свидания и на кладбища, ездят в

маршрутках и на метро; их жизнь не ограничивается маршрутом «дом-офис-бутик-кабак». В «Нефтяной Венере» очень сильно обаяние такой вот теперь уже старомосковской жизни: дач с «оборонным» запасом консервов, бывших престижных квартир, канализационные трубы которых не выдерживают напора сегодняшней жизни; бабушкиными тайниками и странными семейными традициями, вроде купания в медном купоросе.

Вообще размышления Александра Снегирёва о семье и — сложнее — об ощущении семьи как части себя занимают в «Нефтяной Венере» огромное и очень важное место. И это грустные размышления о роли родителей в жизни поколения, представителям которого сейчас 30+. Ведь, с одной стороны, жизнь и угасание советских родителей вызывают ужас и неприятие, а с другой — в реальной жизни невероятно трудно обойтись без их решений и помощи. Даже если эти решения и помощь не упрощают, а усложняют жизнь.

Собственно, и вся история «Нефтяной Венеры» начинается с волюнтаристски принятого жесткой, но человеческой бабушкой решения. И все бы шло мирно и, насколько в такой ситуации возможно, хорошо. Но «человек внезапно смертен», писал Михаил

Булгаков, и стратегия, направленная на защиту сына от тягот и страданий по поводу внука, рухнула. Герой-рассказчик оказался наедине с проблемами, от которых скрывался 15 лет, оказался «заложником *родительской добродетели*». Прятался в бытовом, но вовсе не в экзистенциальном смысле: «Наличие слабоумного сына не укладывалось в моей голове. Я, молодой парень, не смог смириться с этим. <...> Мне было ужасно стыдно за Ваню. Просто невысказанно признаться, что я отец дауна». Читая «Нефтяную Венеру», мы вместе с героем-рассказчиком вынуждены погружаться в мир такой страшной безнадежности и несправедливости, причиной которых явилось всего лишь фанатическое понимание христианских ценностей, что становится по-настоящему страшно.

«Я в Бога верю, – ответила мне врачиха. – Я видела, что у вас дауночек будет, но нельзя же невинное дитя убивать...»

Несправедливость мира по Снегирёву – это вероятность того, что совершенно посторонний человек в любой момент может преподнести тебе такой сюрприз, что твоя жизнь изменится бесповоротно. Впрочем, посторонние люди могут преподнести и

сюрпризы, от которых, даже находясь на самом дне собственного сознания, ты вновь почувствуешь себя человеком, — так появляются в «Нефтяной Венере» волшебные сестрички Соня и Маша. И в таких сюрпризах и появлениях, по Снегирёву, и заключается красота мира. Красота, которую сперва принимаешь с опаской, а потом от нее уже трудно, почти невозможно отказаться. Ведь внезапно оказывается, что условные другие, которых ты привык пугаться и стесняться, совсем не так страшны и совсем не обращают внимания на то, что ежеминутно разрывает тебе душу. Наоборот, в общем безумии подросток-даун и его уставший, потерявший силы отец оказываются едва ли не островком психической стабильности и человеческого миропонимания. По крайней мере у них хватает сил адекватно реагировать на артефакты вроде картины «Нефтяная Венера», одноименного мюзикла и пьяные разговоры о будущем России.

Читая «Нефтяную Венеру», мы проходим очень сложный, мастерски заданный Снегирёвым путь: от одного внезапного поворота в жизни к другому, еще более печальному.

И все-таки это не иллюстрация к модной теории о стадиях переживания беды — отрицания, гнева, торгов, депрессии и собственно принятия беды, — как может показаться на первый взгляд, ведь герою «Нефтяной Венеры» приходится пройти через все это. Это роман об относительности страдания вообще. О том, что вполне налаженная жизнь может разрушиться в любую минуту, и не один раз. О том, что казавшееся вчера невыносимым на самом деле было всего лишь досадным переживанием, а новый день подготовил такое, что даже и не представить себе, как пережить.

Взыскательный читатель может упрекнуть «Нефтяную Венеру» в невероятном, практически «сказочном» количестве совпадений. Вроде в жизни так не бывает. Но, во-первых, в жизни, к сожалению или к счастью, бывает еще и не так; во-вторых, совпадения эти являются не случайными или надуманными, а сюжетообразующими. Действительно, как в сказке. Хорошей сказке, внутренней логике которой «рояли в кустах» не мешают, а, наоборот, делают историю напряженнее и концентрированнее. Скучать не приходится ни на одной странице. Разве что во время политических разговоров. Но это как раз не

вина Снегирёва: на фоне той жизни, которую он разворачивает в своем повествовании, любая фальшь становится еще очевиднее и скучнее.

К сожалению, у таких книг, как «Нефтяная Венера», не может быть хорошего конца. Никто не будет жить долго и счастливо. Но по крайней мере, никому из героев не удастся остаться прежним. Уверена, что после прочтения «Нефтяной Венеры» что-то изменилось и во внутренней вселенной каждого ее читателя. А это главный показатель хорошей литературы.

Содержание

Нефтяная Венера	5
Александр Снегирёв: о любви, о судьбе, о литературе	284
<i>Аглая Топорова</i> . Что гложет Александра Снегирёва?	308

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

АЛЕКСАНДР СНЕГИРЁВ: ПРОЗА О ЛЮБВИ И БОЛИ

Александр Снегирёв

НЕФТЯНАЯ ВЕНЕРА

Новая редакция романа

Ответственный редактор *О. Аминова*
Литературный редактор *И. Добрякова*
Младший редактор *М. Каменных*
Художественный редактор *П. Петров*
Технический редактор *Г. Романова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Н. Сикачева*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндiрушi: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесi, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгiсi: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкiлi «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский квш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнiмнiң жарамдылық мерзiмi шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндiрушi «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндiрген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 01.08.2016. Формат 75x100 ¹/₃₂.
Гарнитура «NewBaskerville». Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,89.
Тираж 3 000 экз. Заказ 5710.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-91233-9

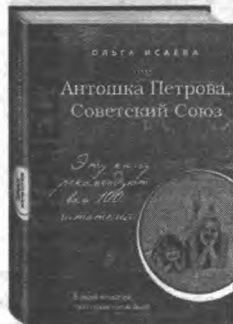

9 785699 912339 >

К Н И Г И   С Е Р И И

«ЗНАК КАЧЕСТВА»

100 ЧИТАТЕЛЕЙ РЕКОМЕНДУЮТ!
Психологическая проза. Истории о нас.

ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ

ПРОЗА ОТЧАЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ

Игоря Савельева часто сравнивают с известным американским прозаиком Джеком Керуаком, ставшим легендой и символом поколения битников. Предельная спонтанная исповедальность языка и способность отразить текучесть и изменчивость современности – вот основные черты творчества Савельева. Его проза – проза пути, дороги. Взглядом иногда романтического, иногда иронического скитальца оглядывает автор нашу действительность и находит в ней, казалось бы, такой выхоленной, нечто ценное: живого чувствующего человека.

Проза Александра Снегирёва драматичная, честная, чувственная. И всегда неожиданная. Его читают женщины и мужчины, студенты и пенсионеры, интеллигенты и шахтеры. Одни называют его героев подонками, другие – лицами поколения.

**АЛЕКСАНДР СНЕГИРЁВ –
ПРОЗА О ЛЮБВИ И БОЛИ.**

WWW.FACEBOOK.COM/ALEXANDER.SNEGIREV

«Юноша и девушка, едва перешагнув пубертатный возраст, полюбили друг друга. На девушке это соответствующим образом сказалось – она понесла и родила ребенка-дауна. Влюбленные в ужасе – психическая травма, истерика, раздор. От ребенка они отказываются – никто не согласен жертвовать своей молодой, ничем не примечательной, но все-таки единственной жизнью ради безнадежно больного отпрыска. В результате родители юноши берут внука-дауна на воспитание. ...Главное же, что происходит и захватывает читателя в книге, – процесс очеловечивания главного героя через общение с капризным, обидчивым, неполноценным и, в общем-то, нечеловеческим (но при этом все-таки родным) существом Ваней. И Ваня при этом тоже очеловечивается. Очеловечивается, не меняясь, – метаморфозу претерпевает не персонаж, а отношение к нему читателя, в чьем сознании автор производит явственный сдвиг. ...Роман сильный. Очень сильный».

– П. КРУСАНОВ

LENTA.RU
РЕКОМЕНДУЕТ

ISBN 978-5-699-91233-9

9 785699 912339 >

